
ЗАЖИГАЯ ПОГАСШИЕ ЗВЁЗДЫ
НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА. УТОПИЯ
ОЛЕГ ДЗЕН

Олег Дзен

Зажигая погасшие звёзды

«Автор»
2026

Дзен О.

Зажигая погасшие звёзды / О. Дзен — «Автор», 2026

ISBN 978-3-00-087374-4

Люди будущего победили смерть и научились возвращать тех, кто жил тысячи лет назад. Теперь им нужен Александр Македонский — и путь к нему лежит через ту, что знала его лучше всех: афинскую гетеру Таис.Таис заканчивает свой земной путь в эпоху войн диадохов. Пребывая среди тихих полей Элизиума, она и не подозревает, что люди будущего уже протянули к ней руку. Двое бессмертных, Марк и Эвелин, возвращают её к жизни — а вместе с ней в их мир входят её сильный характер, память и древние представления о жизни.Хватит ли ей сил пройти путь, на который человечеству потребовалось три тысячелетия? Бессмертие не даётся даром: ключ к нему — внутреннее преображение. И чем дальше, тем труднее ей понять, что же связывает её с Марком, — долг наставника или нечто большее. А тем временем Эвелин ищет пропавший в веках саркофаг Александра.«Зажигая погасшие звёзды» — светлая утопия о бессмертии, любви и памяти. Роман для тех, кто устал от антиутопий и хочет представить будущее, в котором хочется жить.

ISBN 978-3-00-087374-4

© Дзен О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 13
Глава 2 31
Глава 3 49
Глава 4 59
Глава 5 70
Глава 6 77
Глава 7 82
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Зажигая погасшие звёзды

Моим звёздочкам —
Ярославе и Эвелине

Пролог

Звёзды ещё не успели зажечь свои мерцающие огоньки в редких промежутках тёмных туч, как город был повержен. Высадившиеся с лёгких галер захватчики быстро расправились с немногочисленными защитниками. Уцелевших жителей согнали на центральную площадь, а победители разбрелись по улицам в поисках добычи. Их интересовало всё — от драгоценностей и предметов роскоши до инструментов и оружия.

Мечте Александра о единой великой империи не суждено было сбыться. Вражда между бывшими соратниками началась едва ли не сразу, как они разъехались по своим уделам. Даже тело самого Александра не сразу обрело покой после смерти. По дороге к месту погребения в Македонии его выкрал Птолемей, уверенный, что великий царь должен упокоиться в городе, названном его именем, конечно же во владениях самого Птолемея.

Войны диадохов[1] разгорались по мере того, как бывшие военачальники македонской армии понимали: возврата к единому государству больше не будет и теперь каждый стремился отобрать у соседа город, остров или кусок провинции. Грабёж прибрежных городов ради золота и рабов также был хорошим способом ослабить конкурента.

Из дверей крайнего дома вышел воин-пельтаст[2] и зло плюнул себе под ноги. В этом бедном хозяйстве старого гончара взять было нечего, лишь непроданные ещё амфоры, глиняная посуда и немного еды. Раздражённо выбросив масляный светильник на повозку с сеном, солдат задумался, оглядываясь по сторонам и решая, куда пойти. Это был последний дом на улице, дальше дорога уводила из города вдоль морского побережья, мимо поднимающегося направо склона горы. Пойти ли на соседнюю улицу или вернуться к центру? Вдруг его приятели не заметили чего-то ценного. Хотя вряд ли, трудно укрыть что-то от опытного глаза грабителя. Масло из светильника между тем медленно вытекало на повозку, и язычки пламени поползли по сухому сену.

Совсем рядом с домом, в тени между стеной и оливковым деревом пряталась маленькая фигурка. Она долго пробиралась по ряду крыш, осторожно ступая босыми ногами по черепице и опасаясь проломить кровлю. Добравшись до последнего дома в ряду, она спрыгнула вниз, больно ударившись о землю. Сама себе закрыла рот рукой, чтобы не закричать от боли, и лежала так до темноты, боясь пошевелиться. Больше всего она сожалела, что не успела накинуть тёмный пеплос[3] на плечи, ей казалось, что белый хитон слишком сильно выделяется даже в темноте. Когда тьма сгустилась достаточно, беглянка решила, что уже пора, поднялась и аккуратно стала пробираться к дороге, стараясь не наступить на камни босыми ногами — сандалии тоже остались дома. Надо лишь выйти на дорогу, а там до ближайшего селения не больше пятнадцати стадиев[4], там есть друзья, там спасение. До дороги оставалась всего пара шагов, как внезапно яркая вспышка осветила окрестности — это в одно мгновение вспыхнула повозка сена целиком. Беглянка испуганно взглянула на огонь, надеясь, что её никто не увидел. Но надежда была напрасной — её увидели.

— Стой! — пельтаст заметил белую маленькую фигурку и немедленно помчался за ней. Рабыня тоже была бы неплохой добычей.

---

[1] — Войны диадохов — это серия вооружённых конфликтов (323–281 гг. до н. э.) за раздел империи Александра Македонского между его бывшими полководцами (диадохами).

[2] — Пельтасты — тип лёгкой пехоты, вооружённой лёгким щитом пелта, дротиками и коротким мечом. Пельтасты были хороши в манёвренном бою, а также идеально подходили для грабежа поселений.

[3] — Пеплос — женская верхняя одежда, надевавшаяся поверх лёгкого хитона. Цвет пеплоса мог быть самым разнообразным.

[4] — Стадий — античная мера расстояния. Имел разное значение в разное время, от 177,6 метра до 192,7 (олимпийский стадий). Слово стадион происходит от слова стадий — стадион был ровно один стадий в длину.

Она побежала по дороге со всем своим проворством, надеясь налегке оторваться от вооружённого воина, хотя это было вовсе непросто. Вскоре огонь остался далеко позади, и их обоих укрыла тьма, плотные тучи полностью затянули небо. Это было ей на руку, хоть она очень смутно видела дорогу, но и солдат тоже не видел её и не знал, насколько она далеко. Дорога слабо поднималась вверх. Примерно на середине пути будет небольшой перевал, справа гора, слева — скала над морем, а дальше дорога пойдёт вниз, прямо к селению. Дальше будет легче. Надо только успеть забраться наверх, но усталость сковывала ноги — они были уже вовсе не такие быстрые и неутомимые, как когда-то в юности. Тяжёлое дыхание и топот ног сзади подгоняли её, придавая силы. Смутная тревога начала нарастать в душе, чем ближе она поднималась к перевалу. Нехорошее предчувствие поднималось откуда-то изнутри, снизу и обволакивало, сжимало сердце. Ещё несколько шагов и она достигнет самой высокой точки. И вот уже она наверху, и тревога в один миг сменилась отчаянием — над соседним селением поднималось зарево от пожаров — оно тоже было захвачено.

На один миг она остолбенела, не зная, что делать. Потом быстро свернула с дороги влево, там на скале, за большими камнями можно укрыться. Тихонько ступая по каменистой почве, она услышала, как воин остановился на дороге, пытаясь высмотреть, куда делась его добыча. Вот вроде бы подходящий камень, надо обойти его и лечь за ним. Ветер, словно издеваясь над ней, разогнал тучи, и в разрыве появилась полная луна, ярко осветив окрестности.

— Стоять, я приказываю! — опытный воин стоял на одном колене, низко опустив голову к земле. Так ему легче было обнаружить силуэт беглянки на фоне более светлого неба, и он её увидел.

Она снова бросилась бежать, но резко остановилась на краю обрыва — дальше пути не было. Где-то внизу слышался прибой, волны с шумом накатывали на острые камни. Глубокая обида на несправедливость мира вмиг охватила всю её душу. Та, что так любила жизнь, вынуждена сейчас принимать самое тяжёлое решение. Это был выбор без выбора — жизнь рабыни она себе не представляла, нет, так не будет!

— Не двигайся! — громкие шаги и тяжёлое дыхание уже совсем близко, прямо за спиной.

Лишь на мгновение она опередила чужую руку, едва не схватившую её за волосы. Она сделала шаг, оттолкнувшись от скалы.

Короткий миг — и холодные волны с шумом омыли камни, море забрало остатки той, что когда-то была Таис Афинской.

Лишь холодный свет луны был свидетелем произошедшей трагедии, да ещё далёкие, слабо мерцающие равнодушные звёзды.

* * *

Она шла по сумрачному лугу, раздвигая бесплотными ногами белые соцветия асфоделей[5]. Где-то позади остался поросший камышом туманный берег Ахеронта[6]. Странно, но она совершенно не помнила, как Харон перевозил её через реку. Да ведь у неё не было с собой даже монеток для платы за его услугу. Всё было странно в этом месте без солнца и неба, хотя неизвестно откуда бравшийся тусклый свет проникал повсюду, освещая путь.

По этому пути шло великое множество душ — так же, как и она, бесшумно ступая призрачными ногами. Справа и слева, спереди и позади неё все шли в одном направлении, так, словно знали куда. Она тоже знала. В конце пути она увидит трон Аида и его судей, которые будут решать, достойна ли она вечного блаженства в Элизиуме.

Лёгкая дымка, едва заметная вблизи, сгущалась вдалеке, плотно закрывая собой конечную цель их пути. Тишина царила в этом мире. Звуки словно вязли и утопали в вездесущей

---

[5] — Асфодель — травянистое растение с белыми соцветиями. В древнегреческой мифологии души умерших попадали на поля, заросшие бледными асфоделями.

[6] — Ахеронт — река, отделявшая мир живых от мира мёртвых. Перевозкой через реку занимался Харон; за это душа должна была заплатить один обол — самую мелкую монету.

дымке. Души шли молча, каждая занятая собой, не обращая никакого внимания на соседей. Нечто знакомое показалось ей в фигуре неподалёку. Когда фигура на миг обернулась, она узнала известного работорговца, Бутеса. «Вот как, значит, он тоже умер недавно», — без интереса подумала она.

Время как будто тоже умерло в этом мире. Не было ни дня, ни ночи и ничто не указывало, как долго они уже идут — усталости тоже не было. Монотонность происходящего ничто не скрашивало, не было здесь ничего, за что хотелось бы зацепиться взору. И, несмотря на обилие душ вокруг, поговорить было не с кем — никто никого не слышал.

Таис остановилась и вдруг с удивлением поняла, что ничего не изменилось. Всё те же души тех же людей окружали её, как и прежде, продолжая идти, они оставались на том же месте. Оглядевшись, она увидела, что некоторые и вовсе не шли — кто-то сидел, иные лежали. Она тоже решила сесть и медленно опустилась в траву.

И в этот самый момент её накрыла волна воспоминаний. Они были настолько яркими и убедительными, что мигом вытеснили собой теперешние ощущения. Она словно заново проживала свою прежнюю жизнь, начиная с момента, когда впервые стала ощущать себя маленькой девочкой. Живые воспоминания быстро сменяли друг друга, накатывая волнами, поднимая в душе давно забытые, загнанные в самые дальние уголки приятные и не очень переживания. Добрые мамины глаза, смутные воспоминания об отце, школа гетер… И вот уже она свободная женщина и может сама выбирать свою судьбу. В тот далёкий момент она ещё не знала, какую насыщенную событиями жизнь приготовил ей статус гетеры. Будь она обычной добропорядочной афинянкой — внутренний дворик дома, дети и муж — вот и всё, что она видела бы в своей жизни. Ну, иногда ещё редкие выходы в город и, как вершина всего, праздник в честь Деметры.

А пока она не слишком задумывалась об этом. Ей просто нравилось танцевать, и талантливую, не по годам смышлёную молодую девушку стали всё чаще приглашать на симпосии, продолжавшиеся до поздней ночи. Вот и сейчас, вернувшись в свой маленький афинский дом после очередного симпосия, она разделась и с наслаждением растянулась на козьей шкуре. Сейчас рабыня сделает ей массаж, после чего смажет кожу притираниями. Молодая сонная рабыня неосторожно споткнулась, выронив чашу с дорогим благовонием. Приятный аромат распространился по дому. Вот только притирание должно было быть у неё на спине, а не на грязном полу! Сонная дрянь, да как она посмела! Таис встала с ложа и, схватив свой пояс, принялась стегать служанку. Та, забившись в угол и прикрывая голову руками, сквозь слёзы тщетно пыталась оправдываться.

Внезапно воспоминания прервались, и жгучий стыд поразил душу Таис. Он жёг её и не отпускал. Больше никогда в жизни она не допускала такого обращения со своими рабынями. Вероятно, потому что в ту ночь она его отчётливо ощутила, но смогла усилием воли загнать в дальние, самые тёмные уголки души. Он, однако, никуда не делся, смутно напоминая о себе время от времени. А сейчас, словно вырвавшись наружу, овладел ею со всей силой.

И вот уже она видит саму себя — красивое, но озлобленное лицо. Холёное тело и рука с поясом… стегающая теперь уже её саму. Таис не поняла, как это произошло, но она видела сейчас себя глазами своей рабыни. И увиденная картина поразила её, она была в этот момент отвратительной. Ей не было больно — скорее обидно. Рабыне нравилась хозяйка. Она рада была ей услужить, но не её вина, что хозяйка всегда возвращается далеко за полночь и приходится прислуживать, когда особенно хочется спать.

Сила пережитого чувства выбросила её из воспоминаний. Она сидела, молча глядя перед собой и пытаясь вспомнить, сколько подобных случаев было в её жизни и сколько раз ей предстоит испытать их снова.

Странная картина привлекла её внимание. Невдалеке находился тот самый работорговец Бутес. Он прославился тем, что наказывал непроданных рабов. Так, если бы это они были

виноваты, что их никто не купил, и теперь он, Бутес, нёс из-за них убытки. Он неистово стегал кнутом по сгорбленным спинам, хотя это не имело никакого смысла ни с какой стороны. Вероятно, ему просто нравилось давать выход своей жестокости, наслаждаясь страданиями безответных жертв. Но теперь душа самого работорговца лежала на земле, корчась в муках, словно все девять эриний[7] одновременно били его своими кнутами.

Очень скоро Таис потеряла к несчастному всякий интерес — её воспоминания вернулись снова. Всё, что она видела и, главное, как ощущала, — всё повторялось опять. Симпатия, влюблённость в молодого царя, печаль от известия о его смерти. Потом был Птолемей, красавец и умница. Но самыми приятными были воспоминания о детях. Отважный Леонтиск и милая Эйрена[8]. Словно целебный бальзам, разливались они по многострадальной душе, заполняя собой трещинки обид, сглаживая рубцы оскорблений. Пока они сами не ушли в самостоятельную жизнь, оставив матери лишь воспоминания и любовь. Её она чувствовала до конца, до той злополучной ночи на скале.

Воспоминания закончились. Она снова сидела в том же месте, в окружении тех же душ, но что-то было не так. Что-то едва заметное изменилось в окружающей обстановке, и она огляделась по сторонам в поисках причины своего беспокойства. Наконец она заметила её — между рядами умерших душ шла высокая женщина. То, что она живая, Таис поняла сразу. Она сильно отличалась от всех, находившихся здесь. Длинное белое платье без рукавов было подпоясано на талии широким голубым поясом. Роскошные золотисто-русые волосы собраны в толстую косу, перекинутую через левое плечо. Из украшений на ней не было практически ничего, за исключением небольшого, но очень искусно сделанного серебряного колье с большим синим камнем. Она шла властной походкой хозяйки, внимательным взором скользя по рядам местных обитателей. Именно это и выдавало в ней инаковость. Таис с большим удивлением наблюдала за незнакомкой, пытаясь понять, как она сюда попала и кто же она есть на самом деле.

О милостивые боги! Как же она сразу не поняла?! Да ведь это же сама Персефона — прекрасная супруга бога Аида, царя преисподней. Только она могла свободно входить в царство мёртвых и выходить отсюда. Теперь понятным стало всё — и великолепная красота богини, и её простая, но изящная одежда, и независимая походка, и властный взгляд красивых глаз. Робость начала овладевать Таис по мере того, как Персефона приближалась к ней. И вдруг богиня остановилась прямо перед ней и долго смотрела, словно изучая. Таис так и продолжала сидеть, боясь промолвить хоть слово в присутствии хозяйки этого места.

— Кто ты? Назови себя, — повелительно произнесла Персефона.

— Я Таис, из Афин, моя госпожа!

— Встань, Таис!

Афинянка послушно встала. Она едва доставала макушкой головы до подбородка богини. Та внимательно, словно оценивая, заглянула ей в глаза, осмотрела с ног до головы, после чего удовлетворённо кивнула, развернулась и молча ушла туда, откуда появилась.

Проводив богиню взглядом, Таис снова села на прежнее место. И как только она это сделала, воспоминания накатили на неё с новой силой — с самого начала, опять и опять. Словно строгий учитель, заставляющий нерадивого ученика повторять раз за разом одно и то же, чтобы усвоить, наконец, невыученный урок.

* * *

— Марк, рад вас видеть! Проходите!

— Взаимно, Владимир, взаимно.

— Сто лет вас не видел!

---

[7] — Эринии — древнегреческие богини-мстительницы, преследующие преступников, доводя их до безумия своими карами. В орфической традиции их девять, но позже закрепилось число три.

[8] — Леонтиск и Эйрена — дети Таис Афинской от Птолемея Сотера. По некоторым сведениям, существовал ещё один сын — Лаг. Эйрена была выдана Птолемеем замуж за союзника — царя города Солы на Кипре.

— Ну прямо уж сто, не стоит так преувеличивать.

— Ну пусть не сто, но семьдесят точно. Что это за дело такое, из-за которого вам понадобилось аж приехать лично? Хотя не скрою, рад очной встрече.

— Масштаб задуманного нами несколько, кхм… пугает нас самих. Вот поэтому хотелось поговорить с мудрым человеком. Когда я изложу, вы либо сможете дать подходящий совет, либо вовсе нас отговорите от этой затеи. В общем, я надеюсь на ваше участие, Владимир.

— Вот вы умеете заинтриговать! Но раз вы назвали меня мудрым, смогу ли теперь отказать? Ну что же, я слушаю.

— Как всем известно, Первая Межзвёздная стартует через несколько лет…

— Ага. Вы участвуете?

— Нет. Желающих много, а вот мест катастрофически мало. Мне жребий не выпал, к сожалению.

— Ну-у, в другой раз, значит.

— В другой раз, это понятно. Я за себя не переживаю, не в другой, так в третий раз получится, всё ещё впереди. Но весь фокус в том, что именно эта — Первая. И у нас вроде как есть общее согласие забронировать несколько мест для тех, кто достоин быть именно в Первой. Когда ещё случится событие, сравнимое по значению?

— Да, места ещё остались. Не очень много, правда. А что, у вас есть кандидатура на такое место? Насколько заслуженная?

— Давайте подумаем вместе. Насколько может быть заслуженной личность человека, пожелавшего дойти до края Ойкумены[9]? Надорвавшего здоровье и умершего от ран, но успевшего создать огромное государство, впервые объединившее почти все известные на тот момент народы.

— Так-так-так, я вас правильно понимаю? Вы же сейчас говорите про Александра…

— …Македонского.

— Ну-у, батенька! Задачу вы поставили себе действительно неподъёмную. Я вот с ходу вижу сразу три проблемы, обойти которые будет либо очень трудно, либо и вовсе невозможно.

— Вот видите, не зря я к вам приехал.

— Ну, во-первых, после убийства Роксаны и сына род его прервался, а значит, прямых потомков не существует. Во-вторых, могила так и не найдена по сей день, поэтому биологических материалов тоже нет. Ну, и в-третьих, люди такой силы воли обладают, как правило, такой же силы упрямством. По себе знаю. А это сулит вам огромные проблемы. Я ничего не упустил?

— На первый взгляд, ничего. Первые две проблемы мы намереваемся обойти, используя новую технологию нулевого клона. Пусть даже это будет немного дольше.

— Ну допустим. А вот с последней я не знаю, как вы справитесь. Ведь, кроме всего прочего, есть проблема поиска в Элизиуме. Но раз уж вы пришли, я чувствую, у вас есть какой-то козырь в рукаве. Так ли это? Признавайтесь!

— Ну в общем, да. У каждого подобного человека длинной воли[10] всегда найдётся кто-то, имеющий на него сильное влияние.

— Похоже, с Александром вы ошибаетесь, даже близкие друзья не могли с ним справиться. Одного из них он, кстати, убил в пьяной ссоре. Вы же в курсе.

— Ой, не торопитесь! Сейчас я достану свой козырь. Вернее будет сказать — ключ. Небольшой такой изящный ключик, способный отпереть этот сложный замок.

— Продолжаете интриговать? Продолжайте!

— Так вот, недавно моя подруга и ментор Эвелин… Вы же знаете Эвелин?

---

[9] — Ойкумена — весь известный мир на определённый момент времени.

[10] — Люди длинной воли — Марк использует термин, введённый в оборот Львом Гумилёвым и описывающий личностей, способных на длительное сверхнапряжение волевых усилий.

— Конечно, знаю! Одна из лучших проводников.

— Лучшая, вообще-то. Так вот, она прошлась по своей родословной по женской линии. Она ведь родом с Кипра, если вы не в курсе…

— Теперь в курсе.

— …и дошла внезапно до некоей Эйрены, царицы кипрской Солы. Мать этой самой Эйрены однажды заставила Александра сжечь целый дворец. И звали её…

— Таис Афинская!

— Совершенно верно. Это и будет наш ключик.

— Вот теперь всё становится на свои места! Да, с таким ключиком успех вам почти гарантирован, мой друг. Но!

— Что но? Вот теперь уже я забеспокоился.

— Марк, вы всё продумали с Александром. Ну или почти всё. А что с самой Таис? Очередь до их эпохи ещё не дошла и дойдёт не скоро. Вы понимаете, насколько она будет одинока?

— Не будет. Мы постараемся. Мы будем её любить.

— «Мы»? Это слишком обезличено.

— Я буду её любить.

— Марк, такими вещами не шутят.

— Вот сейчас я совершенно серьёзен.

* * *

Очередной цикл воспоминаний завершился, и Таис, словно вынырнув из-под воды глотнуть воздуха, вновь оказалась в том же месте, где ничего не менялось годами, столетиями и даже тысячелетиями. Всё тот же сумрак, те же души вокруг, сгущающаяся вдалеке дымка. Только бедолага Бутес уже не кричал беззвучным ртом и не катался по земле под градом ударов. Ошмётки его души лишь слегка подрагивали, как бесформенное желе, а в безумных глазах не видно было ни крупицы разума.

Вот уже очередной раз должен был начаться новый цикл памяти, но Таис снова заметила изменение в окружающем. Оглядевшись, она увидела уже знакомую фигуру Персефоны. В этот раз златокудрая богиня уверенно шла прямо к ней. Таис встала, почтительно склонив голову. Богиня остановилась перед ней во всём своём великолепии. Она была прекрасна и знала об этом.

— Чего ты хочешь? — с ходу спросила Персефона, глядя ей прямо в глаза. И Таис поняла, что это не праздное любопытство скучающей богини, а вопрос из разряда решающих судьбу и ответ на него следовало дать надлежащий.

— Жить! Жизни хочу! — сама поразилась своей смелости.

— Проси! — требовательно произнесла богиня, протянув ей навстречу руку ладонью вверх.

— Выведи меня отсюда, госпожа! Я знаю, ты можешь! — Таис схватила протянутую ладонь.

— Не отставай же.

Персефона развернулась и повела её одной ей ведомым путём. Ухватившись за руку своей проводницы, Таис неотрывно следовала за ней, боясь отстать хоть на полшага. Афинянка знала, что лишь трое смертных смогли выйти из этого царства. Это были Геракл, Тесей и Орфей. Всё три — отважные герои, с которыми ей никак не сравниться. Но ведь с ней сама Персефона! Она ведь может вывести? Это же в её власти?

Так думала Таис, пока они шли обратно к переправе через Ахеронт. Здесь туман стал сгущаться, окутав их полностью. Таис боялась потеряться и отстать, как случилось когда-то

с несчастной Эвридикой[11], и поэтому сильнее сжимала ведущую её руку. Тихий плеск волн указывал на близость реки. Ещё несколько шагов отделяло их от лодки и её кормчего.

— Мы почти на месте. Ложись, — богиня указала ей на дно лодки, когда они покинули твёрдую землю. Таис послушно легла на спину, не отпуская руки своей проводницы. Та не стала высвобождаться, прекрасно понимая чувства своей подопечной, и села рядом. Лодка, легко покачиваясь, плыла по волнам в полном молчании. Это мерное покачивание и тишина навевали дремоту, ужасно хотелось спать. Ей казалось, что она не спала сотни, а может, и тысячи лет — такая сильная усталость овладела ею. Туман начал постепенно редеть, и сквозь него скоро можно будет увидеть черноту ночного неба. Таис всеми силами пыталась сопротивляться сну, но это было напрасно. Тёплая ладонь легла ей на лоб, и нежный, заботливый голос сверху скомандовал:

— Спи!

Прежде чем сомкнулись тяжёлые веки и глубокий сон одолел её, давно не виданная картина успела открыться её взору — сквозь разрывы тумана на чистом островке неба ярко и призывно сверкала далёкая и красивая первая звезда.

[11] — Эвридика — жена Орфея. Умерла от укуса змеи, после чего Орфей отправился на её поиски в загробный мир. Благодаря своему пению он получил разрешение самого Аида забрать с собой Эвридику, но с одним условием — не оглядываться на неё. Одолеваемый сомнениями, он оглянулся, и Эвридика пропала в царстве мёртвых навсегда.

Глава 1

В палате интенсивной ревитализации[12] работали двое. Девушка внимательно проверяла показания датчиков капсулы, а парень снимал с пациентки трубки питания, манжеты с ног и рук и тщательно протирал кожу антисептическим раствором. Пациентка находилась в глубоком искусственном сне, наполовину утопая в мягком ложементе ревито-капсулы. На ней была стандартная больничная одежда — бежевые шорты из мягкой ткани и такая же короткая майка. Вьющиеся чёрные волосы разметались по подушке, оттеняя бледность лица. Юноша невольно засмотрелся на красивые тонкие губы, аккуратный прямой носик, но больше всего ему нравились чётко очерченные брови с изящным изгибом.

— А она красивая, — как бы между делом произнёс он.

— Ты что, уже влюбился, Марк? — девушка удивлённо вскинула брови.

— Ну вот что ты такое говоришь, Эвелин? Я просто констатирую факт.

— Жаль. А я-то обрадовалась, что наконец-то мой Марк кого-то себе нашёл. Сколько можно жить одному? Все тебе не такие, ох и привередливый ты.

— Так, всё, прекращай, нам работать надо. Ну правда же красивая, что я, соврал, что ли?

— Это ты ещё не видел её глаза. Держись крепче, закачаешься.

— Верю на слово, ты же видела. У меня порядок, всё отключено, ложемент подготовлен к трансформации в кресло. Что у тебя?

— Давление в норме, пульс в норме, сейчас подниму до шестидесяти и можно будить.

— Скоро вечер, самое время. Пора начинать!

Парень переключил тумблер на ложементе, и тот не спеша начал превращаться в кресло. Сторона ног опустилась, поверхность под коленями изогнулась, формируя сиденье. Вокруг головы выросли два упора, поддерживая её от падения набок. Кресло остановилось в полулежачем положении.

— Марк, я волнуюсь.

— Я тоже, начинай.

Девушка положила ладонь на лоб пациентки и властным тоном произнесла:

— Таис, вставай!

Команда тёплым мягким импульсом вышла из ладони и прошла по всему телу, по всем нервам, до самых окончаний. Пациентка глубоко вздохнула и открыла глаза.

* * *

Таис пробудилась ото сна и увидела богов. Так она подумала в тот момент, когда её глаза постепенно привыкли к свету. Справа стояла уже знакомая ей Персефона, только одетая подругому и с другой причёской, но всё такая же восхитительно прекрасная. Слева она увидела юношу, статус которого она поначалу никак не могла определить. На раба или слугу он не был похож, слишком много достоинства и независимости было в том, как он держался рядом с богиней. Может быть, воин или атлет? На это указывала его могучая высокая фигура — такие сильные руки Таис видела лишь у немногих атлетов. Чёрные волосы были пострижены очень коротко, так не принято было у эллинов. Кожа на лице хоть и немного смуглая, но не обветренная, как у воинов от частых походов. Её смущала одежда юноши, сделанная по варварскому образцу — длинные штаны и безрукавка. Вот только ткань была очень тонкой и настолько высокого качества, какого она раньше не встречала, а уж в тканях Таис точно разбиралась получше многих. Из всех этих мелочей она заключила, что парень, вероятно, тоже бог или полубог, в крайнем случае герой. Но кто же мог быть рядом с Персефоной, если не её законный

[12] — Ревитализация — возвращение умерших людей к жизни, происходит от латинского слова вита — жизнь. В процессе ревитализации тело человека выращивается из эмбриона в ревито-капсуле.

супруг Аид? В том, что это не он, Таис была уверена, парень слишком молод для Аида. Но кто же тогда? Судя по фигуре, это мог быть Аполлон. Но почему одет не по-эллински? Может быть, Орфей? Сомнения продолжали её одолевать, и она прекратила попытки угадать.

Только через некоторое время она вдруг заметила, что сидит на каком-то ложе в присутствии двух божеств. Неслыханное кощунство и своеволие! Она попыталась встать, но тело плохо слушалось её. Богиня немедленно жестом остановила её и приказала сидеть.

— Назови себя!

— Я Таис, из Афин, — удивлённо произнесла она, ведь раньше богиня уже спрашивала об этом. Но, видимо, это имело какое-то значение, так как пара переглянулась и оба облегчённо вздохнули. Улыбки появились на их лицах, когда они снова повернулись к ней.

— Хайре! С Днём возрождения, Таис! — они подняли руки в приветствии.

— Где я? Что со мной?

— Не печалься, дорогая! Время печали прошло, теперь уже навсегда. Ты с нами, снова в мире живых. И теперь ты останешься здесь навсегда.

Буря чувств немедленно переполнила её всю до краёв. Она знала! Она надеялась! Персефона не могла обмануть. Хотя сомнения и одолевали её немного, но теперь, после таких слов богини, после того, что она видит, чувствует… Чувства вырвались наружу в виде потока слёз. Она вздрагивала всем телом, подбородок дрожал, а слёзы текли по щекам двумя нескончаемыми ручейками.

Юноша и девушка были готовы к такому проявлению. Это случалось каждый раз, но всегда по-разному. Они подошли к плачущей пациентке и взяли её за руки. Они гладили её руки, голову, вытирали платком щёки. Сейчас очень важно было дать ей телесный контакт, вновь позволить ей почувствовать тепло человеческого тела. Это успокаивало лучше всего. И правда, скоро поток слёз прекратился, и Таис с трудом смогла выдавить из себя:

— Благодарю тебя, прекрасная Персефона! Чем я обязана, что ты выбрала меня?

— Персефона? — настало время удивляться богине. — Почему ты решила, что я Персефона? — только теперь Таис заметила в её речи лёгкий, почти незаметный акцент. Богиня говорила на койне, но этот акцент теперь указывал на чужестранку.

— Но как же! Ведь только сама Персефона может свободно входить в царство мёртвых и выводить оттуда людей. Ну, может быть, ещё Орфей? — Таис вопросительно посмотрела на юношу.

— Мы люди, Таис, такие же, как ты. Ты среди людей. Меня зовут Эвелин.

— А я Марк, — отозвался юноша с улыбкой. Его акцент был сильнее.

— Но как у вас получилось! Зачем? Зачем я вам? — удивлению Таис не было предела.

— Потому что мы можем. И затем что ты нужна нам.

— Нужна вам? Для чего?

— Чтобы жить, Таис. Это наибольшее и главное предназначение всех людей. Разве не так? Хочешь узнать, как долго тебя не было среди живых?

— Очень долго, наверное, многие годы.

— От твоего времени нас сейчас отделяет больше, чем три тысячи триста лет. Тридцать три столетия, если тебе так удобнее.

— О боги! Это же так много! Как много событий произошло за это время?

— Очень много. Ты узнаешь обо всём. Мы научим тебя всему, что умеем сами, но это будет позже. А пока знай, что мы научились возвращать к жизни давно умерших людей. Вот почему ты сейчас с нами, здесь.

— Но кто вам разрешил? Почему Аид не помешал вам? Как на это смотрит сам Зевс? — Таис казалось, что она задаёт вполне законные вопросы и ей странно было видеть, как Марк и Эвелин, переглянувшись, засмеялись. — Почему вы смеётесь? Вы разве не боитесь гнева богов?

— Нам не нужно ничьё разрешение. Ваши древние боги не имеют здесь власти, — продолжала Эвелин, — мы просто берём и делаем. Не торопись. У тебя сейчас много вопросов. Ты получишь ответы на все и даже на те, о которых ещё не подумала. А пока знай — мы вернули тебя к жизни и теперь мы вдвоём отвечаем за тебя перед всей Вселенной. Мы твои менторы, опекуны и мы будем с тобой всегда. Даже когда ты станешь вполне самостоятельной, ты сможешь задавать нам любые вопросы и запрашивать любую помощь, мы не имеем права отказать. Я, Эвелин и Марк, мы оба взяли на себя ответственность за тебя.

— Но почему вы? Ведь я вас даже не знаю!

И вдруг Эвелин, которую она считала богиней, как-то совсем по-человечески присела рядом с её коленями, вмиг оказавшись ниже её, прижала её руку к своей щеке и, глядя снизу вверх прямо в глаза, произнесла:

— Потому что ты моя очень-очень дальняя прабабушка. Я твоя правнучка, моя милая Таис.

Таис не знала, что ответить. Она молча смотрела расширенными глазами на девушку у своих ног. Слишком много знаний сразу, она не успевала обдумать, пережить информацию, каждый кусочек которой был невероятен сам по себе. Лишь недавно она считала эту прекрасную девушку богиней, а себя слишком недостойной, чтобы даже заговорить с нею первой. А теперь она оказалась обычным человеком и её дальней родственницей. «Обычным человеком»! О боги! Как она могла подумать такое? Ведь эти обычные люди настолько могущественны, что могут даже воскрешать мёртвых! Какие боги могут с ними сравниться?

— Хочешь увидеть мир, в котором живём мы и в котором с сегодняшнего дня будешь жить ты? — Марк протягивал ей руку, так же, ладонью вверх, как когда-то Эвелин, предлагая ей выход из царства мёртвых.

Таис вложила свою ладошку, и ей помогли встать, аккуратно придерживая под руки. И это было очень кстати, потому что сама она обязательно бы упала, тело плохо слушалось её, ноги с трудом передвигались по мягкому полу. «Конечно, — горько подумала она, — ведь и тогда я была уже не молода, да ещё добавить три тысячи лет, совсем старуха».

Только сейчас она обратила внимание на зал, где они находились. Ей с самого начала казалось, что в этом месте что-то не так, но другие слова и мысли занимали всё внимание, а теперь она рассмотрела и наконец поняла. В этой большой комнате всё было слишком ровно — идеально ровные углы, прямые стены без малейшего пятнышка, ровный потолок, который светился сам по себе, давая свет без светильников или свечей. Так не бывает, ни в одном, даже самом богатом доме или дворце, даже в храме она не видела ничего подобного.

— Давай подойдём к зеркалу, вначале посмотри на себя, хорошо? — как будто спрашивая её согласия, предложила Эвелин.

Таис огляделась по сторонам, ища небольшой круглый бронзовый предмет. Вместо этого они подошли к стене, на которой находилась большая рама, выше её роста. И тут Таис поняла, что это и есть оно — зеркало. Огромное, идеально ровное, совсем без искажений. Это зеркало произвело на неё едва ли не большее впечатление, чем всё, что было до этого, ведь таких зеркал в её мире не было нигде, ни один, самый богатый царь не имел такого. Но и это ещё было не последним потрясением. В зеркале она увидела себя. Двадцатилетнюю. Она почти забыла, как хороша она была в юности, и вот теперь смотрела на себя и вспоминала каждую маленькую деталь.

— Как это? — едва смогла выдавить Таис.

Менторы были явно довольны эффектом.

— Именно так, как ты видишь, — с широкой довольной улыбкой ответил Марк. — А теперь давай выйдем на балкон, — и они пошли к широкой двери, в которую проникал солнечный свет.

Вечернее солнце почти ослепило её, слишком долго она не видела дневного света. Когда глаза немного привыкли, Таис посмотрела перед собой и едва не упала. Ноги её подкосились и лишь сильные руки удержали от падения. Они стояли на чудовищной высоте. Где-то внизу летали птицы. Ещё ниже почти сплошной зелёный растительный ковёр покрывал всю поверхность. Ровные линии улиц перерезали эту зелень в разных направлениях. Вверху тоже летали огромные птицы, но, присмотревшись, она поняла, что птицы эти рукотворны. Напротив них стояла исполинская башня, намного выше той колоссальной пирамиды, что она видела в Египте. Справа ещё одна, и слева тоже. Эти одинаково огромные башни располагались на ровном расстоянии друг от друга, не слишком далеко, но и не близко, дабы не перекрывать обзор. Немного присмотревшись, Таис поняла, что вовсе эти башни не одинаковые, все имели немного разную форму, отличались цветом. Общим было лишь то, что они имели широкое основание внизу и постепенно сужались кверху. И ещё, несмотря на разные цвета, все они снизу доверху были поделены зелёными горизонтальными полосами на равном расстоянии.

— Что это? Эти башни, для чего они?

— Это дома, в которых мы живём, — отозвался Марк. — Я думаю, ты пока что достаточно увидела. Давай теперь переедем в наш дом, где ты будешь жить вместе с нами.

— А сейчас мы где?

— Это Дворец Возрождения. Храм, по-вашему. Здесь, в соседних комнатах, лежат и ждут своего воскрешения другие люди. Сейчас мы уйдём и твою комнату займёт кто-нибудь другой. А нам пора домой.

— Ты не удивляйся и не волнуйся, что тело твоё тебе пока не полностью подвластно, — успокаивала её Эвелин, пока они заходили обратно в комнату. — Ты лежала девять месяцев, пока мы выращивали тебя, лежала почти без движения. Мы заставляли твои мускулы сокращаться, правда, этого всегда недостаточно. Скоро мы всё поправим.

Её снова посадили в кресло, и Марк надел ей на ноги мягкие сандалии — «тапочки», так он сказал. Странно было видеть этого огромного атлета у своих ног — ни один мужчина никогда не надевал ей обувь. Ещё более странным было то, как аккуратно он управлялся с её ступнями. Этими здоровенными ручищами он наверняка мог бы задушить быка, но как ловко и почти нежно он обул её!

Эвелин подала и помогла накинуть персидского вида халат из мягкого шёлка. Затем её снова повели из комнаты, но уже в другую дверь, которая открылась перед ними сама. Ей бы снова удивиться, но, по правде говоря, удивляться она уже устала. Просто приняла к сведению — двери здесь открываются сами. Дальше они шли какими-то коридорами, пока очередная самораспахивающаяся дверь не впустила их в маленькую комнатку, почти всю из стекла. Да, это было настоящее стекло! Она даже потрогала его, чтобы убедиться. Такое ровное и удивительно прозрачное. Наверное, очень дорогое.

За стеклом открывался тот же вид на город, что и с балкона. Вдруг эта комнатка, «лифт» — как сказал Марк, дрогнула и быстро поехала вниз, опуская их всё ниже и ниже до уровня земли, пока не въехала в нижний уровень башни и остановилась. Парень поднял свой браслет и произнёс в него: «Лайнер к парадному выходу». Они вышли в хорошо освещённый коридор и прошли по нему до просторного светлого зала. Примерно дюжина людей, посетителей и работников этого храма, завидев вошедшую через дверь троицу, вдруг все вместе повернулись к ним и приветливо подняли руки, добродушно улыбаясь и произнося какие-то слова приветствия на непонятном ей языке. Через широкий выход, украшенный аркой из живых вьющихся цветов, они вышли на улицу, где прямо перед ними стояла эта странная огромная рукотворная птица с открытой дверью на боку.

— Заходи, на этом мы полетим домой.

— Как полетим?! Что значит полетим?! — вот сейчас Таис испугалась и немного начала паниковать. — Люди не могут летать! Где это видано, чтобы они летали? Дерзкая попытка Икара очень плохо закончилась.

— Таис, ну что ты, — ласково и с улыбкой ответила Эвелин, мягко погладив её по руке, — ты разве испугалась? В нашем мире все люди летают. Посмотри на них, — она указала рукой вверх на сотни похожих летающих устройств, — в каждом из них люди. Мы теперь передвигаемся только так.

— Это что же, небесная лодка или колесница?

— Ну называй пока так.

С этими словами они вошли внутрь, где была пара рядов кресел. Дверь за ними снова закрылась — снова сама. «Понятно», — подумала Таис. Они сели вдвоём с Эвелин, а Марк ушёл вперёд, где было место с разными странными устройствами. Внезапно эта странная колесница оторвалась от земли и быстро стала набирать высоту и скорость. «Ох!» — только успела вскрикнуть Таис, с силой схватившись за руку Эвелин. Впрочем, ремни, которыми та её пристегнула, плотно удерживали её в кресле.

Со всех сторон их окружали большие окна, и афинянка могла видеть, как они пролетают над исполинскими домами-башнями, над улицами, прудами и парками. Навстречу им, сбоку и сзади летели такие же колесницы — самых разных цветов и форм. Они летели! И это было таким чудом, что она почти забыла прежние чудеса. Вскоре разум перестал воспринимать происходящее, и она просто откинулась на спинку кресла — наступило пресыщение впечатлениями. Эвелин протянула руку и нажала что-то. Окна вокруг них стали непрозрачно белыми, словно густой туман закрыл собою всё. Так они проделали остаток пути, и лишь Марк видел, куда они направляются.

Когда летающая лодка остановилась, они вышли и оказались на крыше ещё одной высокой башни. Снова вошли в лифт и немного спустились вниз. Пошли по странному коридору, в котором не было ни окон, ни светильников, и тем не менее свет как-то проникал сюда. Они остановились возле белой двери, разукрашенной бежевыми узорами. На ней были надписи буквами, немного похожими на эллинские, но написанного она не понимала. Внутри была большая комната с высоким потолком — больше двух человеческих ростов. И здесь уже было довольно много мебели, по сравнению с пустой комнатой Дворца Возрождения. Правда, вся мебель и вообще вся обстановка были очень диковинными. Таис смогла угадать только стол и стулья — всё остальное выглядело намного более странно, чем всё, что она видела в далёких странах, а уж она-то видела многое! Шутка ли — Таис прошла весь путь с войском Александра, совсем немного оставалось до края Ойкумены. Но ничего подобного не видела она в тех далёких краях.

Её посадили на стул, и Эвелин принесла небольшой поднос с тремя стеклянными кубками и стеклянным кувшином. Наполнила из кувшина все три кубка чем-то белым, похожим на молоко.

— Держи, это твой. Выпей весь стакан, тебе это нужно сейчас, — сказала Эвелин и отпила из своего кубка. Марк сделал то же самое. Вообще-то им двоим йогурт был не нужен — это было необходимо только для Таис, чтобы запустить работу пищеварительного тракта. Но они уже знали, что с возрождёнными лучше пить и есть всё вместе — многие из них бывали жутко мнительными.

Таис попробовала и удивилась приятному кисловато-сладкому вкусу. Выпив весь стакан, она подумала, что неплохо было бы и что-нибудь съесть — ведь она не пробовала земной пищи уже очень давно.

— Тебе сейчас есть нельзя, — словно угадала её мысли Эвелин. — Завтра будет можно, понемногу и самое простое. А пока пойдём, я уложу тебя спать.

«Почему спать?» — хотела спросить Таис, но, посмотрев в окно, увидела, как красный диск солнца почти утонул за горизонтом — на улице темнело. Эвелин провела её в боковую дверь, и они оказались в комнате поменьше, но более уютной, с двумя ложами напротив друг друга.

— Это твоя кровать, — Эвелин подвела её к одному из лож и помогла раздеться. — Я буду спать рядом, если тебе что-нибудь понадобится, — указала она на соседнюю кровать.

Таис легла на белоснежное ложе с мягкой подушкой и почувствовала усталость во всём теле. Даже такого небольшого путешествия в пару десятков шагов было слишком много для начала. Она с большим удовольствием потянулась, глаза уже готовы были закрыться. Эвелин укрыла её белым нежным одеялом по самый подбородок. «Как мама», — внезапно подумала Таис.

— Спи! — приказала Эвелин, положив ладошку на её лоб. И Таис немедленно провалилась в глубокий сон без сновидений.

Марк молча ждал на диванчике, когда Эвелин вышла из спальни. Он вопросительно посмотрел на напарницу.

— Уснула, — она подошла и села на стул. — Всё-таки ты правильно предложил возродить её вечером. Слишком много впечатлений для человека её эпохи. Её квалиа[13] переполнились уже в полёте, я почувствовала.

— Как думаешь, мы не поспешили? — Марк сидел, рассеянно глядя куда-то мимо напарницы. На лице его теперь отчётливо читалось сомнение.

— Какая разница? Теперь уж поздно об этом думать. Определённо, с ней будет труднее, чем обычно. Но ты ведь готов к этому?

— Ты была права.

— Я знаю, я всегда права. Но ты о чём конкретно?

— У неё красивые глаза, — задумчиво произнёс Марк.

— Ох! Иди спать уже, завтра у нас трудный день, — скомандовала девушка. И как бы в сторону продолжила: — Ох, Марк, ну неужели наконец?

* * *

Сон уже оставил её, но Таис долго не размыкала глаз, ощущая всем телом приятное прикосновение мягкого ложа. Дивный сон ей приснился: будто она умерла, а потом её воскресили очень могущественные и красивые люди — Марк и Эвелин. Последняя даже назвалась её правнучкой и показала очень странный мир, где люди летают и живут в высоких башнях. О боги! Это был всего лишь сон?! Неужели только лишь сон? Жуткий холод обдал её с ног до головы.

Какой ещё сон?! Люди не могут воскрешать других людей — боги не допустят такого! Неожиданная страшная догадка леденящим холодом пронзила её душу. Она раскрыла глаза и резко села на своём ложе — кровь ударила в голову, затуманив взор. Это враги! Её опоили дурманящим зельем — никак иначе нельзя было объяснить картины, виденные ею вчера. Деметрий, сын Антигона[14], давно желал погибели Птолемею, но добраться до него не имел возможности. Бежать! Она не позволит никому владеть ею и принуждать её к предательству.

Таис вскочила с кровати и едва устояла на ногах — это наверняка продолжается действие зелья. Рванулась к двери, выставив вперёд руку. Но дверь распахнулась сама, и она оказалась в большом светлом зале. Высокая женщина — та, что вчера назвалась её правнучкой, — обернулась на шум и удивлённо вскинула брови. Никакая она не родственница — это всё обман! Таис рванулась к широкому проёму, открывавшему проход на улицу, — главное, опередить эту самозванку, она даже забыла её имя. Пробежав по траве к невысокому, по грудь, забору,

---

[13] — Квалиа — сложное понятие в философии сознания. Квалиа выражают субъективные качества переживаний, то, что мы можем воспринимать, но не можем полностью передать словами.

[14] — Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет вели длительную войну против Птолемея вплоть до 287 года до н. э. Победителем в этом противостоянии вышел Птолемей Сотер.

она схватилась за его верх и собиралась было перелезть через него, но вид чудовищной высоты вскружил голову ещё сильнее — она едва не упала с этой огромной башни вниз. Выходит, её узилище действительно находится на какой-то невероятной высоте — в изощрённой предусмотрительности Деметрию не откажешь! Значит, здесь пути к свободе нет. Таис развернулась и, оттолкнув свою тюремщицу, метнулась к двери, которая снова распахнулась сама. «Марк, на помощь!» — услышала она взволнованный крик за спиной.

Таис вспомнила того здоровенного мужчину — наверняка стражника. Как же она сразу не догадалась? Они не эллины — одежда и говор выдали их, почему она сразу не поняла? Надо спешить — от этого громилы так просто не оторваться. Таис бежала по какому-то коридору, едва различая обстановку вокруг, и теперь вдруг ясно начала понимать, что вряд ли сможет выбраться на волю. Её ноги едва держали её — сказывался уже немолодой возраст и действие дурманящего зелья. В отчаянии она сделала ещё несколько шагов, прежде чем слабеющие ноги подкосились, и она рухнула на пол. Она видела, как приближается этот страшный громила, и попыталась ползти, но он всё равно настиг её. Легко, как пушинку, поднял её на руки и, как ребёнка, прижал к себе. За ним следом бежала эта самозванка. Таис попыталась вырваться, стуча слабыми кулачками ему в грудь, в лицо, по голове, но это не возымело никакого действия.

— Я не стану вашей рабыней! Вы меня не заставите!

— Ты не рабыня. Ты наше сокровище.

Странный ответ заставил её прекратить удары. Этот огромный стражник плакал. Он держал её очень нежно — так, чтобы нигде её не придавить, — и, глядя на неё, плакал.

— Отпусти меня!

— Ты упадёшь.

— Я не хочу с тобой, отпусти!

— Скажи, куда ты хочешь, я понесу тебя.

— Туда! — махнула Таис наугад рукой, и он правда понёс её в ту сторону.

— Куда ты меня несёшь?

— Куда ты прикажешь, туда и понесу.

— Я хочу домой!

— До твоего дома — многие тысячи стадиев, мы в другом городе.

— У Деметрия? Я не буду ему служить, так и передайте!

— Мы не знаем, кто это.

— Где же мы?

— Ты не знаешь этого города — его ещё не было в твоё время.

— Отпусти меня. Дай мне сесть.

Стражник поднёс её к какому-то креслу в большом светлом зале, где они как раз оказались, и аккуратно опустил в него. Рядом немедленно оказалась та самая самозванка, а за её спиной уже собралась небольшая толпа. Стражник очень мягко держал её одной рукой за руку, а другой гладил по плечу. Самозванка присела у её ног и тоже схватила её за руку, покрывая поцелуями.

— Прости нас, прости нас, пожалуйста, — по щекам самозванки текли слёзы, — мы очень виноваты перед тобой. Мы не знали, что так получится.

Таис молча наблюдала за ними, пытаясь понять, что же, собственно, происходит. Их поведение меньше всего походило на действия тюремщиков, призванных лишить её свободы. Да и люди у них за спиной также не были похожи на стражников — все они были без оружия и в схожих странных одеждах. Они стояли на почтительном расстоянии, не мешая, но готовые прийти на помощь в любой момент. Кто-то из них подал бокал с водой.

— Я не буду это пить!

— Как пожелаешь, — самозванка отставила стакан.

— Кто вы такие? Только не вздумайте меня обманывать! Что вы хотите со мной сделать? Отвечайте правду, и тогда я попрошу Птолемея не наказывать вас сильно!

— Птолемея давно нет, он остался там, три тысячелетия назад, — самозванка сидела на коленях у её ног и умоляюще смотрела ей в глаза, — и врагов твоих здесь тоже нет. Мы не враги, вчера мы говорили тебе правду. Я твоя далёкая правнучка Эвелин, очень далёкая. Мы совершили большую ошибку, теперь расплачиваемся за неё. Ты должна была увидеть своих детей, а не нас. Слишком рано — мы не должны были этого делать.

— Не должны были делать что? Что вы натворили?

— Мы возродили тебя к жизни. Я вывела тебя из Элизиума.

— Зачем?

— У нас были далекоидущие планы, но теперь это уже не имеет значения. Всё отменяется. Теперь только ты.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

— Мы собираемся сделать тебя равной нам. Научить тебя жить в новом мире. Мир изменился, Таис. Здесь нет врагов и нет войн. Здесь никто не желает тебе зла.

— Что значит равной? Я была царицей Египта!

— Ты не умеешь возрождать мёртвых. Пока не умеешь.

Таис вначале была уверена, что её собираются обмануть, но эта «правнучка» у её ног, со следами слёз и неподдельной тревоги на лице, меньше всего была похожа сейчас на врага. Немного успокоившись, она попыталась размышлять трезво — она вспомнила Элизиум — такое не забывается. Значит, она действительно была мертва — это не происки врагов и не наваждение. Она живо вспомнила богиню, ведущую её за руку из царства Аида, — она сама её попросила об этом. Этот дом, высокая башня, эти люди, рукотворные птицы — никому не под силу сделать такое, чтобы просто обмануть её. Значит, это всё правда! Кто-то из посторонних людей принёс большое зеркало и подал его этому здоровяку, Марку. Он встал перед ней с зеркалом, позволяя ей всмотреться в него. Она протянула руку, и пальцы коснулись её отражения. В нём она была молода, очень молода и красива, но сильно испугана и растеряна. Это отражение окончательно вернуло её к реальности. Она огляделась по сторонам — везде были люди. Но они не принуждали её, не заставляли принять нечто силой. Они просто стояли и ждали её решения.

— Почему мы не в Афинах?

— Потому что я живу в этом городе, далеко от Афин, и взяла тебя к себе, в свой дом. Теперь это и твой дом, — ответила Эвелин.

— Тогда пойдём домой, — уже спокойным голосом попросила Таис.

Ей уже и самой было неудобно оставаться в центре внимания среди незнакомых людей, в одной ночнушке. Лица присутствующих просветлели, они стали расходиться, махая руками на прощание. Марк снова подхватил её на руки.

— Я дойду сама!

— Отдыхай, мне не трудно, — не принял он её возражений.

Она обняла его одной рукой за шею, чтобы ему было удобнее нести, и с интересом и удивлением разглядывала его мужественное лицо, пока он нёс её по коридорам. На нём отпечатались следы тревоги и блестели тоненькие струйки почти высохших слёз. А когда он изредка бросал на неё свой взгляд, в нём отчётливо сквозила настоящая нежность.

— Тебе не тяжело?

— Не имеет значения. Я буду нести тебя столько, сколько понадобится.

В квартире Эвелин завела её в отдельную комнату, где был мягкий приглушённый свет и стояла большая ванна.

— Давай-ка мы тебя хорошенько искупаем.

Таис зачарованно смотрела, как в ванну словно из ниоткуда быстро набирается прозрачная вода. Эвелин попробовала воду локтем, удовлетворённо кивнула и скомандовала:

— Забирайся!

Тёплая вода обволакивала и приятно расслабляла. Таис вытянулась всем телом и положила голову на бортик, в то время как Эвелин достала какую-то штуку, похожую на длинную серебристую змею, из которой брызнули струйки воды. Быстро смочила её волосы и полила какой-то жидкостью, от которой на волосах образовалась густая пена. Приятные ароматы разлились по всей комнате, Таис почувствовала, как отступают напряжение и волнение.

— Я сейчас усну.

— Нет-нет! Не спать! Ты уже хорошо поспала. Давай-ка выбираться, — Эвелин уже смыла пену с волос и помогла ей выбраться из ванны. Достала большое мягкое полотенце и закутала всю свою подопечную по подбородок. Другим полотенцем вытерла мокрые волосы. Потом взяла с полки одну из множества странных штук — эта была похожа на большой гребень. Этим гребнем Эвелин начала расчёсывать ей волосы, и афинянка почувствовала дуновение тёплого воздуха из гребня. Очень быстро волосы высохли, и Эвелин, расчёсывая её, постаралась придать им волнистость.

— Так быстро? — удивилась Таис. — Даже на жарком солнце волосы так быстро не высыхают. Вот уж чудо так чудо.

— Тебе нравится моё платье? — спросила Эвелин, отойдя на пару шагов, чтобы Таис смогла оценить сегодняшний её наряд. Мягкая ткань нежно-розового цвета плотно облегала её фигуру, выгодно подчёркивая каждый её изгиб, оставляя открытыми руки и зону декольте, где красовалось всё то же колье, что и вчера.

— Очень! Оно такое красивое, наверное, очень дорогое, но я раньше не видела таких нигде.

— Это хорошо, потому что я приготовила тебе такое же, только другого цвета. Думаю, голубой подойдёт к цвету твоих глаз, — она открыла коробку и достала оттуда платье. — Надевай! Я не знаю, какие платья тебе нравятся, да у нас, наверное, таких уже не носят, поэтому, пока ты не научишься сама, я буду делать тебе такие же платья, как у меня.

У Таис от восторга захватило дыхание. Она торопливо начала одеваться, не попадая руками в проёмы.

— Да не спеши, дай я тебе помогу. По-моему, я угадала с размером — сидит очень даже неплохо.

— Неплохо?! Да оно божественно! — гречанка разглаживала нежную ткань, которая легла точно по её фигуре. Притом она не видела ни одного шва. Как они так сделали, что платье сложной формы сшито без швов?

— Держи пояс, он подчеркнёт фигуру. У вас раньше под грудью пояс надевали? Сейчас так не принято, пусть будет на талии — так красивее.

— Пусть будет. Спасибо! Мне очень нравится.

— Я рада, что тебе нравится, давай теперь пойдём порадуем Марка. Он, наверное, уже заждался.

— Да, да, пойдём! — Таис вспомнила о втором своём менторе и непременно захотела его увидеть. Хотя нет. Скорее, захотела показать себя в новом платье.

Марк ждал их в столовой, нервно расхаживая из угла в угол. Это утро выбило его из колеи — он не ожидал такого проявления характера и воли. Это всё была его вина. Его глупая идея — теперь ему и расхлёбывать всё. Теперь предстоит очень тяжёлая работа, и никто не знает, сколько сюрпризов она им преподнесёт. Но пути назад больше не было — эта афинянка теперь его личный вызов и его обязательство перед миром.

Дверь распахнулась, и обе девушки вошли, держась за руки. Он раскрыл рот, чтобы приветствовать их, но не мог сказать ни слова. В таком же платье, как у его напарницы, с хорошо

уложенными волнистыми локонами, Таис выглядела совсем не так, как всего лишь полчаса назад. Если бы надо было подобрать слово к этому случаю, скорее всего, это слово было бы — «обворожительно».

— Ну что же ты молчишь, Марк? Разве не следует поздороваться? — довольная произведённым эффектом, Эвелин в шутку поддела его.

— Простите великодушно! Я увидел двух богинь. Разве могу я говорить в их присутствии? — Марк шутливо склонил голову. Вид прекрасной афинянки вернул ему хорошее настроение.

Все трое засмеялись, мигом сняв возникшее напряжение.

— Прошу к столу, мои богини, — Марк отодвинул стул и помог Таис сесть, — сегодня еда всё ещё не как у олимпийцев, но уже можно позволить немного больше. Таис, вот тебе стакан йогурта, как вчера, и витаминная каша. Она очень полезна, не смотри, что простовата. И пожалуйста, не подозревай нас в том, что мы хотим отравить или одурманить тебя. Тебе обязательно нужно поесть.

— Да, я проголодалась. Простите меня, я вела себя безобразно сегодня утром.

— Не извиняйся, прошу тебя! И не играйся ложкой — это всё же не игрушка.

— Просто она такая красивая. Не вычурная, но элегантная, с узором, но не броским. И в то же время удобная. Я смотрю вокруг и вижу большое количество таких вещей, предназначения которых я не знаю, но все они обладают теми же свойствами. Проще говоря, вас окружает множество красивых вещей. Скажите, а вы очень богаты? А как живут другие люди?

— Так же, как и мы. Сейчас нет разделения людей на богатых и бедных. Все люди живут в достатке. Мы не нуждаемся ни в чём. Да ты ешь, пожалуйста. Иначе я ни слова не скажу, пока ты не съешь всё.

Каша была сладкой, но не приторной. Таис съела всю миску и почувствовала, что насытилась. Отложив ложку, взяла стакан с йогуртом. И только теперь заметила, что ела только она. Эвелин пила что-то горячее из большой чашки, у Марка чашка была поменьше, с ароматным коричневым напитком.

— А вы почему не едите?

— А нам не надо, — ответила Эвелин, — нам достаточно есть один раз в день, обычно вечером. Так что ужинать с тобой мы будем.

— Как может быть достаточно одного раза в день?

— Для нас достаточно, — ответил Марк, отпив из своей маленькой чашки, — мы участвуем в постоянном энергообмене с космосом. Но чашечка кофе по утрам ещё никому не повредила, — и он снова пригубил свой напиток.

— Энергообмен с космосом? Кофе? Я сейчас ничего не поняла.

— В нашем мире есть много вещей, пока незнакомых тебе.

— Ну что же, — Таис встала из-за стола, — раз уж так вышло, познакомьте же меня с вашим миром!

И её начали знакомить. Начиная с малого и постепенно. Вначале с проектором, создающим иллюзию Морфея, как выразилась Таис, вернее — объёмное голографическое изображение любой степени сложности в любом уголке комнаты. Затем — современные ручки для письма и мультиформатные книги для хранения любой информации. Таис получила свою личную книгу с почти бумажными, слегка желтоватыми листами и с её именем — «Θαΐς» на тёмно-зелёной, приятной на ощупь обложке.

Затем Эвелин вручила ей серебристо-серую ручку, изящество которой привело Таис в восторг, и они начали писать непривычно мелкие буквы в тетради. Эвелин села рядом, подсказывая, как правильно держать ручку.

Пока они занимались письмом, Марк со своего места внимательно присматривался к эллинке. Из древних историй он уже знал, что Таис в своё время была одной из самых умных

и влиятельных женщин, временами очень даже властной. Утренний инцидент только подтвердил это мнение и поначалу очень напугал его. Но сейчас, когда она успокоилась, она уже не напоминала влиятельную властительницу. Шутка ли — это её первый день в новом мире, в который её внезапно выдернули и перенесли через три тысячелетия, она пока не чувствовала себя как дома, той прежней Таис. Сейчас она растеряна, обескуражена, едва ощущает твёрдую почву под ногами. Теперь его задача — сделать так, чтобы она снова превратилась в ту, которой была, — в умнейшую и красивейшую. Марк чувствовал в этот момент и свою великую ответственность за это, и одновременно нетерпение — так ему хотелось увидеть конечный результат. Нет, Таис и сейчас была очень красивой, но, зная свою напарницу, он не сомневался, что Эвелин, с помощью своих женских секретиков, доведёт эту красоту до совершенства.

— Пока достаточно, — решила Эвелин, — вставай, начнём возвращать твоему телу былую силу и гибкость. Повторяй за мной.

Они вдвоём вышли на центр комнаты, и Таис старалась изо всех сил повторить вроде бы простые и плавные движения Эвелин, но давалось ей это непросто.

— Устала? — через некоторое время Эвелин заметила, что подопечная больше не успевает за ней.

— Да. А правда получится вернуть тело как раньше? Мне даже простые движения трудно выполнять. Утром, когда я едва бежала, я решила, что отравлена зельем.

— Сама не заметишь, как всё получится. Ну а пока пойдём отдохнём, — Эвелин жестом пригласила её к двери, ведущей на террасу.

Терраса была широкой и уже не вызывала страха от большой высоты, до края ещё надо было пройти небольшой путь. Они сели в низкие кресла, и Таис с удовольствием вытянула ноги вперёд. И здесь она наконец смогла рассмотреть то, что показалось ей вначале зелёными полосами на домах. Почти весь пол террасы был покрыт густой низкой травой, по которой змеились каменистые дорожки. Справа и слева их окружали цветы и кустарник. Некоторые она узнавала, но большинство — нет. Здесь были даже ряды невысоких деревьев.

— А это везде так в домах сделано? Цветы и деревья.

— Да.

— А зачем?

— Если мы живём так высоко, что же нам, обходиться без природы теперь? Жизнь даже в необычных условиях не должна быть тягостной.

— А кто может пользоваться этими террасами?

— Все. Все жилые помещения выходят на террасы. На всех этажах этого здания, кроме подземных. Но под землёй никто не живёт.

— А что же там тогда, под землёй?

— Иди сюда, поближе, я тебе покажу, — Эвелин пригласила её к невысокой, по грудь, ограде террасы.

— Может, потом, как-нибудь? — Таис явно опасалась подходить ближе, помня о высоте.

— Да не бойся ты! Не упадёшь. Я покажу тебе почему. Посмотри вниз, — крепко держа её за руку и за талию, Эвелин подвела Таис к перилам.

Таис опасливо подошла и крепко схватилась за ограду. Заглянула вниз и немного успокоилась.

— Видишь: прямо под нами оказывается ещё одна терраса, этажом ниже, и она выдаётся вперёд немного дальше нашей. Поэтому наши дома немного похожи на пирамиды, на очень стройные пирамиды, они широкие внизу и постепенно сужаются кверху. Ты не можешь упасть вниз, самое большее, ты попадёшь на нижнюю террасу, а тут не очень высоко. Понятно, что удержать такую большую башню может только очень мощный фундамент.

— Это очевидно.

— Да, поэтому дом уходит под землю на много этажей, как бы укореняясь, словно огромное дерево.

— Здорово вы придумали! Кто же живёт там, на подземных этажах? Видимо, рабы, да? Я угадала?

— Ты видела здесь хоть одного раба?

— Нет, но я как раз хотела спросить, где вы их прячете?

— И не увидишь, потому что их нет.

— Как это нет? А кто же работает на полях и в каменоломнях? Кто же строит все эти дома, если не рабы?

— Всей рутинной и опасной работой сейчас заняты роботы.

— Это кто такие?

— Не кто, а что. Это неживые механизмы, сделанные людьми специально для работы.

— Неживые механизмы? Как же вы заставили эти штуковины работать?

— Хорошо, что ты спросила, потому что сейчас мы покажем тебе, как развивалось и чего добилось человечество с твоих времён до наших. Но только очень коротко и без подробностей. Ты должна получить вначале общую картину всего, что произошло. Отдохнула?

— Да, да, пойдём же! Ужасно хочется узнать побольше.

— Тогда занимай своё место, я сейчас включу проектор.

Когда все заняли свои места, Эвелин, ещё не включая проектора, спросила:

— Ты ведь знаешь, что Земля имеет форму огромного шара?

— Правда? В Афинах много спорили об этом на симпосиях и так и не пришли к единому мнению. Кто-то говорил, что прав Анаксагор и Земля имеет форму расплющенной лепёшки, висящей в центре мира. Анаксагор имел непререкаемый авторитет, ведь он был другом и советником самого Перикла, а это что-то да значит! Другие утверждали, что прав Пифагор, а с ним и Платон, и Аристотель, и Земля имеет форму шара, и вокруг нашего шара обращаются и Луна, и Солнце, и другие планеты. Значит, они и были правы? Ведь если происходит лунное затмение, то тень от Земли на Луне и правда круглая. От лепёшки она была бы другая. Я так считаю, — заключила Таис.

— Ты верно поняла доводы Аристотеля. Только размеры Земли он рассчитал неверно. Правильный размер впервые определил глава Александрийской библиотеки Эратосфен. По его расчётам окружность всей планеты была равна двумстам пятидесяти тысячам стадиев.

— Это, наверное, очень много? Я понимаю число, но не могу представить себе, сколько это.

— Вот сейчас мы и посмотрим, — Эвелин включила проектор, и комната вокруг них исчезла. Остался лишь небольшой участок пола, где стояли менторы и сидела в своём кресле Таис, крепче ухватившись за подлокотники. — Узнаёшь местность?

Вокруг них была Эллада, они парили над ней, словно птицы, а прямо впереди виднелся Акрополь и Парфенон на нём.

— Это же мои Афины!

Афины стали отдаляться, показался порт, море. Весь полуостров и затем стали видны контуры всей Эллады и островов.

— Мы сейчас постепенно отдаляемся, чтобы ты узнавала знакомые места.

— Да, я видела такое на картах. А вот этот берег внизу, это Египет?

— Верно, а справа — Персия. Тут я нарисовала линией ваш с Александром поход, чтобы ты сама увидела, как много вы прошли. Впечатляет?

— О, да! Как давно это было!

— Ты даже не представляешь, насколько давно. Я оставлю эту линию — путь вашего длительного похода, чтобы ты видела, как велика на самом деле Земля.

Поверхность начала отдаляться ещё сильнее. Появились очертания других, неизвестных ранее берегов, огромные материки. И потом ещё и ещё, пока наконец Земля не приняла полностью форму гигантского голубоватого шара в белой дымке. И их великий поход казался на его поверхности небольшой чёрточкой. Шар начал медленно вращаться, и она увидела на другой стороне ещё два материка. И ещё снизу один совсем белый. Она смотрела, широко раскрыв глаза, пытаясь вместить, осознать то, что только что увидела. Потом начала искать на этом огромном шаре свою Элладу и не сразу нашла — такая маленькая она была.

— Бедный Александр, — вдруг грустно промолвила она.

— Почему же бедный? — озадаченно спросил Марк.

— Он полагал, что если сможет завоевать Индию, то это и будет конец его похода, ведь край Ойкумены уже достигнут, дальше идти некуда. Уже тогда мне начало казаться, что с размерами Земли что-то не то, и он не сможет осуществить свою мечту. Особенно когда я встретила странных людей из далёкой земли Чжоу, которые утверждали, что прибыли из огромной страны и страна эта лежит ещё дальше за Индией. Вот теперь я совершенно точно вижу, насколько сильно мы все тогда ошибались. Его мечта была несбыточной.

— Мечта и должна быть такой, разве нет? — возразил Марк.

— Зачем? Если знаешь, что не дойдёшь.

— Чтобы не останавливаться? Впрочем, давай поговорим о мечте позже, — Марк занял место Эвелин. — Сейчас мы посмотрим, что произошло после твоей… первой жизни.

В пространстве проектора начали разворачиваться сцены из прошлого, вернее, для неё это были сцены будущего, которого она ещё не знала. Голоса Марка и Эвелин поочерёдно вели её через эпохи, государства и империи, великие переселения народов, возникновение новых религий, войны, революции, величайшие географические открытия, расширившие пределы Ойкумены. Она увидела подвиги и силу духа величайших представителей разных народов, впрочем, как и низменные примеры предательства и жестокости тех же народов. Удивительные изобретения поражали воображение: электричество, радио, двигатели, аэропланы! «Вот как они научились летать!» — только успела подумать Таис, как вдруг увидела совсем не героическое, но очень обаятельное лицо человека, услышала всего лишь одно слово: «Поехали!» — и большая белая ракета унесла его прочь от поверхности Земли, ещё дальше, прямо к звёздам!

— О боги! Куда же это? Куда он полетел? Он вернётся? Как вы это сделали? — Таис в нетерпении вскочила с места.

— Пожалуй, давай сделаем перерыв, — Марк выключил проектор, — давай отдохнём немного.

— Но он же вернётся? Он вернулся? — афинянка непременно хотела получить ответ.

— Конечно, вернулся! Не волнуйся, с ним всё хорошо, — наконец услышала она, когда они снова вышли на террасу.

— И не разбился о небесные сферы? — никак не успокаивалась она.

— Не разбился! — засмеялись в ответ Марк и Эвелин, — спросишь потом его сама.

— Так он жив и сейчас?

— Ну а как же. Он был одним из первых вновь возрождённых. Он не разбился, потому что нет никаких небесных сфер.

— Вы же сами сказали, что Аристотель был прав! Это его идея.

— Ну уж не во всём! Но не волнуйся, все попали в его ловушку и ещё очень долгие века думали так же, как Аристотель. На самом деле это наша Земля вращается вокруг огромного Солнца, вместе с Луной и другими планетами. Да и само Солнце не в центре мира. Оно лишь одно из множества звёзд в нашей Вселенной.

— Так что же это выходит? Звёзды — это не боги, которые перенеслись на небосвод, и не души людей? И не яркие камни?

— Выходит, что нет. Звёзды — они как наше Солнце, такие же гигантские и горячие, просто очень далеко. Смотри, я покажу тебе прямо здесь, — Марк нажал на браслет на своей левой руке, и из него выскочил чёрный прямоугольник и завис в воздухе. Марк раздвинул его руками, так, словно этот прямоугольник был настоящий, телесный. Потом развернул его к Таис. Прямоугольник висел перед её глазами, а в его глубине рисовались картины, о которых ей только что рассказывали.

— А как ты это сделал? Это же как проектор, да?

— Похоже, только меньше. Это устройство, у меня на руке, оно называется инком — индивидуальный коммуникатор. Такой есть у всех, только выглядит по-разному. Мужчины предпочитают иметь его в виде браслета, Эвелин, например, любит носить его в форме колье. Другие женщины носят в виде серёжек, колец или даже диадемы.

— А оно, это устройство, этот инком, он только иллюзию показывает? — Таис посмотрела на Эвелин и на её красивое колье, которое так понравилось ей при первой встрече на асфоделевом лугу.

— Нет, не только. Чаще всего мы используем его для связи с другими людьми или для подключения и управления машинами. У тебя такой тоже будет. Чуть позже. Выберешь себе любую форму по душе. Но сейчас я показывал тебе нашу Вселенную, вернее, часть её. Мы не знаем её точных границ. Пока что мы только лишь пытаемся дотянуться до ближайшей к нашему Солнцу звезды.

— Все смеялись над Демокритом, когда он говорил про множество миров…

— А тем не менее он оказался прав. И не только в вопросе множественности миров. Ты ведь, наверное, слышала, что он говорил про атомы?

— Маленькие частички вещества, из которых состоит всё вокруг? Это звучит ещё более абсурдно, чем далёкие звёзды.

— Тем не менее это так, — Марк выключил проекцию и обернулся к напарнице. — Не кажется ли вам, девочки, что пришло время обеда?

Перед обедом они ещё немного потренировались с Эвелин на террасе, но недолго, при первых признаках усталости Эвелин взяла ученицу за руку и повела в столовую. Марк снова помог ей сесть и пододвинул стул. Такое его поведение удивило Таис — никогда прежде никто из мужчин не ухаживал за ней так. «Не следует к такому привыкать», — так подумала она вчера, когда была ещё очень слаба и нуждалась в поддержке, но сегодня она уже вполне могла обходиться без посторонней помощи, а Марк всё равно за ней ухаживал. «Видимо, придётся всё-таки привыкать», — решила она и не ошиблась. Дверь на кухню распахнулась, и оттуда выехала тележка на маленьких колёсах. Марк переложил с неё на стол блюда и, махнув рукой, отправил тележку обратно на кухню.

— Это что за волшебная колесница?

— Это и есть робот. Один из них. Это робот-официант, он привозит еду с кухни.

— А кто всё приготовил? Я никого больше здесь не видела, а вы всё время были со мной.

— Приготовил другой робот, кухонный повар.

— А можно посмотреть на этого повара?

— Ты же не думаешь, что увидишь там нечто, похожее на настоящего повара? На самом деле там множество механизмов, объединённых в единую сеть… э-э-э… Как бы тебе сказать? Пока думай так, что всеми ими управляет один невидимый дух.

— А этот дух не опасный? Духи, знаете ли, бывают весьма злобными.

— Нет, этот умеет только готовить блюда и больше ничего. Не о чем беспокоиться.

На обед была уже не каша. Вначале все выпили ярко-оранжевый кисло-сладкий сок — «ферментный», как назвал его Марк. Затем были сыр фета и фрукты. И снова Таис заметила, что менторы кроме сока ничего не ели. Снова приехал робот-официант и с собранной посудой укатил обратно на кухню.

— И что, помоют сами?

— Ну а как же. Мы их для того и изготовили.

— Вы что же, теперь сами совсем не готовите?

— Иногда. Чтобы не забыть, как это делается.

После перерыва Таис снова заняла своё место, и Марк включил проектор. История продолжилась, и она с интересом наблюдала, как люди начали осваивать космос, возникновение и распад различных политических альянсов. Изобретение оружия невиданной разрушительной силы, едва не уничтожившего всю планету целиком. Открытие Кольца Разума и вскоре обретение человеческого бессмертия. Страшная катастрофа, уничтожившая Атлантистский альянс, и титанические усилия людей по ликвидации последствий катаклизма. И наконец, нахождение способа воскрешать умерших людей и начало эпохи Воскрешения.

— То, что я сейчас увидела, просто невероятно! — История, показанная ей, была дана лишь очень крупными мазками, без подробностей, тем не менее поражала её воображение. — И вы говорите, что боги совсем не помогали вам добиться таких результатов?

— Нет. Мы сами справились. Не скажу, что это было легко, — Эвелин покачала головой.

— Ну, допустим, я вам поверю. Но даже олимпийцы не смогли бы сделать ничего подобного. Клянусь Зевсом, даже он сам не мог бы подняться в космос! Или сделать всех людей бессмертными. Ах, конечно же нет — Зевс бы точно такого не сделал, даже если бы мог! Как же вы справились?

— Дело в том, Таис, — продолжила Эвелин, — дело в том, что мы принадлежим к другому человеческому виду. Ты и все, кого ты знала, относитесь к виду «Homo sapiens», что на языке ваших соседей, римлян, значит «человек разумный». Мы — я, Марк и почти все живущие сейчас люди — составляем вид «Homo immortalis», что значит «бессмертный».

— Но ты сказала «почти», почему? Значит, не все бессмертные? А кто другие? Варвары?

— Варвары? Какая прелесть! Нет, конечно, нет сейчас никаких варваров. Другие — это дети и вы, вновь возрождённые. Вы всё ещё пока те самые сапиенсы, как и раньше.

— Разве дети не должны быть сразу, как вы? Рождённые от бессмертных?

— Нет, конечно. Переход в новый вид происходит личным волевым усилием каждого человека.

— Но ведь нас, как ты говоришь, разумных «сапиенсов», нас ведь сразу боги сделали такими?

— Прометей вылепил из глины, а Афина вдохнула душу? Ты ошибаешься. Человек не рождается разумным сразу. Разум — это результат обучения и воспитания в обществе. В обществе, уже обладающем необходимым уровнем разумности. Дети-маугли, выросшие вдали от людей, выкормленные животными, никогда не обретали разум. Эти прискорбные случаи доказывают, что разум не есть нечто вложенное в человека сразу. Его нужно добыть, упорной учёбой и трудом. При этом новорождённый уже обладает необходимыми предпосылками для его обретения. Точно так же и с вами. Вы, дети и вновь возрождённые, уже владеете необходимыми потенциями для перехода на новый уровень. Наша задача состоит в том, чтобы помочь вам совершить этот переход как можно скорее. Мы показываем путь и ведём по нему. Но чтобы сделать необходимые шаги, тебе придётся приложить личные усилия.

— Понимаю. Но какие боги могут помочь в этом деле? Кому мне следует возносить молитвы, чтобы привлечь удачу?

— Ахаха, с тобой так весело! — рассмеялась Эвелин.

— Ты хочешь сказать, что я смешная? — в её голосе послышалась твёрдость. — Эвелин, радость моя, не забывай, что я всё же постарше буду и поэтому вправе потребовать к себе должного уважения, — Таис встала со своего места и, сделав полшага навстречу, гордо выпрямилась перед правнучкой. И хотя она была ниже Эвелин, но сейчас казалось, что с высоты своего роста она смотрит на неё сверху вниз.

— Прости, я вовсе не хотела тебя обидеть, — такое внезапное проявление характера снова испугало Эвелин, — просто нам ещё не доводилось вот так близко общаться с людьми твоей эпохи, и это урок всем нам. Видимо, нам всем придётся привыкать друг к другу, — Эвелин переглянулась с Марком. — Никакие боги не будут тебе в помощь. Только ты сама ответственна за свою судьбу. Мы с Марком отвечаем за тебя, но мы лишь помощники и проводники. Впрочем, никто не запрещает тебе молиться, если тебе так будет легче. Оно не помешает.

— Хотя и не поможет, — добавил Марк без тени улыбки. — Специально для тебя мы сильно переработали программу. В среднем обучение и трансформация занимают полтора года. Но твоё время настолько далеко от теперешнего, что это и для нас является вызовом. Поэтому мы подстраховались и рассчитали твою программу на два года.

— Так долго?

— Когда ты узнаешь, сколько тебе нужно постичь, уверен, ты спросишь: «Так мало?». Ты же видела в первом приближении путь, который мы прошли к настоящему времени? Так вот, тебе придётся пройти весь этот путь за два года.

— Как это? Подождите, что значит «весь»?

— Ты будешь знать и уметь всё и обо всём. Именно это мы имели в виду, когда говорили, что ты станешь равной нам.

— За два года? Так скоро?

— Вот видишь, потому мы и увеличили срок. Не стану скрывать, будет трудно. Иногда даже очень. Тебе придётся совершить твой личный анабазис.

— Военный поход?

— Скорее, восхождение к вершине.

— Но вы же меня не бросите? — Таис с надеждой поглядела на обоих менторов. Вот сейчас она действительно испугалась, где это видано — изучить всё, да ещё всего лишь за два года? Теперь она смотрела на них не как на врагов-тюремщиков, а как на свою единственную надежду.

— Мы не имеем права. Ты наша, а мы твои. И это навсегда.

— Но мы ведь даже не родственники. Ах, да, — афинянка оглянулась на Эвелин, — ну очень дальние родственники.

— А это не имеет значения, — ответила дальняя родственница, — процесс возрождения порождает гораздо более сильную личную связь, чем обычное кровное родство. Он и длится дольше, и усилий с обеих сторон требует больше. Причём осмысленных усилий. Так что не волнуйся, с нами тебе нечего опасаться.

Таис озадаченно глядела на своих менторов. Она знала их всего лишь второй день, двоих совершенно незнакомых людей, которые даже на её языке говорили с акцентом. Какая связь может между ними возникнуть? Ей это казалось невероятным. Хотя она и была благодарна им за возрождение, но благодарности мало для возникновения более сильных чувств. Не зная, что ответить, она просто смотрела на собеседников.

— А ничего пока не отвечай! — словно прочитала её мысли Эвелин. — На сегодня наши занятия закончены. Пойдём переоденемся. До ужина будем плавать, — и Эвелин увела её в спальню.

Когда Марк вышел на террасу, в плавках и с полотенцами, девчата уже ждали его там, в двух одинаковых раздельных купальниках, только разного цвета.

— Марк, пойдём, мы уже готовы, — обе девушки пошлёпали босыми ногами по траве террасы.

Марк с полотенцами в руке последовал за ними и невольно сравнил две женские фигуры перед собой. Его напарница была значительно выше, и её великолепно проработанные мускулы упруго выделялись под гладкой кожей. Фигура Таис тоже была хороша. Особенно привлекала

внимание тонкая талия. Но вялые мышцы ещё не приняли нужную форму. «Ничего, — подумал он, — немного времени и стараний, и наша афинянка будет ничуть не хуже Эвелин».

— А куда мы идём? Тут где-то есть пруд или озеро? Нам же надо вниз спуститься? — поинтересовалась Таис.

— Не надо, мы уже пришли, — Эвелин указала рукой на непонятное сооружение, куда они начали подниматься по ступенькам.

Это оказался небольшой бассейн, примерно десять локтей в ширину и тридцать в длину. Широкие ступени поднимались к нему с двух коротких сторон, а длинная сторона, ближе к дому, была образована просторной площадкой, на которой размещались ложа. Два из них были заняты парой в купальниках. При их появлении мужчина и женщина приветственно подняли руки и, видимо, поздоровались на неизвестном языке. Марк и Эвелин ответили им так же, а Таис просто сдержанно кивнула головой, не понимая точного смысла незнакомых слов. Эвелин с ходу прыгнула в бассейн, подняв кучу брызг, и призывно замахала руками.

Долго уговаривать не пришлось, и Таис быстро присоединилась к ней. Она умела и любила плавать, но, сделав несколько гребков, быстро устала, едва достигнув середины небольшого бассейна. Перевернувшись на спину, медленно поплыла, расслабляя мышцы и глядя в небо. По одну сторону от неё вверх уходили, постепенно сужаясь, этажи-террасы их исполинской башни. Со всех остальных сторон её окружало только безбрежное синее небо с редкими пушистыми облаками, которое в разных направлениях пересекали эти диковинные летающие колесницы разных форм, цветов и размеров. Теперь она уже знала, что это вовсе не подарки богов, а рукотворные машины, «аэропланы» вертикального взлёта. Рядом то и дело проплывали Марк и Эвелин, обдавая её брызгами. Вдоволь накупавшись, они медленно поплыли к выходу. Марк вышел первый и, подав руки, помог выбраться из воды. Эвелин замотала её в полотенце и хорошенько вытерла. Купальник внезапно оказался полностью сухим. «Водоотталкивающая ткань», — просто заметила Эвелин. «Ладно», — подумала Таис. Эвелин достала из шкафчика чудесный гребень и быстро высушила волосы вначале ей, потом себе. Менторы взяли её под руки и медленно пошли домой. И это было весьма кстати, вода прекрасно расслабляла, но вдобавок отнимала много сил.

На ужин была густая каша и йогурт. В этот раз её менторы ели вместе с ней, причём те же самые блюда.

— А разве вам нужно есть такую же восстановительную еду, как мне?

— Нет, — ответила Эвелин, — но раз уж мы за одним столом, ты не должна чувствовать себя каким-то образом обделённой.

— Но я не чувствую, я понимаю. Для меня такая пища сейчас самая подходящая.

— Да ты не переживай за нас, — отозвался Марк, — простая еда ещё никому не навредила.

«Ага, особенно тебе», — подумала Таис, глядя, как он нехотя ковыряет ложкой в своей миске.

Когда за окном начали сгущаться сумерки, Таис снова почувствовала усталость, сегодня впечатлений и физической нагрузки было ещё больше, чем вчера.

— Пойдём спать, Таис? — Эвелин пригласила её жестом с собой.

— Да, пожалуй. Антио, Марк, — попрощалась она.

Уже лёжа в постели и наслаждаясь мягкой свежестью одеяла, она вдруг что-то вспомнила:

— Ты только не усыпляй меня рукой, пожалуйста, как вчера. Я же знаю, что ты так умеешь, — обратилась она к Эвелин, — просто обними меня. Я хочу почувствовать человеческое тепло, чтобы завтра утром снова не наделать глупостей.

Эвелин обняла её и тихо прошептала на ушко:

— Прости нас ещё раз, моя родная. Мы сделаем для тебя всё. Мы тебя любим.

— Не извиняйся, — ответила эллинка, — вы сделали мне божественный подарок, о котором нельзя было даже мечтать, — вы подарили мне новую жизнь. Я вас тоже люблю.

Таис крепко уснула, когда на небосводе зажглась самая яркая звезда.

Глава 2

Разбудили её солнечные блики из окна. Медленно потянувшись и сев в кровати, она наконец рассмотрела их общую спальню. Вчера всё её внимание было поглощено совсем другими событиями. Спальня была не очень большая: тут помещались две кровати через проход, ещё небольшой рабочий стол с креслом и пара шкафов с бельём и одеждой. Пожалуй, и всё, обстановку можно было бы назвать аскетичной — лишь самое необходимое было здесь, хотя в то же время комната выглядела довольно уютно. То ли общий стиль весьма элегантно подобранной обстановки так влиял на восприятие, то ли цвет стен. Кстати, она готова была поклясться, что эти же светло-голубые стены вчера вечером были тёмно-бордовыми. Неужели они могут менять цвет? Впрочем, больше всего её внимание сейчас привлекло большое полукруглое окно возле кровати Эвелин. За ним открывался вид на террасу, где они вчера гуляли, а под самим окном, с той стороны, росли восхитительной красоты цветы. Эвелин была уже на ногах и поливала на террасе свои вазоны. Заметив, что Таис проснулась, она приветливо помахала ей через окно и вскоре вернулась в комнату.

— Ух ты! Что это за цветы? — вместо приветствия невольно вырвалось у Таис. — Никогда в жизни таких не видела! — она сорвалась с постели и подбежала к окну.

— Это? Мои орхидеи. Нравятся?

— Очень! — Таис приникла к стеклу, рассматривая розовые, бордовые, лиловые, голубые лепестки крупных соцветий, закрывавшие всю нижнюю часть окна. — Откуда столько?

— Ну есть один поклонник, постоянно дарит мне цветы. Я не против.

— Марк?

— Нет, почему же Марк? В нашем мире количество людей значительно больше двух, — засмеялась Эвелин.

— Что же это за тайный поклонник?

— Вовсе он не тайный. Это мой муж, Егор.

— Я думала, Марк твой муж.

— Марк? Нет, он холостяк. Нас связывают узы возрождения. Ну и, кроме того, он наш самый близкий друг.

— А почему же Егор сейчас не с нами?

— Он в школе с нашим внуком и его родителями. Ты с ними позже познакомишься. Егор отличный учитель и очень там востребован. Давай одеваться, я приготовила тебе другую одежду для занятий — в ней удобнее будет заниматься гимнастикой. Да не расстраивайся ты, твоё платье никуда от тебя не денется! Наденешь его на ужин.

С этими словами она помогла Таис надеть странный костюм из двух частей. Нижнюю часть она назвала «шорты», а верхнюю — «топик». Одежда и в самом деле была лёгкая и совсем не стесняла движений, хоть и выглядела слишком странно и открыто, но открытость ей даже импонировала. Сама Эвелин оделась точно так же.

Марк уже ждал их в гостиной, где был накрыт завтрак. На этот раз на столе стояли уже оливки, сыр и хлеб.

— Надеюсь, такая еда для тебя более привычна, — произнёс Марк. — Если хочешь чего-то ещё, просто скажи, с этого дня уже можно постепенно добавлять обычную пищу. Сомневаюсь, что вчерашняя каша тебе понравилась.

— Ну почему же, понравилась. Только больше не давайте!

На этих словах все засмеялись и приступили к завтраку.

За завтраком Таис украдкой рассмотрела Марка чуть более внимательно. «Выходит, он холост, значит, свободен», — по какой-то непонятной причине вдруг сама собой возникла

мысль. Это было странно — ведь заполучить такого парня в её время захотела бы любая девушка. Он был по-своему красив, хотя и не по эллинским меркам — короткая стрижка у них тогда была не принята. По всему было видно, что его руки были вовсе не чужды тяжёлой работы, но при этом тщательно ухожены. Несмотря на свою атлетическую фигуру, двигался он всегда очень легко и плавно, точно выверенными движениями. Особенно привлёк её внимание взгляд его проницательных глаз — так смотрят художники, оценивая красоту творения. Когда он в очередной раз случайно взглянул на неё, Таис машинально применила свой излюбленный приём. Её выстрел глазками из-под слегка приподнятой брови не оставлял шанса мужчинам, каждый раз заставляя их терять голову. Но Марк лишь улыбнулся в ответ, спешно отводя взгляд. Она готова была поклясться, что заметила лёгкий румянец на его щеках, впрочем, могла и ошибаться — на его слегка смуглой коже это было сложно заметить.

После завтрака они снова занялись письмом на новогреческом. Таис поочерёдно писала то правой, то левой рукой, старательно выводя непривычно мелкие буквы. Получалось уже лучше, но приблизиться к заданному Эвелин образцу всё ещё не удавалось. Но Эву это вовсе не расстраивало. Она только лишь наблюдала за тем, что получалось, хвалила и смеялась вместе с ученицей над самыми нелепыми знаками.

— Достаточно пока, время потренировать твоё тело, — остановила её Эвелин, показав на часы на стене.

Таис встала и почувствовала боль во всех мышцах — вчерашние тренировки дали о себе знать крепатурой.

— Ох! — только и смогла сказать она.

— Всё болит, да? Садись на стул, — Эвелин усадила её на высокий стул и встала у неё за спиной. Мягкие ладони легли на плечи, и Таис вдруг почувствовала, насколько они горячие. Тепло от рук начало распространяться от плеч сверху вниз, по всему телу. Волна за волной прокатывались через неё, пока она не почувствовала, что боли больше её не беспокоят.

— Невероятно! Я больше ничего не чувствую. Теперь мы можем заниматься гимнастикой?

— Да, теперь можем, но не слишком интенсивно. Боль я убрала, но молочную кислоту всё равно нужно выгнать из тела.

— Молочную что? — не поняла Таис.

— Позже, позже узнаешь.

«Позже» — это слово она будет слышать ещё очень долго, каждый раз чувствуя раздражение от этого противного слова. Лишь много позже (снова это слово) придёт понимание, что без обширной базы знаний многие вопросы не имеют ответа.

После гимнастики они снова писали. На этот раз дело шло гораздо бодрее, строки выходили ровнее, даже левой рукой. Наконец они отложили письмо и приступили к чтению на новогреческом наречии. Эвелин показывала слова и предложения на экране, и они вместе читали. Прошло некоторое время, прежде чем Таис вдруг заметила, что никаких новых слов на экране больше нет, а она отвечает на вопросы Эвелин на новом для неё языке. Это было словно наваждение.

— Постой! Как это у меня получилось? — удивилась она.

— Очень просто. Я использовала гипноз. Ты уже знаешь новые выражения, они у тебя в памяти. Я просто заставила тебя их вспоминать без труда.

— Гипнос? Так вы всё же пользуетесь дарами этого бога?

Менторы улыбнулись.

— Да, — подтвердила Эвелин.

— Нет, — одновременно возразил Марк, — ладно, да. Пока думай, что да, потом поймёшь, что нет.

— Так вот каким образом вы берётесь научить меня всего лишь за два года?

— Ох, ну не только так, — отозвался Марк, — это самый простой метод. Идеально подходит для изучения языков. Когда пойдут другие, значительно более сложные предметы, этого будет уже недостаточно. А пока предлагаю отобедать — позже нас ждут другие занятия, — последнее предложение он говорил уже на новогреческом языке, и Таис его прекрасно понимала!

После обеда, где её накормили новыми для неё и незнакомыми блюдами, они снова переместились в учебный зал. Таис приготовилась уже было писать, но Марк остановил её:

— Погоди, отложи ручку. Сейчас мы начнём изучать историю…

— Но я знаю, я много читала Гомера и Геродота!

— Какая прелесть, — умилился Марк, — но мы начнём ещё раньше, с зарождения самой Вселенной. Только вначале придётся разобраться с устройством атомов.

— Погоди, ты сказал «атомов». Их разве несколько видов существует?

— Гораздо больше сотни.

— Ого! Как же совладать со всем этим разнообразием? Это ведь даже запомнить невозможно!

— На самом деле довольно просто, если знать их устройство и закон построения.

— Что значит «устройство»? Ты же сам заявил о правоте Демокрита. А он, между тем, говорил, что атом неделим. Какое же устройство может быть у неделимой частицы? Да ведь его неделимость следует уже из названия!

— А вот тут уважаемый Демокрит ошибался. Они делятся и имеют сложное устройство, посмотри на модель в проекторе, — далее Марк начал терпеливо объяснять и показывать на забавных шариках в проекторе довольно сложную тему. Он брал эти шарики руками, перемещал, делил на части и снова объединял, так, словно они были телесные, настоящие. Он терпеливо повторял и без малейшей насмешки отвечал на совершенно глупые, порой, вопросы, вроде того, какого цвета атомы водорода и кислорода и почему молекула воды получается прозрачной, если объединить два разноцветных атома.

— Марк, извини, я говорю глупости, а ты меня не останавливаешь. Почему?

— Потому что мне нравится, когда ты спрашиваешь. Я радуюсь твоей любознательности и хочу, чтобы так продолжалось и дальше. Если ты перестанешь меня спрашивать, тогда вопросы тебе начну задавать я. А пока, как видишь, мы потихоньку добрались и до начала Вселенной. И как ты теперь понимаешь, первым и единственным веществом в новорождённой Вселенной мог быть только водород — как самый первый, простой атом.

— Но откуда же взялись все другие атомы? Ты же сам сказал, что для синтеза нужны особые условия.

— Верно. И эти условия возникли тогда, когда эти скопления газа собрались в первые звёзды. Именно там, внутри звезды, и возникает давление и температура, силу которых мы даже представить не можем. Именно это сейчас и происходит с нашим Солнцем. Водород в его недрах постепенно превращается в гелий, отдавая нам тепло, которое согревает всё живое на Земле.

— А дальше? Кроме гелия есть ведь ещё масса элементов.

— В достаточно массивных звёздах горение не прекращается. Термоядерные реакции образуют все последующие элементы по очереди, вплоть до железа.

— Почему только до железа? А золото?

— Что же ещё может заинтересовать девушку? Золото, конечно, — улыбнулся Марк.

— Марк, не отвлекайся, — Таис щелчком пальцев вернула его к теме, — что там насчёт золота?

— Потому что только до железа реакция синтеза может выделять энергию. Далее синтез становится энергетически невыгодным, и реакция затухает. Чтобы создать другие элементы, требуется, наоборот, где-то эту энергию взять и добавить. Именно это происходит, когда звезда,

завершив свой жизненный цикл, взрывается сверхновой. В эти короткие, по меркам Вселенной, мгновения очень быстро синтезируются остальные тяжёлые элементы и вместе с осколками погибшей звезды разлетаются по галактике. Эти осколки захватываются другими молодыми звёздами, и из них могут возникнуть планеты, такие, как наша Земля.

— Как странно… Раньше я думала, что звёзды — это души ранее умерших людей. Я ошибалась. Выходит, это мы, люди, и есть частички давно погасших звёзд.

— Эмм… я не думал об этом, — признался Марк, — но, в сущности, ты совершенно права. Мы — пришельцы из далёкого космоса. Неудивительно, что нас всё время тянет обратно, туда, откуда мы прибыли. Да нет, — улыбнулся Марк, — шутка, конечно. Мы не можем осознанно помнить те далёкие времена.

— Но вы ведь сами сказали мне, что в космосе живёт сейчас очень много людей. Их ведь что-то туда тянет?

— Верно. Примерно пятьдесят миллиардов людей проживают сейчас на многочисленных орбитальных станциях и в крупных колониях на Луне и других планетах нашей системы. Вам, эллинам, должно быть хорошо знакомо такое явление, как колонии.

— Конечно. Но зачем это делаете вы? В наши колонии отправлялись безземельные молодые люди, которым не хватало места в полисе. Зато в колониях были благоприятные условия для выращивания урожая. Я не думаю, что в космосе условия настолько же благоприятны, как и здесь, на Земле.

— Ну, первую причину ты назвала верно. С тех пор, как мы стали бессмертными, места на Земле становится недостаточно для всех. Сейчас здесь проживает семьдесят миллиардов людей, и это практически предел для комфортного сосуществования. А ведь в наших планах ещё воскресить почти всех умерших ранее людей. Значит, нам нужно больше места. Вторая причина состоит в том, что, если мы хотим, а мы на самом деле этого хотим, взять всю нашу систему под полный контроль, нам нужны наши форпосты в каждом её уголке. И чем они крупнее, тем проще там живётся людям. Но ты не думай, что эти люди изгнаны в колонии навсегда, как это случалось у вас. Существует постоянный переток жителей между колониями и Землёй. Нет постоянного, раз и навсегда установленного места жительства. Ты можешь жить где угодно.

— Но что заставляет людей жить где-то, вдали от Земли?

— Там невероятно красиво. Это нельзя выразить никакими словами.

Таис бросила на него быстрый взгляд, ожидая увидеть улыбку, сопровождающую такую несерьёзную причину. Но ни малейшей тени улыбки не было видно на его абсолютно серьёзном лице.

— А когда мы полетим?

— Не раньше, чем ты совершишь преображение от Homo sapiens до Homo immortalis и присоединишься к Кольцу Разума. Детям и вновь возрождённым в космос нельзя — это смертельно опасно. Нас защищает Кольцо, а вы беззащитны перед опасностями космоса.

— Что это за Кольцо такое? Я уже не первый раз слышу.

— Чтобы понять его правильно, тебе придётся пройти весь путь человеческой мысли, от самого начала. Иначе то, что я тебе расскажу, будет для тебя пустыми, ничего не значащими словами.

— Но разве может один человек выучить вообще всё?

— Да всё и не надо. Знание основных принципов позволяет проникать в суть различных явлений. Я буду давать тебе знания, а Эвелин научит работать с памятью, чтобы мои уроки не забывались. Заодно покажем, как не попасть в ловушку всезнания. В плен этой иллюзии попадались многие выдающиеся люди прошлого, берясь авторитетно рассуждать на темы, которые им не знакомы.

— Разве мудрец не может рассуждать на любые темы?

— Ага, вот ты и попалась! Мудрец вполне может заблуждаться. Хуже всего, когда к ложной точке зрения присоединялись другие люди, ведомые авторитетом своих кумиров. «Знаменитый танцор сказал, что Земля на самом деле плоская. Я видел, насколько великолепно он танцует! Такой восхитительный танцор не может ошибаться в вопросе о форме Земли». Оцени степень глупости сказанного! Отчасти такое происходило из-за лености ума, отчасти из-за модного когда-то убеждения, что каждое мнение имеет равную ценность и его следует уважать.

— А разве не следует уважать чужое мнение?

— Нет. Уважать следует знание. Знание стремится к постижению Истины. Оно требует умственной работы. Мнение же всегда субъективно и склонно меняться даже от настроения. Как же мне уважать твоё мнение, если в следующую секунду ты сменишь его на противоположное? Выходит, я должен был выразить своё уважение некой пустышке, которая даже для тебя не представляет ценности.

— Но Марк, посмотри на того же Анаксагора или Аристотеля. Они ведь не невежды, они подходили к знанию серьёзно, но всё равно ошибались. Можем ли мы теперь утверждать, что знание всегда соответствует истине?

— Нет, не всегда. Но оно стремится к этому. Его можно и иногда нужно менять. Напряжённая работа умов и Анаксагора, и Аристотеля, и многих других мыслителей привела к тому, что мы теперь приблизились к Истине намного ближе, чем раньше.

— В стремлении к истине мне придётся изрядно потрудиться.

— Я рад, что ты это понимаешь. Главное при этом не забыть охватить все области человеческих знаний. Солнце или любая другая звезда светят во все стороны одинаково. Гармоничная личность должна брать пример со звезды, развиваясь так же во всех направлениях. Ты вроде должна об этом что-то знать?

— Да, верно, идеал калокагатии предписывает одинаково хорошо развивать ум, тело и душу. Выходит, это мы, эллины, подсказали вам правильные принципы развития?

— Именно так, мы стоим на прочном фундаменте, заложенном ещё вами, за что вам отдельное большое спасибо. Отход от этого принципа порождает довольно забавные и бессмысленные споры, наподобие противостояния физиков и лириков. Если бы они знали тогда, как глупо это выглядит сейчас, — Марк улыбнулся, — всё равно как укреплять одну только правую ногу, не уделяя внимания левой. Такой человек даже выглядеть будет нелепо и уродливо.

— Да уж, точно не красавец — с толстой правой ногой и тощей левой.

— Вот поэтому мы и хотим добиться, чтобы ты стала всесторонне красивой, как душой, так и… ой, прости! Я совсем не то имел в виду! — ей снова показалось, что Марк даже немного покраснел. — Ты и так, конечно, очень красивая…

— Ты не должен извиняться. Я и сама вижу, что рядом с великолепной Эвелин выгляжу не так хорошо.

— Только не говори это при ней, — сделав круглые глаза, громким шёпотом произнёс Марк, — а то она зазнается.

Оба громко рассмеялись.

— Что? Что сейчас тут было? — спросила Эвелин, входя в комнату.

— Я говорю, что тебе, Эва, надо бы поосторожнее на пироженки к чаю налегать, — ответил Марк, заговорщицки подмигнув Таис, — а не то мне придётся держать ответ перед Егором, куда я смотрел, что у его любимой золотой рыбки все пирожные на бёдрах отложились.

— Так, знаешь, что? Всё ты врёшь — ничего там не откладывается! С Егором я сама как-нибудь разберусь, — парировала Эвелин, но тем не менее как бы невзначай подошла к зеркалу, проведя руками по бёдрам.

* * *

На следующее утро Таис приготовилась было продолжить совершенствование языка, но Эвелин её удивила:

— С греческим достаточно, дорогая. Сегодня начнём изучать новый язык — русский.

— Что это за язык? Никогда о таком не слышала.

— Это потому, что в твоё время такой народ ещё не сформировался.

— Так зачем же мне его учить?

— Потому что на сегодняшний день именно он является первым всеобщим языком. Потом ты сможешь изучить и другие языки — это будет несложно. Но если ты хочешь, чтобы тебя понимали в любом уголке нашей системы, то на первое время достаточно будет русского.

— Но что это за народ такой, о котором я никогда не слышала?

— Потом расскажу. Пока достаточно знать, что тот самый Юра, за которого ты так сильно переживала, дабы он не разбился о небесные сферы, принадлежит именно к этому народу.

— И я тоже, — отозвался со своего места Марк.

— Ты?!— удивилась Таис. — А ты, Эвелин?

— Я наполовину. Не забывай, я же по женской линии твоя наследница, значит, гречанка. То есть — эллинка, — быстро поправилась она.

— А почему же именно русский язык был выбран всеобщим?

— Да всё просто, — приступил к объяснению Марк, — для общения в рамках всего человеческого сообщества следовало выбрать язык, умеренно сложный, но в то же время достаточно богатый и выразительный, так, чтобы с его помощью можно было бы выразить любую, самую сложную мысль. Русский язык подходит для этих целей как нельзя лучше.

— Ах вот как…

— Да Марк опять выдумывает, — вмешалась Эвелин, — просто так сложилось само собой исторически. Новая цивилизация начала складываться вокруг русского ядра. Она же и заимствовала у него всеобщий язык. Но чтобы ты представила себе, насколько всё взаимосвязано в мире, ты должна знать, что русская цивилизация приняла веру и письменность из Греции и таким образом продолжила греческую традицию на своей территории. Я уже сказала про письменность? Буквы в русский язык тоже пришли из Греции. Сейчас ты увидишь, насколько они похожи.

И действительно, она ожидала увидеть что-то наподобие арамейского шрифта или старинной клинописи. В крайнем случае подобие египетских символов. Но буквы были действительно похожи на эллинские, хотя слова, которые из них складывались, были ей совершенно не знакомы.

Когда она исписала до конца целую тетрадь, новые буквы и слова уже не казались ей такими уж незнакомыми. Тетрадь отправилась на угол стола, в стопку таких же, исписанных ранее. Теперь она снова сидела напротив Эвелин, глядя ей в глаза, и повторяла за ней предложения. К концу первого дня Таис уже вполне сносно понимала и выговаривала простейшие выражения. Примерно на уровне трёхлетнего ребёнка, но всё равно прогресс первого дня её очень впечатлил.

— О чудо! Это восхитительно! Так я могу выучить язык за неделю!

— За две, — поправил Марк, поубавив ей оптимизма, — основной разговорный. В совершенстве — не менее полугода.

— Да ведь это всё равно удивительно! Я даже не думала, что можно так быстро.

— Это в первое время тебе будет трудно. Потом, после преображения в иммортализ и подключения к Кольцу, ты сможешь учить языки самостоятельно и очень быстро. Сейчас каждый человек говорит на многих языках, кроме родного обязательно русский, а также несколько европейских и азиатских.

* * *

Таис уже начала привыкать к подобному распорядку. После завтрака они занимались с Эвелин изучением языка, регулярно прерывая занятия на гимнастические упражнения. И уже через несколько дней боли в мышцах совершенно прекратились, она почти обрела былую силу и гибкость и с некоторым напряжением, но всё же могла повторять упражнения за Эвелин. После обеда Марк объяснял раннюю историю Земли, при этом понадобилось одновременно выучить законы механики, а с ними заодно и математику с современными единицами измерения. Каким-то образом ему удавалось увязывать самые разные дисциплины при изучении одного явления, да так ловко, что переход от одной дисциплины к другой оказывался необходимым и естественным. Позже она узнала, что так устроена вся система обучения. И хотя комплексный способ выглядел медленнее, чем раздельное изучение, зато давал более твёрдые и всесторонние знания. После учёбы с Марком была очередь её любимого занятия — плавания в бассейне. Вскоре бассейн на террасе стал слишком мал для неё, будучи человеком моря, она могла плавать далеко и долго. Пришлось спускаться на нижние этажи дома, где был оборудован огромный бассейн и для неё было полное раздолье. После плавания они возвращались к себе на террасу, где их ждал ужин, плавно переходящий в беседы обо всём.

В один из дней после обеда Эвелин неожиданно предложила организовать настоящий симпосий.

— Что, прямо такой, как был у нас, в моё время? — одновременно удивилась и оживилась Таис.

— Да, почему бы и нет? Только мы не знаем всех тонкостей, поэтому ты, Таис, будешь хозяйкой вечера. Распоряжайся нами, как считаешь нужным.

— Трое человек для симпосия слишком мало.

— Гостей я беру на себя, — предложил Марк, — приглашу наших соседей. А то ты постоянно видишь только нас двоих, мы тебе уже, наверное, надоели.

— Вовсе не надоели, как ты мог такое подумать, Марк? — Таис снова бросила на него свой неотразимый взгляд, и снова он не достиг цели. По крайней мере, так казалось. — Только вначале внеси, пожалуйста, с террасы шезлонги в гостиную, я покажу, как расставить. На симпосии принято возлежать, а не сидеть на стульях.

— А что делать мне? — поинтересовалась Эвелин. — На симпосии женщины не допускались.

— Значит, будешь выполнять роль Аспасии, гостеприимной хозяйки дома. Скажи этому, как там его, роботу, пусть подготовит еду — сыр, хлеб, мёд и всё остальное, список я дам. И про вино не забудь.

— Красное подойдёт?

— Вполне. А сама позаботься о платьях для нас, мы же хотим выглядеть аутентично? Я правильно сейчас сказала?

Через час все приготовления были сделаны, Эвелин нашла для них два белых длинных платья, не совсем древнегреческих, но весьма похожих. На Марка же Таис приспособила большую белую простыню а все его робкие возражения она проигнорировала.

— Ну только посмотрите, как ему идёт! Гляньте, какой жених, ну чисто Сократ! — похвалила её старания Эвелин, а Марк только развёл руками.

— Мне неудобно, ну правда, как это носили?

— Что значит неудобно? — не приняла возражений Таис. — Лежать на ложе или говорить в нём неудобно? Тебе ведь, по сути, ничего больше на симпосии делать не надо.

На этом и порешили, и все вместе пошли встречать гостей, которые как раз прибыли к ним через террасу. Марк представил двух мужчин. Первого звали Ёнг-и, это был очень крепкий мужчина с широкими плечами, ниже Марка ростом. Мужественное смуглое лицо и внимательные широко посаженные глаза выдавали невероятную силу характера и непреклонность воли, а непослушная короткая шевелюра на голове только подчёркивала его суровость. Но

когда он улыбнулся, Таис вынуждена была невольно улыбнуться в ответ, настолько его улыбка выглядела притягательной и доброй. Второго высокого мужчину с гладко зачёсанными чёрными волосами звали Эйдзи и был он практически полной противоположностью своему товарищу, худощавый и, кажется, немного застенчивый. Оба были одеты в тёмно-синие с мелкими узорами костюмы с широкими рукавами и короткими штанами. Когда их представили, они оба низко поклонились, положив руки на бёдра, а затем отошли в стороны, пропуская вперёд своих жён. И тут Таис ахнула — она никогда ещё не видела таких шикарных цветастых платьев с широкими поясами, образующими огромный бант на спине. Обе девушки были очень похожи, но так показалось ей лишь на первый взгляд, так как она никогда раньше не видела подобный тип лица с очень тонкими чертами и узкими разрезами глаз. Но больше всего её восхитили их высокие причёски, скреплённые длинными спицами. Девушек звали Чияко и Оцу, и они несли с собой маленькие коврики и небольшой струнный инструмент с длинным грифом.

— Ну что же, друзья, я, на правах Сократа, приглашаю вас на наш симпосий, милости прошу, — приветствовал всех Марк.

— А, так это ты Сократ теперь? — удивился Ёнг-и. — А я решил было, что ты в баню собрался.

Общий смех перебил окончание его фразы и снял остатки церемонности.

— Сократ, то есть Марк, — обратилась к нему Эвелин, — занимай своё место на ложе и не командуй тут, гостей принимаю я в качестве хозяйки дома. А ты начинай уже потихоньку философствовать.

— На голодный желудок не получается. Таис, дорогая, на симпосиях вообще кормят?

— А то как же! С этого и начнём, занимайте свои места!

Мужчины кое-как устроились на шезлонгах, хотя, по общему мнению, лежать на боку было не очень-то и удобно. А девушки постелили маленькие циновки и сели на них, поджав ноги.

— Раз уж мы участвуем в настоящем симпосии со знаменитой гетерой, то и мы будем играть роли гейш. Это практически то же самое, — ответила на вопрос Таис Чияко.

Робот привёз с кухни и расставил перед каждым гостем еду, ранее одобренную Таис.

Таис, тем временем, принесла и вылила бутылку вина в большую широкую вазу для фруктов, временно изображающую кратер, и разбавила его двумя частями воды.

— Таис, милочка, я привык к более крепким напиткам, обязательно было разбавлять вино? — подняв свой бокал, спросил Ёнг-и.

— Обязательно, дорогие гости! Вино дано нам для веселья, а не чтобы напиваться. Тем более, что его ещё много, а вечер долгий.

— Логично, — согласился Эйдзи, — тем более, у тебя наверняка накопилось много вопросов, а тут такая большая компания желающих на них ответить. За что же будет первый тост, дорогая хозяйка?

— За родителей! — предложила Таис, и все согласились.

Вместе с вином неспешно потекла и беседа.

— Вот вы раньше говорили, что после обретения способа возрождения люди начали воскрешать своих родителей и так далее. Выходит, пошла волна обратного возрождения, только теперь уже от детей к родителям. И я слышала, что сейчас дошли до времени примерно на десять веков назад, верно?

— Да, верно, — отвечала Эвелин.

— Это какое время?

— Это двадцать первый — двадцатый века по нашему летоисчислению. Чтобы ты понимала, твоё время — это четвёртый-третий век до новой эры.

— Вы все тоже возрождённые?

— Я да, — отозвался Марк, — а Эвелин принадлежит к первому поколению бессмертных.

— Мы все тоже вновь возрождённые, — ответил за всех соседей худощавый Эйдзи, который со своим ростом едва помещался на шезлонге.

— Ого, а нас, оказывается, много!

— Конечно.

— Выходит, я вне очереди вновь появилась на свет?

— Ну очередь довольно условная, — ответила Эвелин, — она проистекает от естественного желания детей увидеть своих родителей. Наши с Марком родители уже давно живы, и мы не скованы очередью.

— А много таких, как я? Очень… ну это… я не знаю, как сказать…

— Настолько далёких по времени? Насколько я знаю, есть несколько выдающихся людей девятнадцатого, восемнадцатого веков. Старше нет. Ты одна такая.

— Однако! Но вы обещали назвать мне причину, почему вы выбрали меня.

— Разве обещали? — удивилась Эвелин.

— Ну, может, и нет, но пришло время признаться. Давайте-давайте, я готова это услышать. Я ведь вас уже простила.

— Просто недавно изобрели новый генетический метод восстановления своей родословной, пока только по женской линии. Я в качестве эксперимента попробовала дойти как можно дальше вглубь времён и на определённом этапе вдруг обнаружила Эйрену, а за ней тебя, Таис. Эта неожиданная находка и удивила, и одновременно восхитила меня. Но я не собиралась возрождать тебя преждевременно. Всему своё время. Я лишь рассказала своим друзьям. Но тут вдруг возбудился Марк. Он внезапно вспомнил, что ты была очень близкой подругой Александра Македонского…

— Ну, не настолько близкой, всё-таки он выбрал не меня, а княжну, — в голосе её послышалась грусть.

— Ох, ну и кто помнит тех княгинь? Зато тебя знают все, — возразил Эйдзи.

— Так уж все?

— Ты была знаменита даже в наши времена и в наших краях. Только не зазнавайся, у нас это не принято.

— Так, а что было дальше? При чём здесь Александр?

— Давай, Сократ, отвечай, твоя же идея была, — отозвалась со своего места Эвелин.

— Тут дело вот в чём, я уже показывал тебе, как активно мы осваиваем Солнечную систему. На данный момент человечество созрело уже к следующему этапу — колонизации ближайшей звезды. Интересующая нас планета вращается в зоне обитаемости вокруг главной звезды Альфа Центавра А. Роботы-разведчики уже неоднократно посещали эту планету и прислали нам обнадёживающие отчёты. Настало время для человеческой экспедиции. Конечно, прямо сразу заселяться и жить там не получится. Планету вначале придётся терраморфировать[15], то есть, привести в состояние, пригодное для жизни, как на Земле. Задача грандиозная по своим масштабам, но и награда обещает быть шикарной — ещё одна звёздная система!

— Марк, я очень люблю слушать твой голос, но что там с Александром?

— Прости, моя царица, я увлёкся.

— Прощаю! — вслух сказала Таис, с удовольствием про себя отметив, что так он её назвал впервые.

[15] — Терраморфирование — целенаправленное изменение физических и климатических условий на планете с целью сделать её пригодной для жизни.

— Так вот. Авангард землян отправится на трёх огромных кораблях, каждый из которых понесёт на борту по триста тысяч человек — маленький город. Без малого миллион землян. Понимаю, даже этого покажется тебе мало.

— О нет, не покажется!

— Но это только первый отряд. К постройке следующих кораблей мы приступим сразу же после старта первых трёх, с учётом опыта наших пионеров. Таким образом, между системами образуется прочная постоянная связь. Да, через некоторое время посетить новую звезду смогут все желающие. Но в первую партию пришлось отбирать по жребию — так много было заявок.

— А кто из вас полетит сейчас?

— Мы с Марком точно нет, — ответила Эвелин.

— А вот мне и Оцу повезло, мы летим, — похвастался Эйдзи, а Оцу довольно улыбнулась, отчего щёлочки её глаз сузились ещё больше.

— Ух ты, а как это так совпало, что вы оба вместе?

— Потому что предпочтение отдавалось семейным парам, чтобы не плодить случайно любовные треугольники в длительном напряжённом полёте. Если по жребию выпало мне, значит, и Оцу летит со мной, дело решённое.

— Именно так, — продолжил Марк, — но некоторое количество мест было зарезервировано специально для особо выдающихся людей прошлого, чьи заслуги ни у кого не вызывают сомнений. И вдруг Эвелин рассказала мне о своей находке, то есть о тебе. И я сразу вспомнил Александра Великого.

— Так его теперь называют?

— Да. Я подумал, что он точно заслуживает быть в первой партии, если захочет.

— О, конечно, захочет! Ведь я его знаю.

— Вот видишь, вот, потому что ты его знаешь, я уговорил Эвелин возродить тебя вне очереди, а потом, вместе с тобой, и Александра. Если ты будешь не против.

— Для этого требуется моя помощь?

— Не помощь, а прямое участие. Но об этом можно уже забыть. Наш гениальный план потерпел фиаско.

— Это ещё почему? — удивилась Таис.

— Мы ужасно испугались твоей реакции, поэтому отменили всё, — ответила Эвелин. — Мы с Марком решили сосредоточиться исключительно на тебе, чтобы не думать больше ни о чём постороннем.

— Ну уж нет, погодите! Александр мне вовсе не посторонний! Я получила от вас в дар жизнь, я хочу отплатить вам благодарностью. Я буду счастлива, если Александр получит такой же подарок от меня.

— Мы не смеем тебя даже просить, — скромно ответил Марк.

— А придётся! Марк, дружочек, если я чего-то захотела, я это непременно получу, ты понял? — Таис снова посмотрела на него многообещающим взглядом, смысл которого не укрылся от других девушек. — Но только пообещайте мне потом мою Эйрену!

— Я обещаю! — торжественно отозвался Марк. — Но принуждать и просить не буду, всё только на твоё усмотрение.

— Совершенно верно, — отозвался со своего ложа Ёнг-и, — приказывать хомо имморталис не только не принято, но и бессмысленно. Всё исключительно по желанию.

— Правда, сразу должен сказать, с Александром у нас пока есть некоторые трудности, — продолжил Марк.

— Какие?

— Дело в том, что процесс возрождения состоит из двух этапов. Во-первых, нужно создать генетическую модель и вырастить тело. Подробности пока будут для тебя слишком сложны. Просто представь себе, что генетическая модель полностью описывает всего человека

— рост, цвет глаз, густоту волос. Это очень важно. Когда человек возрождается к жизни, он должен чувствовать себя в своём теле, а не в чужом. Ты вот себя как чувствуешь?

— Хорошо. Уже хорошо. Это и есть моё тело. Тебе нравится? — она снова применила запрещённый приём, чувственно проведя рукой по бедру и бросив на него один из тех взглядов, что приводят в движение сотни кораблей[16]. Оцу и Чияко прыснули от смеха, прикрыв лица руками. Марк привычно сделал вид, что ничего не заметил.

— Отлично! Значит, мы сделали всё правильно. Видишь ли, у Эвелин была генетическая память через поколения о тебе, но не хватало подробностей, существенные изъяны в модели не давали возродить тебя правильно. Поэтому ей пришлось идти к тебе первый раз, чтобы восстановить недостающее.

— Так это был первый раз, когда я её видела?

— Да.

— Но как можно одним лишь коротким взглядом запомнить все подробности? Даже лучший художник вынужден держать натурщицу перед собой часами, всё время, пока делает скульптуру.

— Ну, может, ему просто нравится натурщица, — засмеялся Марк, — я бы тоже не расставался часами. Но ты просто недооцениваешь память современных людей. Один раз увидев, мы запоминаем полностью всё, вплоть до узоров на радужке глаза.

— Невероятно! Если бы я не знала, я бы подумала, что вы нашли моё мёртвое тело и вдохнули в него жизнь. Но оно моложе, чем было!

— Верно. Мы выращиваем тело из эмбриона примерно до состояния, которое соответствует двадцати пяти годам, самый расцвет. На это у нас уходит долгих девять месяцев. После этого мы готовы, как ты говоришь, вдохнуть жизнь, ведь в твоём восстановленном теле ещё нет твоего сознания. Его нужно найти в Элизиуме, вывести его оттуда и соединить с телом. Это очень сложный и немного страшный процесс.

— Это был второй раз, когда я увидела Эвелин?

— Да. Сложность заключается в том, чтобы в этом страшном и странном месте найти нужного человека. Проще всего, если их связывают прямые родственные узы. Тогда по цепочке предков можно дойти до нужного человека. Эвелин так и сделала.

— Спасибо, родная, — от души поблагодарила Таис. Эвелин лишь улыбнулась в ответ.

— Если человек не твой родственник, но вас раньше связывала сильная эмоциональная связь, его тоже можно найти — связь никогда не прерывается, даже в Элизиуме. Я думаю, так ты сможешь найти Александра. Конечно, если связь была.

— Была, наверное, смогу.

— Хорошо. Вторая проблема заключается в том, что в Элизиуме по-настоящему страшно и легко заблудиться. Поэтому поход в туман, как мы выражаемся, всегда делают парой. Парой, крепко связанной эмоциональной связью. Проводник идёт «в туман», второй остаётся «на берегу» в качестве маяка, помогая найти выход. Я оставался «на берегу» и выводил вас с Эвелин. Поэтому у тебя два ментора. У всех вновь возрождённых по два ментора.

— Значит, между вами существует какая-то связь?

— Конечно, ведь Эва для меня тоже является ментором.

— Я возродила Марка, вместе с Егором, и мы теперь для него менторы, — вставила Эвелин, — но это другая, отдельная история.

— А у вас, — обратилась к гостям Таис, — у вас тоже по два ментора?

---

[16] — По легенде, Троянская война началась из-за Елены Прекрасной. Огромный флот отправился на войну против Трои. В связи с этим была введена шуточная мера красоты — миллихелен. Один миллихелен — это красота, достаточная, чтобы сдвинуть один корабль. Сама Елена обладала красотой в 1186 миллихеленов — именно столько греческих кораблей отплыло на войну.

— А как же, — ответил за всех Ёнг-и. — Вот меня возродили Эйдзи и Оцу, а потом мы вместе с Оцу вытащили мою Чияко.

— Очень странные вещи слышу я сейчас. Ведь души, один раз попав в царство Аида, не могут вернуться назад. Только Тесею удалось найти выход, и то только потому, что ему помог Геракл. Хотя постойте… ведь был ещё Орфей, и он пытался вывести свою Эвридику. Точно так, как вела меня Эвелин. Но у них ведь ничего не вышло.

— В этом удивительном мифе, — продолжила Эвелин, — отразились одновременно и очень смутные догадки древних людей о бессмертии души, и надежды на обретение вечной жизни. Но было ещё очень рано. Человечеству следовало накопить достаточно знаний как о природе самой души, так и о том, сохраняется ли она после физической смерти, и если да, то где.

— Неужели природа души представляет собой какую-то трудность?

— Конечно. Ведь разные философские школы и разные религии отвечали на этот вопрос по-разному. Некоторые допускали изначально ложную трактовку, например, о реинкарнации души после смерти в новые тела.

— Ну и что же здесь не так? Почему вы считаете это ложным?

— Да всё, на самом деле, очень просто. Ведь заявлялось, что после переселения душа не помнит ничего о своей прошлой жизни и не осознаёт, что уже жила ранее. Что это значит? Только то, что мы имеем дело с абсолютно новым, независимым сознанием. А душа, по их верованиям, выступает лишь в качестве сосуда, в который попало новое сознание и в котором оно было принесено в мир. Просто амфора, из которой вылили старое вино и влили новое. Или вот, для лучшего понимания есть такая аналогия: сознание вместе с памятью записывается на съёмный носитель информации — флешку. После смерти с этой флешки стирается абсолютно всё, и она бросается в один общий ящик с такими же пустыми флешками. Потом чья-то рука берёт из ящика случайную флешку и начинает записывать на неё новую личность. Имеет ли эта личность что-то общее с той, что была здесь до неё? Проще говоря, является ли новое вино, влитое в амфору, тем же, что было там до него?

— Очевидно, нет. Амфора всего лишь сосуд. Сама по себе она ничего не значит.

— Эти странные люди, верившие в реинкарнацию, сосредоточились на амфорах и флешках, в то время как нас интересовало их содержимое — собственно душа. Так как для нас душа является сплавом сознания и личной памяти. Именно это и является в человеке самым ценным. Однажды, очень давно, пришёл человек, который заявил о бессмертии души и вечной жизни. По иронии судьбы, его соплеменники не приняли его идею, их интересовали власть и деньги здесь и сейчас, что там какое-то бессмертие души потом? Но с этого момента уже началось правильное понимание души и её бессмертия. Хотя и религиозно-наивное, чистая вера. Но нас, материалистов, интересовала не вера, а в первую очередь научное доказательство, ну или хотя бы возможность доказательства существования души после смерти. Философское обоснование необходимости научных поисков было дано лишь в девятнадцатом веке.

— Почему так долго ждали?

— Это нормально, — вступил в разговор Марк, — ведь до этого вполне хватало религиозного обоснования. Но с ростом значения науки понадобилось переосмыслить эту тему. Николай Фёдоров[17] так и сделал. Из его супраморализма и развился русский космизм.

— Но ведь девятнадцатый век! Если я правильно понимаю, то до изобретения способа возрождения ещё очень далеко, наука не готова, не так ли?

---

[17] — Николай Фёдорович Фёдоров (1829–1903) — основоположник супраморализма (другое название — Философия общего дела). Эта концепция является ядром и основой Русского космизма. Основные черты супраморализма: высшая и всеобщая нравственность, долг живущих перед умершими предками, проект объединения человечества для воскрешения всех когда-либо живших людей и регуляции природы (преодоления смерти, стихийных сил и «небратского» состояния мира). Главный лозунг: «Не для себя и не для других, а со всеми и для всех».

— Всё правильно, тогда было ещё рано. Но ты пойми: философское обоснование должно предшествовать поискам. Вначале нужно понять, что же мы ищем, и поставить цель. Без чётко установленной цели нет ни поисков, ни находок. Нужно было поставить перед наукой задачу — определить принципиальную возможность восстановления души. Если таковая возможность есть, то с этим уже можно работать. И она появилась, когда мы начали изучать теорию информации. Как оказалось, информацию, полученную однажды, уже невозможно уничтожить, даже книга, брошенная в чёрную дыру, не пропадает бесследно. Душа человека есть не что иное, как очень плотный сгусток персонализированной информации, значит, после смерти он не исчезает и должен где-то сохраняться. Поиски этого места и способы его достижения заняли целые столетия, но мы уже хотя бы знали, что ищем. Когда мы возрождаем человека, мы желаем, чтобы в новое тело вернулась именно та личность, которая осознавала себя раньше. Ведь ты же чувствуешь себя той же Таис, с той же памятью и осознанием себя без перерыва?

— Да!

— Отлично! Именно этого мы и добивались.

— Но почему именно русский космизм? Почему не какой-то другой? — сейчас Таис обращалась к гостям.

— А мы не знаем, — честно ответил за всех Эйдзи, — это вопрос без ответа. Был только русский и больше никакой.

— Как вообще могла прийти в голову мысль воскрешать мёртвых?

— Потому что это несправедливо, — ответила Эвелин, — человек растёт, учится, начинает понимать мир, достигает определённых успехов, доходит до глубокого понимания мира, но вдруг общее обветшание организма прерывает этот процесс. Раз за разом прерывается человеческая мысль, успевая передать потомкам лишь крохи своей мудрости. И каждое новое поколение начинает если не с нуля, то с низкого старта. Очень обидно уходить, понимая, что не можешь передать всё, что знаешь. Поколение за поколением накопление знаний шло медленно, маленькими ступеньками, иногда откатываясь даже далеко назад.

— Если не возражаете, я продолжу, — завладел вниманием Эйдзи, — на мой взгляд, была даже ещё более серьёзная проблема: ведь знания хоть и медленно, но росли. Но вот человек уже достиг определённой зрелости, и, глядя на звёзды, начал понимать, что знания без действий бесплодны. Вселенная со всем своим многообразием далёких миров дана ему не в качестве красивой картинки. Разум — не награда, а требование. Долг носителя разума — распространять его на все миры, которые он перед собой видит. Делать всю Вселенную разумной. Всю, до последнего края. Но как это сделать, если искорки разума потухнут, не успев даже долететь до края Солнечной системы? Понимаешь, что тогда произошло? Сама смертная природа человека поставила заслон, а природа разума, наоборот, требовала дальнейшего развития. Это фундаментальное противоречие нуждалось в разрешении. Сочетание серьёзнейшего вызова и накопленных возможностей позволило однажды дать верный ответ — добиться физического бессмертия организма.

— Что значит физического бессмертия?

— То есть мы победили старение.

— Люди совсем перестали стареть? То есть вы все, вот такие, как сейчас, и никогда не стареете?

— Нет. Мы нашли способ обновлять тело быстрее, чем оно стареет. С этого момента начинается эпоха хомо иммортализ — людей бессмертных.

— И что же, человек теперь не может умереть?

— Всё ещё может, в результате несчастного случая, например. Но смерть от «естественных причин» больше не наступает, потому что организм больше не изнашивается. Странным является только то, что эти причины раньше назывались «естественными». На мой взгляд, они противоестественны.

— Но как вам удалось этого добиться?

— С помощью расширения Кольца Разума, — ответила на этот раз Эвелин как непосредственная участница событий, — когда к нему присоединилось достаточно большое количество людей, над сложными интеллектуальными проблемами работать стало в разы проще. В общем слиянии умов каждый человек вносит свой вклад.

— Погоди, Эва, но ведь у разных людей взгляды на одну и ту же проблему могут быть совершенно различные, не так ли?

— Так это же прекрасно! Ведь проблему в таком случае получается рассмотреть с самых разных, порой неожиданных сторон, и выработать наилучшее решение. Произошёл взрывной рост идей. Присоединяясь к Кольцу, мы видим в уме то, что для тебя пока сокрыто, целый огромный мир идей и мыслей всех тех людей, что на данный момент подключены к Кольцу.

— И что же, вы изучили его весь?

— Нет. Он огромен. И есть области, куда лучше не заходить, — мы не знаем, что там. Собственно, наша история как раз связана с такой областью, скрытой «за туманом» и от которой веет холодом и страхом. Все боялись подходить туда близко. Пока не произошёл несчастный случай. Ребёнок — шестилетний мальчик — забрался со своей собакой на стройку. Собака упала в котлован с водой. Он пытался её спасти и утонул. Реанимировать тело уже не удалось. Мать заметила, куда уходила душа сына, и в отчаянии бросилась за ней, несмотря на страх и холод. Отец оставался по эту сторону «тумана» и постоянно звал её. Таким образом она была первой, кто прошла в Элизиум, нашла душу сына и вернулась обратно на зов мужа. Тогда-то и решили попытаться вытащить его оттуда в новое тело, клонированное из старого биологического материала. Это был первый опыт воскрешения, и теперь эта методика принята повсеместно. Поиск души проводится парой — проводником и маяком. С того момента мы отсчитываем начало эпохи возрождения. Наш сыновний долг — возродить наших дорогих родителей, и так далее по цепочке, в глубину веков.

Эвелин остановила своё повествование, чтобы дать Таис обдумать услышанное. Некоторое время они молчали, ожидая её реакции, а Оцу и Чияко тем временем разбавили новую порцию вина и разлили по кубкам.

— Послушайте, — наконец произнесла она, — но, если люди теперь не умирают, да ещё вы возрождаете предков, значит, население планеты постоянно увеличивается?

— Ну не только планеты, — отозвался Марк, — я ведь раньше рассказывал тебе, что мы живём по всей нашей Солнечной системе. Мы научились создавать пригодные для жизни условия на орбитальных станциях и крупных базах на других планетах. Пространство для расширения всё ещё есть, соседние планеты ещё освоены далеко не полностью. Но нам следует думать и о далёком будущем. Теперь, с обретением бессмертия, горизонты планирования отодвинулись сильно далеко вперёд. Это и есть ещё одна причина для Первой Межзвёздной Экспедиции.

— А как скоро она должна состояться?

— Через пять лет.

— Вы думаете, мы успеем возродить Александра?

На этом вопросе Марк и Эвелин замялись и немного замешкались с ответом. Наконец, Эвелин продолжила:

— Возродить успеем. Но этого мало — надо, чтобы он успел пройти обучение и инициацию в Кольце Разума. Стал бы бессмертным. Это обязательное условие.

— С этим у нас есть некоторые трудности, — добавил Марк.

— Почему? Вы же сами сказали, что два года достаточно.

— Да, если возрождать человека в родном теле. Как тебя, из образа генетической памяти. Или взять генетический материал из останков бывшего тела. Иначе придётся использовать так называемый нулевой клон. То есть взять образ тела человека, похожего на него, и внести необ-

ходимые правки. И всё равно не угадаем. Человек будет чувствовать себя скованным чужим телом. Это отразится на внимательности и увеличит время обучения. Мы можем не успеть.

— А мне вот не мешало, — отозвался Эйдзи.

— Тебе, может, и не мешало, а мне было бы очень неудобно, — возразил Ёнг-и, — я, знаешь ли, как-то привык к своему телу. Оно мне как родное, — закончил он под всеобщий смех.

— Александр — воин, его тело было его инструментом, это важно, — продолжил Марк, — идеальным выходом из положения было бы найти его захоронение…

— Но оно в Александрии! Я видела! Я знаю где.

— Увы, Александрия сильно изменилась с тех пор. Ты её не узнаешь. Той шикарной гробницы, что возвёл для Александра Птолемей Сотер, больше не существует.

— Как же так, — растерялась Таис, — неужели никто не знает, где покоится его саркофаг?

— Никто, — ответила Эвелин, — в этом и проблема. Его следы затерялись в толще веков. Но не отчаивайся! Мы что-нибудь придумаем!

Эвелин попыталась придать оптимизма своим словам, но Таис всё же уловила в её голосе нотки неуверенности.

— А на симпосиях принято петь и танцевать? — как бы невзначай поинтересовался Ёнг-и. — А то я всё жду, когда же девочки покажут нам свои умения, а вы всё о философии да о душе. Моя душа жаждет эстетического наслаждения!

— Не смею заставлять твою душу томиться в ожидании! — ответила Таис. — Я вижу здесь старинный музыкальный инструмент. Наверное, он не просто так принесён на наше собрание?

Долго уговаривать не пришлось, и девушки приступили к своим выступлениям: Оцу танцевала, а Чияко сопровождала её танец на сямисэне. Затем они поменялись ролями. Таис наблюдала за ними с большим интересом, ведь и музыка была для неё новой, и такого танца раньше она не видела. Про себя она заметила, что танец хоть и был чарующе плавным, но технически несложным, и она могла бы с лёгкостью его повторить. Значит, подумала она, хотя бы в этом виде искусства у неё отставания нет. Она ещё не знала, что судьба уже приготовила ей серьёзный вызов и испытание.

— А теперь попросим дорогую хозяйку дома показать свои умения. Эвелин, прошу.

— Я, пожалуй, откажусь. Танцевать я, конечно, умею, но меня больше привлекает акробатика.

— Может, продемонстрируешь?

— Да легко, — ответила Эвелин, подтянула руками подол платья и внезапно, словно спущенная стрела, рванулась к свободной стене, отскочив от пола, сделала несколько шагов по стене и там, почти под потолком, оттолкнулась с прогибом, и, приземлившись на ноги, выполнила ещё одно сальто назад, очутившись на том самом месте, с которого начинала.

— Простите, немного сфальшивила, это всё вино виновато, — оправдывалась она.

— Браво! — захлопал в ладоши Ёнг-и, будучи настоящим ценителем подобных умений. Марк лишь улыбнулся, отлично зная о талантах своей подруги.

Всё случилось настолько быстро, что Таис не успела ни испугаться, ни сообразить что-либо. Некоторое время понадобилось ей, чтобы, постояв в молчании с раскрытым ртом, пройти все эти стадии.

— Это как?! — наконец выпалила она. — Клянусь богами, никогда раньше я такого не видела! Как ты это сделала?

— Это техника управления телом, которая доступна только современным людям. Тут, кроме ускоренной реакции и улучшенной координации, применяется способ взрывного высвобождения энергии. После преображения ты тоже будешь так уметь.

— А покажи ещё!

— Ну уж нет, теперь твоя очередь.

— Девочки, если кто-то из вас мне сыграет, я постараюсь подстроиться под темп и покажу настоящий танец афинской гетеры, — попросила она и вышла на середину комнаты. К этому времени былая сила и ловкость практически полностью вернулись к ней, боли в мышцах прошли, суставы «притёрлись», и она чувствовала себя снова молодой девушкой, как в лучшие годы своей юности. Таис с удовольствием занялась своим любимым делом. Танец — это её стихия, её жизнь. Таис в полной мере использовала вновь обретённую гибкость своего тела, демонстрируя восхитительные повороты, женственные движения бёдер, взмахи рук и изящные изгибы запястий. Не забывая при этом о томных взглядах в сторону гостей, особенно одного из них. Гости с интересом наблюдали за ней, иногда охая, то ли от восторга, то ли от удивления.

— Марк, только попробуй сказать, что тебе не понравилось! — заявила она, когда закончился танец.

— Что ты! Наоборот, — ответила за него Эвелин, — это было очень артистично и э-э-э…

— Соблазнительно, — продолжил Марк.

Таис просияла.

— Но ты даже не аплодировал, Марк, — не отставала она.

— Очень неудобно аплодировать, лёжа на боку, — оправдывался Марк, — в следующий раз возьмём кресла, я настаиваю.

— Просто Марк не любит танцы, — ответила за него Эвелин, — и никогда не любил.

— Да как же такое возможно? — искренне удивилась Таис, а гости засмеялись.

— Да вот так. Я всегда думал, что танцы — это не мужское занятие. У меня были другие интересы: я занимался борьбой, потом карате, и всегда считал, что это именно самое правильное занятие для любого парня, — в этом месте Ёнг-и одобрительно кивнул. — Позже, уже в военном училище, один мой приятель сказал: «Слушай, Марк, вот ты получал синяки и ссадины в вонючем от пота зале. А я в это время под красивую музыку танцую с приятно пахнущими молодыми барышнями. Ну и кто же из нас, по-твоему, занимался настоящим мужским делом?»

Присутствующие дамы взорвались весёлым смехом. Марк тоже улыбнулся и продолжил:

— Ну да, это был весомый повод задуматься. Но в армии заниматься танцами было некогда и не с кем. Так и не сложилось.

— А что такое военное училище, Марк?

— Это такой гимнасий для воинов-командиров.

— Командиров? Так ты был стратегом? Фалангитом или конным[18]?

— Э-э-э, стратегом, пожалуй, нет. Да и коней у нас уже не было. Я был вначале десантником, а потом разведчиком специального назначения. Там кони были не нужны — сблизиться с противником помогал самолёт, ну это такая небесная колесница, на которой мы сюда прилетели, только ещё больше. А дальше нужно было всего лишь выпрыгнуть из самолёта и опуститься на землю на парашюте.

— Как это выпрыгнуть? Прямо в небе? — Таис аж съёжилась от страха.

— Ну я же сказал — с парашютом. Мы тут забегаем сильно вперёд, но, чтобы было понятно, вспомни про Дедала и Икара с их крыльями.

— Так это же всего лишь миф!

— Воплощать мифы — это наше призвание. Неважно, главное, что парашют был безопаснее, чем крылья Икара: можно было приземлиться, не опалив крыльев солнцем. А вот дальше начиналось самое трудное — мы сами превращались во вьючных лошадей, закидывая

[18] — Фалангиты — воины, сражавшиеся в строю фаланги. Их главным оружием было длинное копьё — сарисса. Гетайры — элитная македонская кавалерия, «товарищи царя» и его ближайшие боевые спутники.

на спину тяжёлый рюкзак и беря в руки оружие. Пять минут — Икар, всё остальное время — лошадь. Так что нет, конным гетайром я не был, — улыбнулся Марк. — А кофе на симпосиях подают?

На улице уже стемнело, в комнату проникал свежий воздух из настежь раскрытых на террасу дверей, привнося запахи цветов и свежей хвои, а симпосий продолжался своим чередом. Лились песни, вино и разговоры, а приглушённый свет добавлял уюта. Наконец, гости встали и, сердечно поблагодарив хозяйку вечера, разошлись по своим квартирам, довольные новым знакомством.

* * *

Позже, уже лёжа в постели с выключенным светом, девушки непринуждённо болтали, обмениваясь мыслями и впечатлениями. Таис часто задавала самые сокровенные вопросы перед сном, которые стеснялась спрашивать при Марке, пока Эвелин наконец не заставляла её спать.

— Эва, как ты думаешь, нам хватит времени для Александра? Ты же многих возродила, у тебя богатый опыт.

— Слушай, Таис, тебе не обязательно заниматься с Александром, никто не принуждает, да и мы больше не просим. Мало ли что мы хотели вначале? Мы были чересчур самоуверенны.

— Нет, Эва, я своих решений не меняю. Это я не вам обещала, а себе и ему. Он бы очень этого хотел. Считай, что моё решение и ваши желания теперь совпали.

— Ты хочешь полететь вместе с ним? Это можно устроить.

— Нет. Теперь уже нет. То, что разбилось тридцать три столетия назад, уже никак не склеить, — Эвелин отчётливо ощутила в голосе Таис нотки грусти и принятия, — у меня теперь своя жизнь, у него будет своя. Но она точно будет — я постараюсь.

— Вот что меня в тебе больше всего восхищает, так это твоя настойчивость и решимость. Мы с Марком поможем тебе во всём, можешь даже не сомневаться.

— Кстати, о Марке: я когда впервые вас увидела, решила, что вы боги. Потом подумала, что вы супруги, но и это не так. Что же связывает тебя с ним, если вы не родственники? Он и раньше казался мне немного таким, ну, как бы это сказать, загадочным. И чем больше я узнаю о нём подробностей, тем более интересным он для меня выглядит.

— О, неужели ты влюбилась? Хороший выбор, поздравляю!

— Ну Эва! Что ты начинаешь? Я просто спросила. Что, уже и спросить нельзя?

— Да я пошутила, извини. Не надо сейчас ни в кого влюбляться — у тебя много работы впереди. Потом как-нибудь. Да, между нами нет прямых родственных связей, всё верно.

— Но вы возродили его. Почему?

— Из-за того, что он в первой жизни был холостяком и не оставил детей, поэтому некому было его возродить.

— Я думала, только дети могут это делать.

— Не обязательно. Вот как с тобой, например. Но для тебя я хотя бы продолжательница рода по прямой линии, а что делать тем, кто не оставил потомство? Причины могут быть самые разные. Нельзя допустить, чтобы они прозябали вечно в Элизиуме.

— Ах вот как! Но при чём же здесь ты?

— Марк был одним из двенадцати героев операции «Эриния», и единственным погибшим. Я всегда восхищалась этой историей, и мне было очень обидно, что один из участников погиб в самом конце. Так нелепо и неожиданно. Я твёрдо решила возродить его, когда появилась такая возможность; Егор был не против. Ну, он всегда не против, если я чего-то твёрдо желаю. Правда, это потребовало довольно много времени и усилий. Родственников нет. Пришлось искать в архивах любые сведения о нём, причём большинство сведений были раньше засекречены. С большим трудом нашлось место, где была раньше его могила, и удалось найти немного биологического материала. Для воссоздания тела это был несомненный успех.

Столько усилий нам пришлось приложить ради него, так что для нас с Егором он почти как сын. Непослушный, временами и вредный, ну, ты уже заметила, да? Но что ж поделаешь, приходится любить его таким, какой он есть.

— А что это за операция «Эриния»?

— Ой, про это спросишь у самого Марка. Он, как непосредственный участник, лучше расскажет. Если захочет.

— А почему он не женился?

— Привередливый, потому что. На Земле миллиарды девушек, ни одна его не устраивает. Ему, видите ли, подавай какую-то исключительную, богиню, не меньше.

— Ничего себе запросы! Кто же будет в силах очаровать такого взыскательного ценителя женской красоты?

— Ой, я даже не знаю. Ну, очень надеюсь, что кто-то, какая-то невообразимо женственная и мудрая прелестница всё-таки сможет, — с явным намёком произнесла Эвелин.

— Ты думаешь…

— Я думаю, что нам спать пора. Завтра, всё завтра.

Глава 3

Однако назавтра Таис забыла, о чём хотела спросить, так как после письма Эвелин повела её на экскурсию по дому. Начали они с самой верхней смотровой площадки, над которой была устроена лётная палуба. Диковинные воздушные колесницы то и дело приземлялись и отчаливали с неё, высаживая и забирая людей. С этой огромной высоты можно было бы увидеть весь город, если бы он был размерами такой же, как Афины. Но этому городу не было видно конца.

— Посмотри вниз, Таис: вот эта сплошная зелёная полоса между домами и есть дорога, ведущая к центру города. Центр находится в той стороне, — показала она рукой.

Теперь Таис заметила, что дома располагались не хаотично, а рядами вдоль дороги. Сама же дорога казалась зелёной из-за широких крон деревьев по обе стороны. Присмотревшись к домам, она вдруг поняла, что ни один из них не похож на другой. Основание их дома было круглым, дом рядом с ними был треугольный в плане, дом напротив напоминал у основания четырёхконечную звезду, причём этажи, поднимаясь, закручивались по спирали. Общим было лишь то, что основание было очень широким, постепенно сужаясь кверху, где на каждом доме располагалась такая же посадочная площадка, как у них.

— Такие улицы-лучи расходятся от центра во все стороны. А если ты посмотришь вон туда, на противоположную от улицы сторону, то увидишь лес.

И правда, с другой стороны было довольно широкое лесистое пространство, из которого местами выделялись голубые пятна прудов. За этой широкой полосой леса был виден другой ряд домов, образующих соседнюю, но довольно далёкую от них улицу.

— Это что же, достаточно выйти из дома, и я сразу попаду в лес?

— Да, вначале в ухоженную парковую зону, но дальше от центра она переходит в почти дикую природу. Такие природные клинья идут вдоль улиц и доходят почти до центра города. В нашем городе центр старый, там сохранилась древняя тысячелетняя застройка. Почти в каждом старом городе есть такая.

— Как же это сильно отличается от тех городов, где я раньше бывала!

— Конечно, отличается. У нас появились новые возможности и возникла острая необходимость разместить гораздо больше людей, чем в ваших старых городах. Общее планирование позволяет нам возводить города так, чтобы большое число людей могло жить вместе, не уничтожая природу вокруг. Высотные дома-башни — самое правильное решение для этого. В каждом из них живут тысячи людей, это больше, чем в любом древнем городе, ну кроме самых крупных.

— Но как же построить такой дом? Это же, наверное, очень долго? Построить дом в Афинах можно было всего за месяц. Ну большой дом за три месяца. Вот на дворец уже требовались годы. Сколько же заняла постройка такого дома?

— Тоже годы. Два или три, я не помню. Но ведь и служить они будут долго. Наш дом рассчитан на тысячу лет до первого ремонта. А там посмотрим.

— На целую тысячу?!

— Всего на тысячу. Не забывай, бессмертному человечеству следует планировать намного дальше вперёд, чем ты привыкла. Вероятно, нам очень скоро надоест ремонтировать дома каждую тысячу лет, придётся придумывать новые решения.

Таис слушала, понимая умом, что Эвелин права. Но всё же какое-то чувство нереальности происходящего её не покидало. Как она ни силилась, но привыкнуть к вечному бессмертию у неё всё ещё не получалось.

— Ладно, пойдём вниз. Квартиры ты уже видела. Все жилые помещения выходят на террасу. Глубже располагаются гостевые комнаты.

Эвелин завела её в одну из пустующих гостевых комнат, которая на вид не отличалась от их спальни, только в ней не было личных вещей.

— Как же это глубже, а вот же окно на улицу? — удивилась она.

— Это фальшокно, ненастоящее. Просто изображение с улицы выводится и сюда. И даже свежий воздух будет, если его открыть. Только за ним экран, а не реальная улица. Пойдём дальше.

Даже обычная прогулка по коридорам дома производила впечатление. Высокие скатные потолки и стрельчатые арки создавали ощущение объёма и устремлённости вверх. Стены зачастую были весьма искусно расписаны, причём в каждом отдельном коридоре был свой стиль, который не повторялся. Только одними стенами Таис готова была любоваться долго, так что Эвелин пришлось тянуть её за руку.

— Кто всё это нарисовал?

— Жильцы.

— Такая работа, должно быть, стоит очень дорого.

— Это если нанимать каких-то мастеров. А если мы сами делаем, то это не стоит нисколько. Это же просто творчество ради удовольствия. Не хочешь — не делай. Но обычно желающих больше, чем стен, приходится устраивать конкурсы.

— А откуда столько желающих?

— Люди хотят украшать пространство вокруг себя, это нормально, разве нет?

— Ну не знаю, не замечала такого в своё время.

— Брось, разве не у вас все площади были украшены дивными скульптурами? Зачем было бы тратить на это усилия, если бы людям не нравилось? Пойдём ниже, к грузовым лифтам.

Ниже они увидели роботов за работой. В сортировочном зале роботы-грузчики выгружали из лифта коробки с припасами, а роботы-курьеры развозили их по квартирам.

— А кто ими командует? — спросила Таис, глядя на маленькие грузовички, бойко разъезжающиеся, каждый в свою сторону.

— Никто. Они запрограммированы делать свою работу раз и навсегда. Вот они её и делают. Человеку не надо вмешиваться. Лишь изредка проверять, что всё работает, как задумано, роботы исправны и вовремя проходят обслуживание.

— Запрограм… Что это за слово такое? Его даже произнести трудно.

— Ну как бы тебе сказать: через особый ритуал люди вкладывают в роботов необходимое поведение, и они повинуются, строго следуя предписанию.

— Вы накладываете на них чары повиновения?

— Ну пусть так, да. Хотя Марк сказал бы, что нет. Впрочем, он расскажет тебе об этом позже.

— А что они развозят?

— Продукты, иногда одежду.

— А кто же покупает их на рынке и привозит сюда?

— На рынке? — удивилась Эвелин. — Ах да, ты же ещё не знаешь, что рынков сейчас нет.

— Откуда же берутся продукты?

— Ты же не думаешь, что даже и в твоё время продукты сами по себе появлялись на рынках? Это был результат труда крестьян, а сегодня это продукт деятельности роботизированных ферм. Зачем же везти их на рынок, где они будут портиться под солнцем? Их сразу доставляют на сортировочные базы и оттуда развозят по домам, ещё свежими.

— А кому же вы платите за них? На рынке-то всё понятно.

— Зачем платить? Забудь про деньги, их нет.

— Как же без денег? Как же без них торговать?

— Там, где нет торговли, нет надобности и в деньгах. Деньги были временным решением в те эпохи, когда надо было обменять свои товары, которых у тебя избыток, на что-то, чего у тебя нет, заплатив при этом перевозчику — торговцу, который сам, в свою очередь, рискует быть ограбленным разбойниками. Сейчас, когда любой продукт производится в избытке, пути доставки давно налажены, а разбойников нет и в помине, надобность в такой странной деятельности, как торговля, отпала сама собой.

Представь себе человечество, как огромный, но единый организм, здоровье которого зависит от своевременной доставки питательных веществ по тончайшим капиллярам до самой дальней клетки. Это всё давно придумано и организовано в нашем обществе. Следить нужно лишь за тем, чтобы все эти крупные и мелкие капилляры работали без сбоев, ибо дискомфорт в одном месте отдаётся на здоровье всего организма.

— А как роботы знают, сколько продуктов нужно?

— Мы же знаем, сколько людей живёт в каждом доме.

— Ну а если я хочу оливки, например, а никто в доме их не ест. Сколько же их привезут?

— Сколько ты сама закажешь. Вернее, сейчас мы тебе заказываем. Любой продукт, какой захочешь.

— Ну а если не закажу?

— То будет приходить усреднённый набор по твоим старым предпочтениям.

— А если я вдруг захотела нечто, что не заказывала? Финики, например.

— То возьмёшь с домового склада, там всегда есть запас на такие случаи.

— А если я поеду к подруге, в другой дом или даже город?

— Ничего страшного, просто напишешь, где будешь сегодня ужинать. Твои продукты доставят туда с местной базы.

— Ну а если я вот передумала и остановилась у другой подруги? — не унималась Таис.

— Ох, какая ты ветреная и непостоянная! Ну получишь из домового резерва. В дом всегда привозят примерно на пятнадцать процентов больше заказанного. На случай вот таких вот ветреных подруг.

— Так это же перерасход!

— Нет. Это изобилие. Невостребованные продукты не пропадают. Позже они уходят на переработку в удобрения. Это даже потерями не считается.

— Я смотрю, всё у вас продумано, — сдалась, наконец, любознательная эллинка.

— Не у «вас», а у «нас». Не забывай — ты тоже часть нас. Хотя, допускаю, что есть ещё что-то непродуманное. Ты вот, например, с ходу вон сколько вариантов придумала.

— Ну, это то, что сразу в голову пришло.

— Ну вот, если ещё что-то такое придёт, что мы упустили, то ты и придумай решение.

— Как я? Почему я? — растерялась Таис.

— А кто же? У нас не принято жаловаться и перекладывать работу на других. Если видишь — что-то не так, то займись решением проблемы. Помощники всегда найдутся.

— Но я не умею…

— Потом, когда научишься. Пойдём на этажи ниже.

Ещё ниже этажи дома расширялись, и здесь уже хватало места для учебных классов. Ниже находились танцевальные и музыкальные залы, в которые они не заходили, чтобы не мешать занятиям, как сказала Эвелин. Ещё ниже уже хватило места для полноценного концертного зала, сегодня пустого. А под залом располагался тот самый бассейн, в который они уже ходили плавать ранее.

Наконец они добрались до подвала, где никаких жилых помещений больше не было. В нескольких залах были расположены какие-то приборы, с виду однотипные, но отличавшиеся размерами, от длинного ряда небольших до пары довольно крупных.

— Это атомные станки. Они выполняют ту же работу, что и ремесленники в твои времена.

И действительно, несколько роботов-курьеров ездили между рядами станков, доставая из них различные предметы и увозя их к грузовому лифту. В одном случае это был кухонный нож, в другом пара бокалов, а третий робот достал и потащил стул.

— Это что же, любой предмет можно сделать в этом шкафчике? А где же сидит ремесленник? — Таис попыталась заглянуть через смотровое стекло, сильно сомневаясь, что ремесленник с инструментами может поместиться в таком маленьком шкафу, но ничего, кроме чёрной пустоты, там не увидела.

Эвелин улыбнулась на мгновение — иногда её забавляла такая почти детская непосредственность и наивность, но хотелось видеть уже больше зрелости. Хотя она и понимала — раз уж они с Марком взялись за такую трудную задачу, то придётся запастись приличной долей терпения.

— Нет там никаких ремесленников, дорогая. Станок — это такой же робот, бездушный механизм. Человеку нужно лишь приказать ему что-нибудь сделать.

— А как он знает, какой стул я хочу? Низенький, высокий или идеальный стул Сократа?

— Чертёж нужен. Ты должна дать ему чертёж, и он сделает всё в точности, как там записано.

— Это что же, и целую колесницу здесь можно сделать?

— Нет, это же домашний цех. Здесь делается всё, что необходимо людям в быту. Глупо было бы заказывать простой стул где-нибудь на большой фабрике. Там производятся только крупные вещи общественного пользования.

— А вот платье, например, тоже тут?

— Вот как раз хотела тебе показать, — они дошли до двери в следующий цех, — здесь располагаются ткацкие станки. Здесь же было изготовлено и твоё платье.

Они подошли к одному из работающих станков, похожему на большой шкаф. Там, за смотровым окном, висело наполовину готовое бело-голубое платье. Сотни тоненьких нитей шли откуда-то снизу, собираясь в одно устройство, быстро бегавшее по кругу, добавляя к платью строчка за строчкой, так, что оно росло прямо на глазах. Белые и голубые нити чередовались, образуя на ткани готовый сложный узор. Не в силах оторвать взгляд, Таис любовалась как чёткой работой удивительной машины, так и красотой появляющегося на глазах платья.

— Таис! — наконец позвала её Эвелин, пару раз громко хлопнув в ладоши. — Это всё интересно, но пойдём уже, вернёмся к нашим занятиям.

— А тут тоже нужен чертёж?

— Да, но тут всё проще. Я тебе потом покажу.

— Это был самый нижний этаж? — уже подходя к лифту, спросила Таис.

— Нет, ниже ещё находятся очистные сооружения, станция водоснабжения и энергетическое ядро. Но туда мы сегодня не пойдём, тебе пока не хватит знаний, чтобы разобраться в устройстве.

— Сколько же людей нужно, чтобы управлять таким домом? Он же по размерам как огромный город.

— Ну не огромный, так, средненький по вашим меркам. Один.

— Что один?

— Один человек нужен, чтобы этим управлять.

— Не может быть!

— Как видишь, здесь всё автоматизировано. Сложности с точной настройкой возникают только вначале, в момент заселения дома. Тогда все новосёлы совместно участвуют в решении проблем. А сейчас, через сотню лет, нужно лишь следить, чтобы всё работало исправно. С этим

вполне справится один человек. Но если ты считаешь, что где-то что-то работает не так, ты вполне можешь предложить ему свою помощь в решении проблемы.

— Нет-нет, я так не считаю!

— Точно? Ну ладно, тогда пойдём, нас ждёт русский язык.

* * *

После занятий языком Марк повёл её снова во внутренние пространства дома, в учебные классы. Домашнего учебного проектора стало теперь не хватать. Пока они изучали производство бронзы, в нём вполне можно было визуализировать работу небольшой тигельной печи. Но сейчас дело дошло до добычи железа, в учебных классах было место и для сыродутных печей, и для первой примитивной кузницы. Раньше Таис вовсе не задумывалась, сколько усилий приходилось предпринимать ремесленникам, чтобы добыть и произвести самые простые предметы из железа. Просто она знала, что где-то кто-то это добывает, как-то обрабатывает и потом на рынке появляются предметы из железа. Скучно, не о чем говорить. И только сейчас, когда Марк рассказывал и показывал, подробно останавливаясь на каждом процессе, она вдруг нашла это довольно увлекательным.

— Видишь, Таис, мы прошли по полному циклу, и вот имеем на выходе вот такой симпатичный меч, — Марк держал в руках великолепный образец древней спаты. Вернее, его визуальную модель.

— Хоть я и понимаю теперь, как это всё происходит, но всё равно в этом есть нечто магическое. Вот у нас груда совершенно непримечательных камней и угля, и вот что из этой груды в итоге получилось. Такая красота. А почему ты выбрал меч, а не подкову, например? Это потому, что все мальчики любят мечи? Я угадала?

— Очень близко, но нет, — улыбнулся Марк, — я люблю мечи, спору нет. Но подкова требует меньше усилий. Меч предъявляет самые высокие требования к производству, поэтому нам пришлось рассмотреть все известные тогда методы обработки, с подковой не так интересно. Думаю, кузнец, который мог изготовить такое оружие, должен был испытывать настоящую гордость за своё изделие.

— Я бы, наверное, тоже испытывала.

— А вот завтра и проверим.

— В каком смысле?

— Завтра изготовишь такой меч.

— Я? Сама?

— Я буду рядом, не бойся.

— А зачем? Вот ты мне уже всё показал, будем считать, что я запомнила. А зачем мне это уметь? Я же не буду делать мечи?

— И не надо, это самое простое, тем более что они больше не нужны. Тут дело в другом, — Марк положил меч на наковальню и присел рядом, — видишь, это всё вокруг, всё, что в этой комнате, в этом доме, да и сам дом и вокруг него, всё это сделано людьми. У нас нет специальных людей, предназначенных только для одной работы. Ну как у вас вот были кузнецы отдельно, пахари отдельно, моряки отдельно. У нас каждый умеет всё. Может построить дом или корабль. Не прямо вот здесь и сейчас, просто если понадобится, то мне нужно очень немного времени, чтобы вспомнить или овладеть любой специальностью.

— Для чего? Разве нельзя нанять специальных людей для этого?

— Нельзя, потому что другие люди от тебя не зависят, ты не можешь никого заставить что-то делать для себя. Но и ты тоже никак от них не зависишь. Поэтому если ты хочешь что-то сделать, ты должна сделать это сама. Если для большого проекта требуется участие большого количества людей, то тебе не придётся искать специально обученных мастеровых. Тебе нужно будет лишь поискать любых людей, кто этим заинтересуется. Поэтому мы так подробно будем

изучать всё от начала и до самого последнего технологического уклада, атомного. Но там всё просто. Особенно, если знаешь, что ему предшествовало.

— Атомного? Это те станки, что мне показывала Эвелин?

— Вероятно, да. Вот там в углу стоит один такой, — показал Марк рукой.

В углу действительно стоял один из тех станков, которые она уже видела в цеху, самый маленький из всех.

— Хочешь увидеть, как он работает?

— О, да! Покажи, пожалуйста.

Они подошли к станку, Марк открыл панель управления и начал своё объяснение:

— Сюда, внизу, загружаются материалы, самые простые химические элементы. Тут панель управления, куда можно загрузить готовый чертёж или прямо здесь создать новый. Давай создадим что-нибудь простое. Возьмём, например, один из самых простых и распространённых элементов — углерод. Дальше выстроим его в простейшую кристаллическую решётку, а форму, ну форму какую-нибудь тоже не очень сложную. Вроде готово. Теперь нужно только запустить процесс, — Марк нажал кнопку старта.

Станок тихо зашумел, но в черноте смотрового окна почти ничего не было видно.

— Тут почти не видно, потому что предмет будет маленький, — продолжил объяснение Марк, — станок просто берёт нужный химический элемент и наносит его на основу, слой за слоем, атом за атомом, согласно нашему чертежу и закону распределения атомов в нём. Сложные чертежи содержат множество атомов и законов распределения, так что получиться может вообще любой предмет. Мы выбрали в качестве закона кристаллическую решётку. Если бы мы выбрали другое расположение атомов, то предмет получился бы совсем не тот, что нам нужен. А получилось у нас вот что, — на этих словах станок просигнализировал о завершении работы, и Марк нажал кнопку открытия.

Верхняя крышка станка открылась, и наружу выехала подставка с готовым изделием. Предмет был действительно маленький, и Таис наклонилась, чтобы его рассмотреть, и вдруг ахнула от удивления и восторга.

— О боги! Да это же бриллиант! Марк, это же бриллиант! Смотри!

— Я знаю.

— Ты так говоришь, как будто это не алмаз, а что-то совсем простое!

— Это и есть простое. Простой химический элемент, простая кристаллическая решётка и простая огранка.

— Он настоящий?

— Конечно. Можешь взять его, — Марк достал алмаз и вложил его ей в ладонь.

Таис выбежала на центр зала, где было светлее, и крутила бриллиант на ладони, любуясь игрой света.

— Это что же получается, ты можешь сделать сколько угодно алмазов? Ты можешь стать самым богатым на Земле?

— Именно потому, что бриллианты может сделать любой человек, в любом количестве, они больше не считаются предметом роскоши. Сейчас вообще нет таких предметов. Теперь это просто красивый бриллиант. Он ценен сам по себе, просто из-за своей красоты, не из-за стоимости. Это самый простой предмет, с которого начинают все новички, поэтому ты увидишь их повсеместно в качестве украшения. Надо же куда-то девать учебные материалы.

— Можно я возьму его себе? — Таис даже немного испугалась такой дерзкой просьбы — предмет хоть и был маленький сам по себе, но для алмаза он был довольно крупным. Да за такой бриллиант в её время запросто могли убить.

— У меня есть идея получше: давай я вмонтирую его в навершие твоей ручки, так он всегда будет с тобой.

— Давай! — Таис немедленно согласилась.

Марк вложил ручку и алмаз обратно в станок, установил нужную программу и запустил его. Через пару минут из него выехала ручка с уже вмонтированным бриллиантом. Теперь её любимая ручка нравилась ей ещё больше.

— Только обещай, что не будешь отвлекаться на уроках, а то Эвелин меня убьёт. Ну не убьёт, конечно, но покалечит. Да шучу я, не пугайся. Пусть этот бриллиант будет тебе напоминанием, какой путь тебе следует пройти, какого кристально чистого совершенства достичь.

— Я пройду! Я достигну! — пообещала Таис, любуясь своим бриллиантом на своей ручке.

— Вот ты молодец! Я и не сомневаюсь. Пойдём домой?

— Да, пойдём. Слушай, — по пути к лифту Таис продолжила засыпать его вопросами, — атомный станок выглядит очень просто, но ведь есть какая-то обратная сторона этой простоты?

— Конечно. Это не просто напыление атомов, это особый процесс, когда каждый атом, вылетающий из дюзы, получает своё место в детали и занимает строго только его. Тут требуются специальные знания об устройстве элементарных частиц и способах управления ими. Но, кроме этого, атомный технологический процесс довольно энергоёмкий.

— Выходит, чтобы изготовить предмет обычным способом с механической обработкой деталей, нужно затратить меньше энергии?

— Да. Но это только на первый взгляд. Потому что если представить всю технологическую цепочку до конечного изделия, то получается, что нужно построить огромное множество заводов и прочих производств со своими специфическими станками. А ведь эта цепочка заводов нужна лишь для изготовления одного этого конечного предмета, причём если необходимо немного изменить предмет, то придётся перестраивать всю технологическую цепочку. Вся масса станков на этих заводах сама по себе не имеет никакой ценности и служит лишь для промежуточной обработки того, что нам нужно. Получается, что мы заменили всё это одним лишь атомным станком. Вернее, первым элементом идёт перерабатывающий завод, который из сырья производит ёмкости с простыми веществами или простейшими стабильными соединениями. Эти ёмкости и загружаются в атомный станок. Пусть он потребляет больше энергии, но он изготавливает абсолютно весь спектр предметов, причём с точностью, недостижимой для предыдущих технологий. А некоторые вещи и вовсе нельзя было раньше изготовить.

— Погоди, ты говоришь — любой предмет? Это значит, и еду можно изготовить? Сыр, например.

— Ну ты палку-то не перегибай! Изготавливать еду можно, но это уже какое-то баловство, честное слово! Чем тогда на фермах заниматься?

— Ах да, фермы. Но я их ещё не видела!

— Позже. Позже увидишь. А нам как раз пора приниматься за еду, — они уже почти пришли домой, — уверяю, она не из станка, она с настоящей фермы.

* * *

На следующий день, когда она держала в руках готовый, отполированный почти до зеркального блеска меч, её и вправду распирала гордость за отлично выполненную работу. И пусть это был виртуальный меч, и молот с механическим приводом, выбивавший шлаки из раскалённого железа, тоже был виртуальный, но управляла она им сама, и жар, исходящий от виртуального горна, и брызги окалины, касавшиеся открытых участков рук, были почти настоящими, и она их чувствовала, благо, они не оставляли ожогов на теле.

— Смотри, Марк, я его сделала! — с неприкрытым восторгом в голосе она показывала свою работу ментору.

— Конечно, сделала, я же тебе обещал.

— А можно я отнесу его показать Эвелин?

— Ну нет, это же учебный виртуальный предмет, он исчезнет, едва ты покинешь комнату. Давай лучше, я сделаю тебе его голографическую копию. Вот её ты сможешь отнести.

— Давай!

Марк быстро изготовил копию и вручил её Таис, нетерпеливо переступавшей с ноги на ногу.

— Да беги уже, я тут сам всё уберу.

И она помчалась по коридорам к лифту, пока он остался приводить учебный класс в начальное состояние. Быстро приведя всё в порядок, он отправился домой. Эвелин дома не было, эллинка пока так и не смогла похвастаться. В ожидании её Таис, очевидно, решила не терять времени и занялась своим любимым делом. Тихо войдя в комнату незамеченным, Марк застал её танцующей перед большим окном на террасу. Сама себе подпевала она какой-то древний гимн:

Вот запевает лотоса трость,
Нежным напевом, звонко сребристым, нас подзывая.
Вот и кифар звон золотой,
Громким бряцанием знак подаёт, и мы начинаем.
Вспоём же на лад аттический,
Гимн наш любимому сыну могучего Зевса,
Великому Фебу, носителю света…

Медленно лилась простая древняя мелодия. Негромкий голос звучал не в полную силу, но его чарующие, приятные звуки заставили его остановиться. Он опёрся плечом о косяк двери, сложив руки на груди, и с удовольствием наблюдал за танцем. Медленно, в такт песне, двигалась эллинка. Её стан изгибался, демонстрируя прекрасную пластику. Руки то поднимались вверх, то опускались вниз, иногда синхронно, чаще поочерёдно, завершали эти движения плавные взмахи гибких запястий. На очередном изгибе стройного тела сделала она полный разворот и вдруг увидела Марка.

— Ой! Ты меня напугал.

— Извини, не хотел.

— Ты всегда так тихо входишь?

— Само так получается. Но ты не останавливайся, продолжай.

— А тебе разве понравилось, как я пою?

— Почему бы и нет?

— Я потому спрашиваю, что я, наверное, уже слишком сильно отстала и современные песни звучат совсем не так. Музыка, которую вы мне давали послушать, очень сильно отличается в лучшую сторону.

Марк задумался. Действительно, они включали ей музыку, но пока только для одиночных инструментов, дозированно добавляя что-то новое и избегая пока симфонических сочинений. Всему своё время, сразу вывалить на неё то, к чему она не готова, было бы слишком опрометчивым шагом. Но, может быть, уже пришло время? Рано или поздно, но ей придётся выйти из искусственного кокона их квартиры в большой мир, где есть любая музыка и любое искусство. Можно рискнуть, если что-то пойдёт не так, он надеялся с помощью Эвелин справиться с ситуацией.

— Ну что же, если ты хочешь…

— Да, хочу, — твёрдо ответила Таис.

— Хорошо. Садись, пожалуйста, я включу тебе современную песню.

Они сели, и Марк включил проектор. Свет в комнате почти погас, и зазвучала дивная мелодия в исполнении незнакомых инструментов. В центре комнаты мягкий свет выхватил из темноты очертания певицы. Она была небольшого роста, примерно как сама Таис. Русые прямые волосы струились до плеч, обрамляя правильные черты светлого лица. Внешность её была далека от эллинской, но всё же Таис не могла не отметить красоту этой маленькой певицы с очень выразительными большими глазами и пухлыми губами. Почти вся она была задрапиро-

вана в кожу — кожаные сапоги и кожаный длинный плащ, очень непривычно, ведь эллинка привыкла, что в её время артистки вовсе не стремились скрывать свою телесную красоту. Чуть позже она поняла, зачем так поступила маленькая певица. Слова незнакомого, мелодичного языка присоединились к оркестру, и Таис отметила необычайную силу и чистоту голоса. Он в точности следовал за мелодией. Нет, он сам формировал эту красивую мелодию! Голос звучал настолько сильно, что легко перекрывал собой звуки оркестра, который был едва слышен теперь где-то на фоне, лишь обозначая ритм песни. Таис не понимала ни единого слова этой чарующей песни, но ей казалось, что речь в ней идёт о поисках и ожидании, расставании и надежде, обещании скорой встречи. О чём же ещё может петь настолько восхитительный голос? Он обволакивал её, звал за собой, проникал внутрь, освещая самые дальние уголки души. Ей казалось, что этот голос, которому вполне мог бы позавидовать даже Орфей, силой своей мог бы пробудить к жизни даже древние каменные статуи. Ничего подобного никогда в жизни она не слышала, полностью отдавшись на волю великолепного голоса и следуя за мелодией. Глядя на маленькую певицу, Таис никак не могла понять, откуда берётся эта сила? Казалось, певица не прилагает никаких особых усилий, но, глядя на неё, Таис видела уже не маленькую женщину, а воплощение настоящей красоты, скрыть которую не в силах был даже глухой кожаный плащ. Голос её усилился ещё больше, когда зазвучала последняя, самая сильная нота. Никто в её время не мог так долго и так сильно петь. Но внезапно маленькая певица резко сменила высоту, и голос звучал дальше! Таис аж привстала в восхищении — великолепное, просто восхитительное завершение песни! Но, к её удивлению, это было вовсе не завершение, а лишь приготовление к завершению — финальный куплет зазвучал настолько мощно, певица сейчас превзошла самые смелые ожидания Таис, казалось, она превзошла даже саму себя. Оркестра уже было не слышно вовсе, только чистейший голос невообразимой красоты, который исходил, как казалось эллинке, непонятно откуда — не может человек так петь! И вот уже прозвучали действительно последние звуки этой чарующей песни, и тихий, едва слышный вздох маленькой певицы дал понять о её окончании.

Таис сама не помнила, когда, в какой момент она вскочила с места, она стояла, широко раскрыв глаза, немигающим взором глядя в то место, где только что исчезла маленькая певица. Проектор выключился, свет постепенно усилился, и только лишь тогда она смогла, повернувшись к Марку, выдавить:

— Как такое возможно? Кто это? Она, должно быть, богиня?

— Нет, она не богиня, она человек. Такой же, как ты и я.

— Милостивые боги! Я никогда не слышала Орфея, но я уверена — даже он не смог бы так спеть! Кто же она?

— Это Лаура, и она гений.

— Гений? Это что-то даймоническое[19]?

— Нет. Гениями мы называем людей, которые силой своего таланта побуждают других становиться лучше. Ты ведь что-то испытала, да? Скажи мне.

— Да! Я хочу быть как она! Я хочу петь так же!

— Ну вот видишь, значит, повлияло и на тебя. Но почему непременно так же? Существует множество стилей пения, существуют разные голоса. Вовсе не обязательно, что твой голос подходит именно для такого стиля.

— Ну Марк! Я уж теперь просто так не успокоюсь! А она может меня научить? А с ней можно как-то встретиться?

— Ну, учитывая, что она невероятно популярна, встречи с ней добиваются миллионы людей. Но мы что-нибудь придумаем. Обещаю.

---

[19] — Слово «гений» в греческом контексте соответствует понятию «даймон» — духу-покровителю, который мог быть личным или семейным.

— Марк, пожалуйста, пожалуйста!

— Я же сказал — обещаю. Но тут такое дело, Лаура поёт на тринадцати языках, но греческого и койне она не знает. Так что, если хочешь с ней пообщаться, будь любезна — налегай на русский язык.

— Тринадцать! Ого. Но ты меня недооцениваешь, Марк. Я, может, и не говорю ещё как на родном языке, но понимаю я абсолютно всё.

— Прости, ты права. Твои успехи нас очень радуют.

Глава 4

За неделю прогресс действительно продвинулся очень существенно. Таис уже бегло говорила по-русски, хотя ещё и не владела всей полнотой лексики. Ещё был довольно заметный акцент, который Эвелин стремилась убрать полностью. Хотя Марк находил этот акцент милым и был не против так и оставить, впрочем, Эвелин его мнение по этому поводу, видимо, не заинтересовало.

В один из дней, а была это суббота, Таис, как обычно после завтрака приготовившись к занятиям, вышла на террасу полюбоваться городом и заодно своим бриллиантом в лучах восходящего солнца и мимоходом заметила, как хорошо и приятно сегодня на улице. И правда, погода для уходящего лета стояла очень комфортная, не слишком жарко, редкие пушистые облака лишь иногда закрывали солнечный диск, слабый ветерок приятно обдувал кожу.

— Вот бы прогуляться по городу, я ведь ещё так и не была там, внизу.

— Да, неплохо было бы, — заметила Эвелин, стоя рядом и заложив руки за спину, — говоришь ты уже хорошо, тело твоё вполне окрепло для длительных прогулок, всякие технические новшества уже не будут казаться тебе колдовством или происками демонов.

— Погода отличная. Почему бы не сегодня?

Подруги переглянулись.

— Пойдём переодеваться. Только давай закажем тебе новое платье для городских прогулок. И обувь, тебе нужна удобная обувь для улицы.

Марк переоделся в светлые брюки и белую тенниску и вышел в гостиную, ожидая увидеть собранных девушек. Но они всё ещё крутились перед примерочным зеркалом в одном нижнем белье. В зеркале они отражались уже в готовых платьях, примеряя разные фасоны, меняя цвета и стили.

— Так вы ещё не готовы?

— Мы скоро, полчасика подожди, — ответила Эвелин.

— Один только станок будет шить платье полчаса, а вы даже ещё не выбрали.

— Марк, не видишь, мы заняты серьёзным делом. Не мешай, сходи, сделай что-нибудь полезное.

— Ой, ладно. Как будете готовы — заберёте меня из спортзала, — с этими словами Марк удалился.

Девушки справились довольно быстро — минут за двадцать был готов эскиз лёгкого, белого с розовым платья, к нему выбрали подходящие прогулочные туфли, и Эвелин отправила чертёж на изготовление.

— Через полчаса привезут. А пока давай сделаем тебе причёску.

Эвелин очень нравились вьющиеся локоны у Таис, которая и сама считала их вполне подходящими для себя. Высокую причёску Эвелин закрепила розовой лентой. И едва она с этим справилась, робот привёз платье и туфли.

— О, как раз вовремя. Одевайся и пойдём забирать Марка.

Платье пришлось как раз впору. Таис в очередной раз удивилась, как так получается, на что Эвелин резонно возразила, что они же всё примеряли перед заказом, конечно, оно должно полностью подходить. Наконец, переодевшись, они были уже совсем готовы и пошли в спортзал за Марком.

Эвелин точно знала, в каком из залов его искать. Они направились в секцию рукопашного боя и, действительно, там они и застали Марка. Он как раз вёл учебный бой с роботом. Противником его был андроид примерно такого же роста и комплекции, но с непривычно фиолетовой искусственной кожей.

— Марк, мы готовы, заканчивай.

— Ага, сейчас, — быстро бросил Марк, но этого было достаточно, чтобы робот заметил уязвимость и решил атаковать. Он сделал быстрый подшаг и ударил ногой с разворота. Удар пришёлся в живот, и Марк едва успел напрячь мышцы. Мышечный щит принял на себя силу удара и распределил её по площади, предохраняя внутренние органы, но Марк всё равно отлетел назад на пару метров и упал на колени.

— Ох! — Таис, испугавшись, поднесла руки к лицу. — Зачем же ты его отвлекла? Он же поранится.

— Если отвлёкся, значит, сам виноват, — возразила Эвелин, — ничего с ним не станется.

Так и есть. Хотя удар такой силы и мог бы покалечить любого человека её эпохи, но на Марка он не произвёл видимого действия. Он быстро вскочил на ноги и резко выдохнул. Но робот и не собирался останавливаться. Видя, что человек находится в невыгодном положении, он продолжил свою атаку. Ещё двойной подшаг и прямой удар ногой. Правда, в этот раз он пришёлся в пустоту — Марк сделал шаг в сторону и ударил подъёмом стопы по опорной ноге робота. Тот не удержался на ногах и неловко грохнулся на пол. Таис решила, что он уже не встанет, никто бы не встал после такого. Но титановые кости робота не ломались. Он быстро вскочил на ноги и показал, что готов продолжать бой. Они провели ещё пару серий, при этом робот нападал, а Марк контратаковал после защиты. Робот пытался применять различные техники, но в этот раз Марк уже не отвлекался, и каждая атака робота натыкалась либо на блок, либо на встречный удар. Робот раз за разом оказывался поверженным на полу, но снова вскакивал и атаковал. Таис никогда ещё не видела такой скорости и мощи, молниеносные и очень точные движения её ментора поражали, ещё более неожиданными они выглядели с учётом его довольно крупной комплекции. Таис даже начала испытывать гордость за своего учителя, ведь даже спартанцы, лучшие воины Эллады, не могли бы двигаться так быстро, нанося при этом столь сокрушительные удары, как это делал Марк.

Наконец, Марк знаком показал, что бой окончен, и робот, поклонившись, ушёл к стене, на место для диагностики и подзарядки. Там уже стояли в один ряд подобные роботы разных весовых категорий, но все фиолетового цвета.

— Я скоро, — крикнул Марк и побежал в душ и переодеваться.

— А почему они фиолетовые? — странный цвет роботов не давал покоя Таис.

— Чтобы явно отличаться от людей. Люди ведь бывают разные, бледные, загорелые, коричневые, даже чёрные. Фиолетовых не бывает, поэтому роботы-тренеры всегда фиолетовые.

— Хм, а зачем им отличаться?

— Потому что у нас так принято, нельзя делать роботов, похожих на человека. В нашем доме ты видела разных, в виде тележек, грузчиков, на гусеницах, на четырёх лапах или колёсах, и ни один из них не напоминает человека. Более того, шестилапых в домах тоже нет, эти напоминают инсектов, а их в доме быть не должно. Здесь, для занятий спортом, нам пришлось сделать роботов-андроидов, просто потому что рукопашный бой по-другому изучать не получится. Вот их и покрасили в фиолетовый, чтоб отличались. Людей нельзя вводить в заблуждение, если ты смотришь на нечто, ты должна с первого взгляда безошибочно понять, робот это или человек.

— И что же, ни разу не делали роботов, похожих на людей?

— Когда-то давно делали, причём стремились добиться полного сходства. Но я же говорю — это было очень давно, в те времена какой только ерундой люди не занимались. Впору было называть тот период эпохой безумия. О, а вот и Марк.

Действительно, пока они говорили, Марк успел и помыться, и переодеться. И теперь он выглядел свежо, если бы не синяки, выглядывавшие из-под рукавов.

— Вот опять ты весь в ссадинах, и это перед выходом в город, — отчитала его Эвелин.

— Не сердись, ну немножко синяков, никто почти и не заметит.

— Конечно, если мы будем только слепых встречать. Ну ведь знаешь же, что я такого не одобряю.

— Эва, ну не злись. Просто мы всегда заняты, всё как-то не было времени. Пойдёмте уже, мои красавицы, — Марк схватил их под руки и потащил к лифту.

Выйдя из лифта, они прошли по мозаичному полу просторного и высокого вестибюля к парадному выходу, где над входными дверями красовался высокий разноцветный витраж. В очередной раз Таис удивилась и восхитилась красотой, которая её окружала. Такое шикарное убранство подошло бы, скорее, какому-нибудь царскому дворцу, а это был всего лишь обычный жилой дом. Даже не так — в царских дворцах обстановка должна была всеми силами подчёркивать богатство и роскошь, отчего изобиловала большим количеством золотых, серебряных деталей, мрамора и заморских диковин. Выглядело это всё чаще всего вычурно и аляповато. В этом же доме царствовала гармония, выдержанная в едином стиле. Но, похоже, все жильцы уже привыкли и не обращали на неё внимания, только одна Таис медленно шла по вестибюлю, разглядывая стены и потолок широко раскрытыми глазами.

И вот они вышли на солнечную улицу. Дорожка от дома к аллее, что вела к центру города, проходила между клумбами, причудливо украшенными цветами. Уже прямо здесь Таис захотела остановиться и рассмотреть всё разнообразие разноцветных бутонов, но Эвелин потащила её за руку дальше. По пути они поздоровались с девушкой, управлявшей роботом, перемещавшимся между рядами цветов и обрезавшим увядшие соцветия.

Наконец они вышли на аллею, где афинянку поразила удивительная чистота. Она живо вспомнила родные Афины, где о чистоте улиц можно было даже и не мечтать, зато здесь серо-коричневое полотно дороги вело между рядами больших деревьев, чьи кроны почти смыкались сверху, образуя приятную тень в солнечный день. Никаких лошадей и колесниц — люди гуляли по этой аллее только пешком. По соседней полосе, отделённой рядом деревьев, промчался юноша на странном устройстве с двумя колёсами. Следом за ним так же быстро проехала девушка. Проехала или прошла? Таис никак не могла понять, ведь стояла она на ногах, но перемещалась при этом очень быстро. «На роликах», — объяснила ей Эвелин.

— А почему нет никого на лошадях или на колесницах?

— А зачем? Если надо добраться куда-то далеко, то быстрее всего будет долететь. Здесь люди просто гуляют на небольшие расстояния. И вообще, мы не используем лошадей.

— Жаль. Мне нравилось ездить верхом, — заметила эллинка.

— Ну лошади всё ещё есть. Если просто для развлечения, то это можно устроить. Но не здесь, не в городе, — успокоил её Марк.

Справа и слева от дороги, в промежутках между домами, они замечали дворики, отделённые друг от друга живыми изгородями. В одном дворике была устроена маленькая сцена, как в театре, на которой несколько человек репетировали будущее представление. Дальше был дворик побольше, на котором хозяева выгуливали собак довольно разнообразных и причудливых пород. В одном из дворов на большом столе стоял макет соседнего дома, и несколько жильцов что-то живо обсуждали, делясь расчётами и передвигая внутренние коммуникации на модели. Видимо, пока они не пришли к единому мнению, никакой расчёт их не устраивал, и они углубились в размышления дальше. Следующий двор был побольше и дополнительно ограждён сеткой. В нём две команды играли в какую-то незнакомую игру с мячом, перебрасывая его через сетку.

Довольно часто им встречались на пути фонтаны, то справа, то слева от основной дороги. Самых разных форм и конструкций.

— Вы тратите много драгоценной воды. Такое расточительство! — указала Таис на очередной фонтан, с силой выбрасывающий струи воды высоко вверх.

— Никакое не расточительство, — возразила Эвелин.

— Я понимаю, это у вас, в Афинах, вода ценилась очень высоко, — присоединился к ней Марк, — но сейчас это не расточительство, а необходимость — в большом городе нужно поддерживать приятный для жизни климат, в том числе и влажность.

— Но ведь воду надо добыть и привезти! — не сдавалась афинянка.

— Добыть воду можно разными способами, да хоть из самой атмосферы. Это вообще не проблема, просто вопрос наличия доступной энергии.

«Просто вопрос наличия доступной энергии» — подобную фразу Таис потом слышала очень часто от Марка, объяснившего ей впоследствии, что проблем с недостатком энергии принципиально не существует, ведь они научились получать её по примеру самого Солнца.

— Держите! Хватайте её! — вдруг послышалось, когда они подходили к подъезду следующего дома. Голос принадлежал молодой девушке, которая бежала от дома в направлении улицы, но за живой изгородью была видна только её голова и плечи. А вот кого следовало хватать, было совершенно непонятно, и они остановились, ожидая прояснения ситуации.

— Хватайте разбойницу! — ещё раз скомандовала девушка, и тут, наконец, они поняли, кого следует ловить — разбойница выбежала из-за угла живой изгороди и помчалась к ним навстречу.

Разбойницей была совсем маленькая девочка в коротком платьице, не старше трёх лет. Не замечая ничего в азарте погони, она вдруг уткнулась в ноги Таис и от неожиданности отступила на шаг. Она бы непременно упала, но Эвелин успела подхватить её на руки.

— Попалась! Как тебя зовут, разбойница? — сурово сдвинув брови, приступила к допросу Эвелин.

— Отпусти! Я хочу к ней! — маленькая заёрзала и показала пальцем на Таис. Но вырваться из крепких, опытных объятий Эвелин было не так-то просто.

— Мириам её зовут, — молодая мамочка наконец их настигла, — а я Ольга. Только отвернулась, нагреть витаминный суп, а она уже в дверь. Не хочет есть суп, — пожаловалась она.

— Привет, Ольга. А ты, Мириам, почему не ешь суп? — снова сурово спросила Эвелин. Правда, суровость эта была настолько наиграна, что даже маленькая Мириам ей не поверила.

— Отпусти, я хочу к ней на ручки, — снова показала она пальцем на Таис.

— Тебе нравится Таис?

— Да! На ручки!

— Таис такая красивая, потому что тоже ела витаминный суп.

— А я не люблю!

— Не выдумывай. Все любят витаминный суп, — вступила в игру эллинка.

— Таис сейчас занята очень важным делом, а мы с тобой пойдём кушать, а потом будем играть. Я знаю одну очень интересную игру, — Эвелин кивнула Ольге и потащила Мириам в дом.

— Эва, ждём тебя к ужину, — только и успел крикнуть ей в спину Марк.

— Это что же, она не вернётся? — удивилась Таис.

— Вечером только. Эвелин обожает детей. Это что-то иррациональное, — видно, что Марк не понимал и не очень это одобрял, — как только увидит детей, так сразу теряет волю. Возится с ними, сюсюкается. Она знает, что может целиком доверить тебя мне, вот и покинула нас.

— Так почему бы ей не заиметь своих детей?

— У неё есть. Мальчик и девочка. Мальчику двести двадцать лет, девочке вроде бы сто девяносто, если я не ошибаюсь.

— Ого!

— Просто понимаешь, дети растут быстро. Самый нежный возраст проходит, не успеешь глазом моргнуть, и вот они уже взрослые и самостоятельные. Такие серьёзные — и не подходи!

Вот она и возится с чужими, кого поймает. Будь уверена — теперь она часто будет пропадать у Ольги и Мириам. Раньше она игралась с внуком, Димкой, пока он не пошёл в школу. Это сын её дочки, Марины. Тут ведь у нас как, пока дети маленькие, они живут в городах с родителями. Тут куча родственников, бабушки, дедушки. Тут же можно найти таких же маленьких детей, они вместе играют днём в специальных детских садиках. В шесть лет пора начинать обучение в школе. Школы вынесены из города, это такие большие учебные комплексы, где дети учатся и живут вместе со своими родителями и учителями. Мы располагаем школы в местах с самым благоприятным климатом, чтобы дети росли здоровыми. Вот и Димка сейчас в школе, с мамой, папой и дедушкой Егором.

— И как долго они там учатся?

— Примерно лет до двадцати пяти. Нет чёткого срока. Взрослые, их родители и учителя решают, когда они готовы.

— А зачем родителям быть там?

— Родители участвуют в обучении, выступая в роли ассистентов учителей и непосредственных наставников своих же детей. От учителя зависит многое. Хороший учитель — это настоящая находка. Вот Егор очень хороший учитель, поэтому он сейчас в школе. Однако во время обучения у ребёнка не должно оставаться никаких неясных вопросов, именно за это отвечают родители. Да и просто побыть со своим ребёнком, пока он взрослеет, это должно быть приятно для родителей, — последнюю фразу Марк произнёс не слишком уверенно, ведь из своего опыта он этого не знал.

— Так выходит, что всё это время родители ничем не занимаются, кроме своих детей? Не слишком ли расточительная трата времени?

— Ты не поняла, — Марк был настолько серьёзен, что даже остановился на мгновение, — воспитание нового члена общества, нашего нового товарища, с которым нам всем идти в будущее, это очень серьёзная задача. На мой взгляд, это самая серьёзная задача, на которую не жалко никаких усилий. Поэтому мы относимся к школе максимально ответственно.

Таис вначале удивилась такому объяснению, потом, хорошо поразмыслив, поняла, что ничего удивительного в этом нет и всё в высшей степени целесообразно. Удивительно было лишь то, что в прежние времена так думали не все и не всегда.

Тем временем они прошли уже половину пути к центру города. Здесь дома были всё ещё такие же высокие, но дальше было видно, что они постепенно уменьшаются. Внезапно инком Марка мигнул оранжевым цветом. Марк открыл сообщение, быстро глянул в него и потащил Таис за руку, куда-то в сторону.

— Пойдём, кому-то нужна помощь. Мы ближе всех.

Они подошли к неприметной кабинке лифта на обочине дороги и спустились вниз, под поверхность земли. Выйдя из лифта, они оказались в большом тоннеле, освещённом цепочкой ламп под потолком. Таис даже не догадывалась, что под городом скрывается целая сеть таких широких тоннелей, по которым движутся огромные механизмы. Язык не поворачивался назвать их колесницами, они были во много раз больше, и без лошадей.

— Это грузовики. Самоходные машины, которые развозят припасы по домам. В каждом доме в подвале есть погрузочно-разгрузочный док, вот там они причаливают и разгружаются. Их специально упрятали под землю, чтобы они не мешали людям. У одного из них как раз сейчас возникла проблема, поможем.

Отойдя немного в сторону от лифта, они увидели аварийный карман, в котором стоял один такой грузовик, а рядом с ним парень, пытавшийся его починить.

— Привет! Я Марк, а это Таис, — представил их Марк, — нужна помощь?

— Привет! Я Игорь. Хорошо, что вы рядом были. Этот грузовик подал аварийный сигнал. Я дежурный по транспорту на этом участке сегодня. Примчался на место, думал, быстро

починю, но пока не выходит. Пока я буду разбираться, вызови, пожалуйста, резервный грузовик, грузы не доставлены ещё.

— Понял! Занимайся тут, мы сейчас всё сделаем.

Марк подключил свой инком к сети грузовика и через неё к транспортной сети.

— Смотри, — объяснял он Таис свои действия настолько просто, чтобы она могла понять, — сейчас мы вызовем резервный грузовик, надеюсь, он недалеко отсюда. А потом перегрузим на него контейнер.

Резервный грузовик прибыл примерно через пять минут и пристыковался прямо сразу за аварийным. Он был точно такой же, но за кабиной было пусто. Марк отдал команду на перегрузку, и контейнер с аварийного переехал на новый грузовик, Марку осталось лишь перенести накладную и отправить его на маршрут. Грузовик медленно отъехал назад и, вывернув большие толстые колёса, выехал на дорогу. Через пару мгновений он скрылся за поворотом тоннеля.

— Игорь, мы закончили. Что у тебя?

— Заклинило тормоза на среднем мосту. Была опасность возгорания. На месте не получается починить. Я сейчас подниму средний мост и поеду на рембазу. А у вас как?

— Ну, будет опоздание груза минут на двадцать девять.

— М-да. Нехорошо. Впрочем, не смертельно.

— Что, неужели настолько всё плохо? — Таис удивилась упоминанию смертельной опасности.

— Нет, Игорь шутит, — успокоил её Марк.

— Вновь возрождённая? — понял Игорь. — Не переживай, просто у нас точность имеет значение. Сегодня этот грузовик выбил поставки в дом из графика. Большинство даже не заметит, но так быть не должно, верно ведь? Гуляете?

— Да, первый выход в город сегодня.

— Тогда приятной вам прогулки и спасибо вам за помощь! Марк, пока! Таис, рад встрече и приятно было познакомиться! Кстати, очень красивое платье!

Они снова дошли до лифта и поднялись на поверхность, к солнцу.

— Очень приятный молодой человек, этот Игорь. И такой внимательный. Единственный, кто сделал мне сегодня комплимент.

— О боги! Неужели я забыл? Обещаю непременно сегодня реабилитироваться, моя богиня!

— Ты уж постарайся, — вслух произнесла Таис, а про себя подумала: «Моя богиня! Это хороший знак».

Сейчас она уже обращала внимание больше на людей, а не на здания, которых она увидела уже достаточно. И люди показались ей даже более интересными. Что её больше всего удивило, так это разнообразие одеяний. Если с мужчинами всё было более или менее одинаково, как правило, брюки или шорты и рубашки-безрукавки на летнюю погоду, то по женщинам невозможно было понять, какая сейчас мода. Она не смогла увидеть двух похожих платьев, одинаковых фасонов или расцветок.

— Почему всё так отличается? Разве нет единого стиля?

— А зачем он? Сейчас нет понятия моды как таковой. Одевайся, как хочешь. Единственное пожелание — это должно быть красиво. Что само по себе подразумевает также удобство.

— Ну нет же. Может быть красиво, но неудобно.

— Ха! Тогда это называется другим словом — нелепость.

Тем временем они уже вошли в район, где высотных домов не было вовсе. Зато местные дома были хоть и маленькие, но расположены вплотную друг к другу. Изменилась даже дорога под ногами, в какой-то момент они уже шли по брусчатке. Таис показалось, что даже люди здесь изменились.

— Не удивляйся. Мы вошли в исторический центр. Тут очень старые дома, некоторым больше тысячи лет. Мы специально оставляем такие районы. Везёт тому городу, у которого есть такой исторический центр, есть чем похвастаться. Можно посмотреть, как жили люди в давние времена. Или даже можно вспомнить свою молодость, многие вновь возрождённые ведь и жили в таких районах.

Тем временем они оставили по левую руку странное большое сооружение с блестящими золотыми куполами на самом верху и вошли в район, где ряд домов, прилепленных друг к другу, выглядел как украшенные разноцветным кремом тортики.

— А здесь люди тоже живут?

— Да. Тут тоже можно поселиться. Но есть ряд условий. Здесь нельзя переделывать дома, можно только восстанавливать в первоначальном облике. Здесь нет лётных палуб на домах, вместо них установили причальные башни, — Марк показал на одну такую. Это была очень высокая стрела, на которую через равные промежутки были нанизаны широкие круглые площадки. С них взлетали и на них садились городские челноки, а лифты в центральной части доставляли людей наверх, к площадкам, и вниз, на землю.

— А люди, здесь живущие, и сами зачастую входят в роль и одеваются по моде прошлых времён. Тогда район и вовсе кажется пришедшим из прошлого.

Они ещё немного побродили по району, посворачивали в узкие улочки. Хотя на самом деле это теперь они казались узкими, но по сравнению с Афинами они были очень даже широкими. Вскоре они вышли на площадь, за которой никаких домов уже видно не было, за невысокими кустарниками и редким рядом деревьев было видно голубое, изредка украшенное белыми облаками небо.

— Ну что, устала? — спросил Марк.

— Вовсе нет! — попыталась возразить Таис.

— Ну не обманывай, мы гуляем уже больше пяти часов, — мягко упрекнул её ментор.

— Ах, ну да, есть немного, — всё-таки согласилась она.

— Тогда пойдём, сделаем перерыв, — и он повёл её через площадь. Пройдя под зелёными арками из плетущихся растений, они оказались на небольшой площадке, и Таис ахнула, настолько шикарный вид открывался отсюда. Эта площадка располагалась на краю очень высокого берега, тянущегося вдоль широкой реки. А на противоположном, более низком берегу был виден город. Он так же начинался у реки районом из маленьких домов и продолжался дальше, сколько можно было видеть, такими же домами-башнями, как тот, в котором жили и они.

Марк усадил её за столик возле самого края площадки, у ограждения.

— Я закажу тебе мороженое, будешь?

— Ага, давай! — Таис почти не обратила внимания на его слова. Она уселась на стул и облокотилась на ограждение. Отсюда было видно всё, как внизу, на реке, так и дальше, на той стороне города.

Робот уже привёз мороженое, а Таис всё так же сидела, зачарованно рассматривая окрестности во всех деталях. Справа внизу снова виднелись странные здания с куполами из золота. Ещё дальше виднелась огромная статуя, напоминающая Колосса, видимо, местный маяк. На реке была масса кораблей разных размеров и совершенно диковинных форм. А ещё были совсем уж маленькие лодки, а ещё люди каким-то образом перемещались на совсем маленьких досках, причём очень быстро перемещались.

— А где же вёсла? Как они гребут?

— Подводными гребными винтами, водомётами, да ещё масса всяких способов, вместо вёсел, — улыбнулся Марк, — бери мороженое, не то оно скоро растает, будет невкусно.

— Хорошо-хорошо! — отвечала эллинка, не поворачиваясь и продолжая наблюдать за рекой.

— Понравилась река?

— Да!

— Скажи, а что на сегодняшней прогулке показалось тебе наиболее интересным?

— Люди! — Таис повернулась, наконец, к нему и уселась поудобней, принимаясь за мороженое.

— Правда? А почему?

— Как же ты не понимаешь?

— Объясни.

— Мы сегодня видели огромное количество людей. Они все разные. По-разному одеваются, разные причёски. Но они же все молодые! На вид каждому двадцать пять, максимум тридцать лет. Редко я видела мужчину, по которому можно было бы сказать, что ему уже сильно за тридцать, правда, выглядит он при этом очень энергично. Ни одного мужчины с большим животом, что было бы вполне нормально в моём городе для вельмож или богатеев. Ни одной старой или толстой женщины. И все женщины, которых мы сегодня видели, очень симпатичные. Ладно, про некоторых можно было бы сказать, что они не красавицы, но при этом довольно милые и приятные. Как им так удаётся?

— Ну мы же тебе говорили, что современный человек может управлять своим телом полностью. Чтобы понять все процессы нашего тела, нам пришлось привлечь всю мощь науки. Потом большое количество энтузиастов пыталось разными способами понять, как с этим можно работать и как им управлять, и в конце концов мы научились вначале чувствовать своё тело, затем управлять даже такими процессами, которые раньше были нам недоступны. Например, частотой сердечного ритма или температурой тела. Теперь, регулируя температуру, можно не бояться сильных холодов и не страдать от невыносимой жары.

— Почему, если это всё возможно, люди не могли пользоваться этим раньше?

— Природой намеренно были установлены предохранители внутри нас. Пока мы не умеем и не знаем, лучше не лезть туда, где можно всё сломать. Например, если вмешаться в естественный процесс дыхания и перевести его из безусловного рефлекса в условный, человек не сможет дышать ночью, когда сознание его спит и управлять дыханием больше не может. Человек начнёт задыхаться. Вынужденная бессонница и невозможность дышать во сне могут довести несчастного до смерти. Вот во избежание таких печальных случаев природа ограничила наше умение управлять телом. Это всё равно, как если бы, не зная ничего об электричестве, попытаться отремонтировать промышленный генератор на ходу. В лучшем случае он сгорит, в худшем — убьёт тебя. Поэтому мы приступим к твоему обучению по управлению телом очень осторожно. Но не переживай, Эвелин разбирается в этом как никто, она уже многих научила.

— Так, а что же даёт такое умение? Ну вот я научилась управлять сердцем, что дальше?

— О, нет, это был просто пример. А теперь представь, что ты можешь управлять ростом и обменом веществ в твоих клетках. Ты можешь ускорить или замедлить процессы. Ты можешь заставить свои клетки обновиться, так что на следующий день ты будешь моложе, чем была вчера.

— А, это тот самый способ физического бессмертия!

— Именно. Кушай мороженое, а то оно почти растаяло. Мы постоянно такие, как сейчас, никто не стареет. Это происходит во сне, даёшь телу команду на обновление и ложишься спать. Но и это ещё не всё. Можно изменять внешность, установив себе в качестве образца желаемый образ. Происходит это довольно медленно, несколько месяцев или больше. Но так получается устранять недостатки в своём облике, которые тебе раньше не нравились. Я сейчас не про тебя говорю! У тебя внешность не имеет недостатков, я про других женщин.

— Так уж и не имеет? — посмотрела она на него одним из тех взглядов, которые заставляют мужчин совершать глупости или геройства.

— Я имел в виду… Ну, это… Я хотел сказать, — Марк теперь заметно покраснел, — не перебивай, ладно? — вышел он из положения.

— Ладно, — легко согласилась Таис, удовлетворённая результатом, и зачерпнула мороженое ложечкой.

— В общем и целом вот так и получается: некрасивых нет. Если у барышни был нос картошкой или раздвоенная губа, или слишком густые и непослушные брови, это небольшой недостаток, который убирается за пару месяцев. Помнишь, мы рассказывали тебе про нулевой клон, если вдруг понадобится воссоздать тело человека неточно, без биологического материала?

— Да, это же для Александра может понадобиться?

— Именно. Вот в этом случае после перехода в хомо иммортализ человек сам изменяет своё тело на привычное ему, такое, как было в первой жизни. Но на это требуется время, порой аж до одного года. Вот почему важно добыть биологический материал. Это потеря времени.

— Теперь ясно. А вот ещё что! Я вот только что подумала: ведь мы за всю прогулку не видели ни одного калеки, инвалида, попрошайки. В Афинах они были ну почти на каждом шагу.

— Да где же им взяться, — искренне удивился Марк, — после тяжёлой аварии, даже если человек потерял руку или ногу, он может вырастить её, ну примерно, месяцев за девять, полностью. Когда мы тебе говорили, что тебе пока нельзя в космос, мы это и имели в виду. Там, без земной атмосферы, которая нас защищает здесь, человек подвергается постоянному радиационному облучению. Маленькие частицы, и даже части атомов пронзают тело человека, разбивая клетки и структуру ДНК. За один день ничего не заметишь, но если ты находишься там долго или пролетаешь через области с высокой радиацией, то повреждения становятся необратимы, вызывая мучительную болезнь. Мы не собираемся подвергать тебя такой опасности. Зато нам это ничем не грозит, за один сеанс сна мы полностью восстанавливаем всё то, что успела разрушить радиация.

— Здорово! — искренне восхитилась Таис. — Слушай, а я вот подумала. Сейчас… подожди, я попробую задать вопрос правильно. Если рецепт бессмертия настолько простой, понятный и логичный, почему природа, когда создавала человека, не вложила ему это умение сразу? Вот, я сформулировала это.

— Я думаю, в этом был свой, довольно мудрый замысел. Нельзя давать дар, который не ценится. Нельзя давать бессмертие дикарям. Им просто незачем будет стараться. Лишь только пройдя через горе и лишения, люди поняли, что именно они хотят получить. Они начали ценить это ещё задолго до того, как обрели. И лишь после длительной и тяжелейшей истории лишений, после массы невероятных усилий, после поисков, разочарований и непрекращающихся попыток мы приобрели то, что больше нельзя назвать даром. Теперь это Приз. Величайший и самый драгоценный приз. Мы его обрели по праву, и теперь мы предлагаем его всем вновь возрождённым.

Таис молча ковыряла ложечкой в вазочке с мороженым, глядя куда-то вдаль, через вазочку, через Марка. Такая мысль никогда не приходила ей в голову. Теперь уже по-другому взглянула она на своих любимых олимпийских богов. Они ведь получили своё бессмертие сразу. Стали ли они мудры после этого? Вспоминая все похождения олимпийцев, неуёмную похоть Зевса, мстительность Аполлона, злобу и завистливость Геры и остальных богов, их постоянные мелочные интриги и дрязги, отдуваться за которые зачастую приходилось смертным людям, ответ приходил сам собой. Нет, нельзя этих назвать ни мудрыми, ни великими, ни справедливыми. Ужасно мелочными и недостойными казались они сейчас, в сравнении с этими людьми, рядом с которыми теперь жила Таис. В сравнении со вчерашними смертными, силой своей несгибаемой воли ставшими бессмертными. Таис прощалась сейчас со всеми ранее почитаемыми ею богами, они ей больше были не нужны.

— Слушай, ну мороженое совсем уж растаяло. Оно теперь невкусное. Давай, я закажу лучше молочный коктейль. И себе тоже, обожаю молочные коктейли, — Марк открыл электронное меню и заказал два коктейля.

Таис смотрела, как в киоске открылось окошко, робот взял их заказ и, погрузив на свою тележку, двинулся к ним. Вдруг что-то необычное привлекло её взор, что-то, что никак не гармонировало с тихой красотой этого места.

— Марк, что это? — в её голосе послышался испуг, удивление и даже страх. Она кивнула куда-то в сторону, и Марк увидел их — дряхлая старуха подходила к дальнему от них столику. Она была вполне прилично одета и выглядела благополучно и ухоженно, но всё же это была старуха. Её вели под руки двое молодых людей, парень и девушка, видимо, её родственники, может быть, дети. На их лицах явственно читалась усталость. Нет, не физическая, они были молоды и сильны. Это была усталость другого рода.

— Ну что ж, смотри, Таис, смотри. Эх, я очень не хотел, чтобы ты сейчас это увидела, но раз уж так случилось, что же теперь поделаешь.

— Кто это, Марк? Она выглядит… я не знаю… она выглядит как-то чужеродно здесь.

— Я не знаком с этой конкретной женщиной. Но такое, к сожалению, иногда происходит. Вспомни, в твоё время ведь тоже были такие люди, которые совсем не хотели ничего делать сами. Пользуясь своим умением манипулировать людьми, они заставляли других делать всё за себя. Эта привычка прочно входила в их натуру, так что они даже гордились тем, что умеют жить за счёт других, не прикладывая при этом никаких личных усилий. Так можно было раньше. Здесь эта привычка сыграла с ними злую шутку. Очень редко, но так случается, что они не в состоянии пройти обучение и перейти в хомо иммортализ. Они всё ждут, что кто-то сделает это за них. Но это невозможно. Процесс инициации в Кольцо Разума глубоко личный. Помочь можно только направив человека по нужному пути, пройти этот путь он должен сам. Она не смогла.

— Что же теперь с ней будет? — с ужасом спросила Таис. Она уже почти свыклась с мыслью, что в этом мире люди не умирают.

— Она проживёт долгую жизнь. Не могу сказать, насколько счастливой будет такая жизнь. Она же видит вокруг себя молодых и энергичных людей. Она знает, что все, с кем она знакомится, не стареют, в отличие от неё. Но глупая привычка получать всё за счёт других не позволяет ей пройти тот же путь. Она злится, считает, что её обманывают, требует, чтобы ей дали специальную волшебную таблетку, которая сделает её такой же, как все. Но такой таблетки нет. Наши психологи придумали несколько приёмов, чтобы вырвать подобных манипуляторов из их порочного круга. К сожалению, случаются проколы, эти приёмы срабатывают не всегда, и результат ты видишь сейчас перед собой. Она превращает жизнь родственников в ад. В отведённое ей время она умрёт, и её похоронят. Поплачут, конечно, но её душу отодвинут в самый дальний конец очереди, может быть, когда-то придумают способы и для подобных тяжёлых случаев. Но не сейчас.

Марк отпил через трубочку свой коктейль, подождал немного, потом снова заговорил:

— Не смотри, пожалуйста, туда так пристально, это неприлично. Кроме того, такие люди бывают чересчур агрессивны без видимой причины. Попробуй уже свой коктейль, зря, что ли, я заказал? — он пододвинул к ней её бокал. — И не думай глупостей. Я знаю, о чём ты сейчас подумала.

— Ни о чём, — соврала Таис.

— Не обманывай, я же вижу. Не надо сравнивать себя с этой персоной, ты совсем не такая.

— Правда?

— Абсолютно. Не веришь мне — спроси Эвелин. Мы оба очень довольны тобой. Мы в тебе ничуть не сомневаемся, и ты не должна. Поняла?

— Поняла.

— Ну что, отдохнула? Будем потихоньку возвращаться или ещё хочешь погулять?

— Ну можно уже и домой, — она хоть и посидела, дав отдых ногам, но долгая прогулка всё же утомила её.

— Тогда давай доберёмся домой на аэротакси.

Они дошли до лётной башни и поднялись на лифте на площадку. Стоя за ограждением, они дождались, когда рядом с ними приземлился небольшой двухместный городской шаттл. Он был зелёного цвета с синей полосой по низу и с надписью на носу крупным шрифтом: «Марк».

— Ой, смотри, на нём твоё имя написано!

— Конечно. Как бы мы узнали, что это за нами? — ответил Марк, помогая ей войти внутрь. — Я заказал аэротакси, значит, прибывая по вызову, оно меняет цвет на привычный для меня и пишет моё имя. Удобно же, правда?

На обратном пути она снова смотрела сверху на город и на улицу, по которой они гуляли, и этот город уже не казался ей таким уж незнакомым, как в первый раз. Эвелин дома ещё не было, но как раз к ужину она появилась.

— Ну что, как ваша прогулка? Таис, тебе понравилось?

— Я очень довольна, но немножечко устала. А ты как провела день?

— Вы знаете, у Ольги ещё не было детей, Мириам — это её первенец и она очень неопытная мамочка. Придётся мне её навещать, научить, подсказать и всё такое.

— А я что тебе говорил, — смеясь, обратился Марк к Таис. Она тоже засмеялась.

— Что? Что смешного я сейчас сказала? — недоумевала Эвелин.

— Скажи прямо — нашла малышку и теперь будешь с ней нянчиться в своё удовольствие.

— Ну Марк, — Эвелин поняла, что её раскусили, — я же только в свободное время буду, когда вы заняты.

Глава 5

На следующий день Таис специально обратила внимание на руки Марка и обнаружила, что от вчерашних синяков не осталось и следа. Но теперь она понимала, как такое происходит, и удивилась уже не очень сильно, хотя вначале тень недоверия всё же у неё была. Эвелин предложила устроить выходной день и вместо занятий посмотреть художественные фильмы. Короткие учебные фильмы Таис уже видела, а вот художественных ей ещё не показывали.

— Ничего, что мы зря потратим время вместо того, чтобы заниматься?

— А мы вовсе и не зря его потратим, — возразила Эвелин, — кино — это тоже часть обучения. И воспитания.

Первым они посмотрели фильм об Александре. Ей не понравилось.

— Они не похожи, — просто сказала она.

— Мы знаем, но актёры ведь и не должны быть похожи. У вас в театре актёры ведь просто носили маски, — возразила Эвелин.

— Нет, я не то имела в виду. Никто из них не похож на настоящих героев. Всё было не так. Все говорили не так. Думали не так. Александр не был таким… странным. И его достойнейшая мать, Олимпиада, тоже не была такой. Всё очень плохо в этом фильме.

— Ясно, обсуждать нечего, — согласилась Эвелин, — давай тогда посмотрим другой фильм. Ты любишь мифы?

Следующий фильм, о странствиях хитроумного Одиссея, привёл её в настоящий восторг. Она не раз читала «Одиссею» и представляла себе в уме описанные там события, но увидеть это на экране было новым, неизведанным до этого, наслаждением. Менторы сразу же приступили с вопросами, так ли похожа одежда, корабли, оружие. Да, Таис нашла всё достаточно схожим, с мелкими огрехами, что, впрочем, вовсе не вредило сюжету. Незаметно для неё фокус вопросов сместился с внешних вещей на действия и мотивы героев.

— Погодите, а зачем мы обсуждаем это? Ну, поступил Одиссей так, как поступил, это же его решение. Что же мы можем теперь в этом изменить?

— Изменить? — переспросила Эвелин. — А мы и не собирались. Нас интересует то, что стоит за этими поступками, а именно характер, душа, намерения. И твоё отношение к ним. Мотивы имеют значение. Они всегда имеют значение, даже если итог один, но мотивы разные.

— Но какое я имею отношение к мотивам Одиссея?

— Прямое. Ты или сопереживаешь, или осуждаешь, или всей душой одобряешь. Они влияют на тебя, и нас интересует, как влияют. Это мы только начали, завтра начнём тренировать скорочтение, и ты сможешь прочитывать целую книгу за вечер, вот там у нас будет о чём поговорить!

— Читать художественные книги? Не слишком ли расточительно мы распоряжаемся временем? Я думала, мне нужно освоить самые важные знания, достичь равного с вами понимания науки.

— О, об этом не переживай, Марк прекрасно знает своё дело. Но твои слова о расточительности меня немного встревожили. Пойми, мы не имеем права выпустить в мир человека, который не разделяет наши взгляды. Мы прошли очень долгий путь, насчитывающий тысячелетия, чтобы добиться настолько бесконфликтного общества, насколько это возможно. Да, ты, наверное, уже обратила внимание, насколько умиротворённая обстановка царит в городе, и весь остальной мир не исключение. Люди относятся к остальным как к друзьям, даже если не знакомы. Нам это очень трудно далось, и мы это очень сильно ценим, поэтому верхом безрассудства было бы впустить неподготовленного человека в наше общество.

— Неужели ты хочешь сказать, что совсем нет конфликтов? Никто не спорит, не ругается, не мстит за обиды?

— Ну почему же, конфликты бывают, и жаркие споры не редкость. Видишь ли, мы знаем, как конфликты возникают, как на них влияют различные черты характера и темперамент, люди ведь все разные. Но мы также прекрасно знаем, как погасить конфликт, прийти к пониманию и уважению. Пойми, мы не хотим, чтобы ты заучила кодекс поведения из трёхсот параграфов с подпунктами и постоянно с ним сверялась. Да и нет никакого кодекса. Просто ты должна понимать, как на твои действия реагируют другие люди, реакции должны быть ожидаемыми и в какой-то мере прогнозируемыми. Можно совершать ошибки. А кто их не совершает? Но нужно знать, как их быстро исправить, а не размахивать кодексом, доказывая, что ты ничего не нарушила и вообще право имеешь. Таким образом достигается гораздо большая свобода действий для всех, без опасения оказаться вдруг виноватой или обиженной и идти искать некоего правосудия на стороне. Конфликты решаются на месте. Ты спросишь, наверное, чем это достигается?

— Да, спрошу.

— Культурой. Наша цивилизация построена на культуре, а не на законе. Некие правила есть, но их можно пересчитать на пальцах, и, опять же, проистекают эти общепринятые правила из культуры. Но как же понять, правильно ты поступаешь или нет? Вот с рукопашным боем всё просто — Марк пошёл в спортивный зал и потренировался с роботом. Но ведь нельзя просто выйти на улицу и тренировать взаимоотношения на случайных людях? Книги нам приходят на помощь. Всё уже давно написано. Причём необязательно героям книг поступать всегда правильно, поэтому мы с тобой и обсуждаем книгу после прочтения. Книг написано очень великое множество, но все нам не нужны. Есть книги гениальные, их не так чтобы очень много, вот с них мы и начнём. Ты упомянула про месть? Забудь, нет такого. Ведь если человек начнёт мстить, то это приведёт к страданию другого человека, и, как это ни странно, к его собственному. Ты ещё не совсем поняла, но мы чувствуем это. Имея возможность обозревать всю человеческую мыслесферу, то самое Кольцо Разума, мы поневоле чувствуем настроения других людей. Когда людям радостно, это отдаётся радостью и в нашей душе. Кому-то грустно? Мы чувствуем эту грусть. Пусть и не так остро. Но пусть никто не страдает понапрасну! Это больно. Это не нужно. Усилия всех людей поблизости немедленно обратятся на то, чтобы страдание прекратить.

— Вы что же, читаете мысли? И мои тоже? — поёжилась Таис от мысли, не подумала ли она чего лишнего.

— Нет, — улыбнулась Эвелин.

— Да, — подтвердил Марк, — но не твои. Мы можем обмениваться мыслями. Этот процесс называется передачей квалиа. Но для него один человек должен передавать их в Кольцо, а другой принимать. Ты так не умеешь, поэтому твои мысли мы не читаем, успокойся. Но зато мы прекрасно чувствуем твои настроения. Но это же несекретно?

— Что значит квалиа? Никогда такого не слышала.

— Ох, как сильно вперёд мы забегаем! — заволновалась Эвелин. — Ладно, попробую объяснить, если получится, простыми словами. Вот смотри, допустим, ты побывала в Персии, ты ведь была в Персии?

— Да, была. Вместе с войском Александра.

— Отлично! Допустим, ты попробовала там некий экзотический фрукт, которых нет и не было в Элладе. Ну например… какие там экзотические фрукты были?

— Ну-у… вот абрикос, например. В Афинах их не было.

— Хорошо. Вот ты попробовала этот абрикос и приехала обратно в Афины. Расскажи своей подруге, Эвелин, какой этот абрикос на вкус. Я слушаю.

— Ну он такой сладкий…

— Как финик?

— Нет же! Ну такой… я не знаю, как виноград, наверное.

— Такой же сочный?

— Ну нет.

— На вкус как яблоко?

— Ну нет же, Эва, не перебивай!

— Я просто хочу понять вкус абрикоса, я его никогда не видела. Ну допустим.

— Не знаю, я не могу рассказать так точно, чтобы ты поняла. Как бы я ни сказала, всё будет не так.

— Вот именно. Это и есть квалиа — ощущение, которое ты точно знаешь, попробовав один раз, и ни с чем его не спутаешь, но не можешь передать словами. А мы можем.

— Это как эйдосы у Платона?

— Нет, у Платона эйдосы — это нечто сферическое, вечно пребывающее в вакууме, что существует независимо от материального мира. Абрикос же существует в мире, и ты его пробовала. И для тебя вкус абрикоса приобретает конкретность, это больше не какая-то невидимая идея, он прямо здесь, ты его чувствуешь, помнишь его. Раньше это было труднейшей проблемой, как передать словами такие простые вещи без искажения? А если более сложные вещи? Приходилось использовать большое количество описательных слов, и всё равно до конечного слушателя всё доходило в сильно искажённом виде. Была даже такая игра раньше — испорченный телефон. Но люди, описывавшие экзотические страны, вовсе не играли в испорченный телефон, они хотели передать всё в точности. Но до адресата доходили совсем уж дикие сведения, наподобие людей-псиглавцев или людей-скиаподов, скачущих на одной огромной ноге. Как бороться с этим? Вначале с искажениями передачи информации помогали бороться рисунки, если они правильно и хорошо выполнены. Потом и их стало не хватать, на смену пришли фотографии, а затем и видео. Объём и каналы передачи информации постоянно расширялись и увеличивались, но при этом требовали использования специальной аппаратуры. И всё равно передать вкус было невозможно. Ты сейчас возразишь, что можно применить что-то, воздействующее на вкусовые рецепторы?

— Да, наверное, — неуверенно возразила Таис.

— Однако это лишь один канал восприятия, а есть ещё несколько. А какой прибор должен передать твои чувства, если я прошу тебя рассказать, как ездить на коне? Что ты чувствуешь верхом?

Таис растерялась. Что тут ответить? Надо садиться на коня и начинать долго учиться, такое не передашь никакими словами.

— Вот именно, такое не передашь никакими словами и никакими устройствами. Но через Кольцо Разума я могу передать любые мыслеформы, любые квалиа. Никакие устройства передачи данных между двумя людьми не требуются. Причём, как мы когда-то давно заметили, передача в Кольце работает мгновенно, без задержек, как это бывает у радиоволн на больших расстояниях. Этот эффект напоминает квантовую запутанность, ты пока этого не знаешь, в двух словах — два спутанных кванта принимают одинаковые состояния на любом расстоянии в тот же миг. Роль спутанности квантов для квалиа играет эмоциональная связь. Я могу позволить Марку прикоснуться к моему уму и передать ему, например, мою память о том, как управлять колесницей, если бы я умела. За долю секунды он будет уметь ровно то же самое. Так можно учиться у других людей тем вещам, которые они уже умеют.

— Погодите, это что же значит, можно передать любые знания, нужно лишь найти подходящего учителя?

— Ну, в целом, да, именно так, — согласилась Эвелин.

— Хотя и не совсем, — привычно возразил Марк.

— Почему не совсем? Вы же можете сначала подключить меня к Кольцу Разума, а потом просто передать всё, что знаете?

— Э-э, не так быстро! Наша эллинка схватывает всё на лету, но чересчур уж торопится, — обратился Марк к Эвелин. Эва лишь кивнула в ответ. — Так нельзя, — теперь он уже обращался к ней, — твой ум не готов. Нельзя влить свежее вино в сырую амфору. Её обязательно надо сперва обжечь. А перед тем ещё и правильно сформовать. Так представь же себе, что твой ум — та же амфора, он не может воспринять то, что знаем мы. Слишком сырой ещё. Придётся потрудиться над формированием и обжигом, вернее, твёрдым закреплением знаний. Тогда только ты будешь готова, понимаешь?

— Кажется, понимаю.

Таис медленно вышла на террасу и, облокотившись руками на перила, смотрела на город. Сколько здесь людей? Миллионы? Или даже больше? Огромная система домов, подземных тоннелей, транспортных связей и летающих кораблей, и всё это как-то живёт, функционирует, не мешая друг другу, без сбоев и аварий, без конфликтов и скандалов. Как же возможно построить такое, и чтобы это вот так просто, как кажется, совершенно без усилий само по себе работало и всех бы устраивало? А ведь это только лишь один город, а сколько таких на планете? Умом она понимала, что люди, которые её окружают, они вовсе не такие, каких она привыкла видеть в своё время, но она-то не маленькая девочка, она за свою жизнь видела всякое.

— Как у вас получается обходиться без войн? Войны — это настолько естественно, что я просто не припомню ни одного мирного года до этого.

— Да, ты права, — отозвался Марк, — я тоже помню многое из своей первой жизни, и мне тоже пришлось повоевать. Но тут, видишь ли, в чём дело, мы придерживаемся основополагающей мысли, что человек по природе своей вовсе не злой, и война для него не является естественным состоянием. Как же заставить человека нападать на другого? Необходимо непременно убедить всех, что тот, на кого нужно напасть, вовсе не такой человек, как мы, и иногда даже вовсе не человек. В ваше время это решалось просто — все, кто не греки, объявлялись варварами, а раз так, то и не зазорно ограбить варваров и обратить в рабство. Позже выдумывали совершенно различные способы расчеловечивания противников — они не той веры, у них другой цвет кожи, они не так возделывают свою территорию, они не придерживаются нашей формы сверкающей демократии, у них нет души. Но даже уже в твоё время это обоснование дало трещину. Напомни, кажется, Александр придерживался мысли о равенстве греков и персов?

— Да, он даже женился на этой своей, Роксане, — Марк уловил в её словах то ли досаду, то ли тщательно скрываемую обиду. А может, это ему просто показалось.

— А вот твой земляк Зенон пошёл ещё дальше, когда заявил, что все люди — граждане одного космоса. Вообще все, не только лишь эллины и персы. Ты могла его знать, правда, он моложе тебя. Его более поздний ученик выразился ещё более определённо: «Ведь если истинен тот закон, который есть разум, и он присущ всем людям, то все люди равны по своей природе и все они входят в одну общину — богов и людей». Хорошо сказано, да? Оставим богов за скобками, но в целом его мысль предельно ясна — все люди равны на основании того, что имеют разум. Мы, конечно, эту мысль разделяем, а из этого вытекает совершенно ясный вывод — нет никакого обоснования для обращения других людей в рабство, убийства, грабежа или любого другого причинения вреда. Если разум есть главное отличие человека, то каждый человек имеет законное право на деятельное развитие своего ума, а раз так, то отсюда следует другая идея — право на развитие должно быть обеспечено всем людям без исключения. Право на развитие невозможно обеспечить во время войны, при отсутствии крыши над головой или при угрозе голодной смерти. Вот таким образом мы вывели базовые условия существования нашего общества — мир, дом и пища для всех.

— Ладно, но я всё равно не могу поверить, что люди вот так просто взяли и в одночасье согласились жить в мире, без войн.

— А никто и не говорит, что это было просто и в одночасье, — возразила Эвелин, — тысячелетиями войны были нормой, как же взять их и отменить? Но уже примерно к двадцатому веку нормальность войн была поставлена под серьёзное сомнение. А позже и вовсе открылась простая правда — войны — это способ передела пирога между правящими кланами, а умирать за это полагалось простым людям.

— И что, с тех пор воевать перестали?

— Нет, — ответил Марк, — но однажды нам всё это надоело. Мы, наша страна как раз завершила довольно длительную и кровопролитную войну. Этой войной противники пытались нас обескровить и разорить, но вышло всё как-то наоборот — возник новый Союз.

— Просчитались? Но где?

— А кто же знает? Аналитические оценки России никогда не совпадали с реальностью — система слишком сложная и непредсказуемая, как трёхзвенный маятник[20]. Но они не оставляли попыток каким-то образом снова нас спровоцировать, чтобы в этот раз ну уж точно всё у них получилось. Правда, нам вовсе не интересна была их возня с перераспределениями военных бюджетов, чтобы их околовоенным барыгам случайно не похудеть на голодном пайке. По большому счёту, противник перестал нас интересовать в смысле хоть каких-то партнёрских или культурных отношений. Мы становились самодостаточной цивилизацией, без них, и приглашали присоединиться к нам других.

— Что же делать, если тебя провоцируют? Просто не отвечать нельзя, это так не работает.

— Мы сделали простое и недвусмысленное заявление — господа, вы как хотите, можете воевать между собой сколько угодно, нас это не интересует. Вы можете попытаться на нас напасть или спровоцировать, но мы на вашу войну не придём. Мы отправим вместо себя наши ракеты в ваши столицы. Как остатки ваших народов будут после этого жить в ядерной пустыне, нас абсолютно не интересует. Мы даже готовы к тому, что часть ваших ракет долетит и до нас. Что ж, такова судьба, мы этого не хотели, но, если надо — рука не дрогнет. Раньше мы могли бы ещё сомневаться, стоит ли так поступать или нет, но дело в том, что буквально за несколько десятилетий до этого руководство нашей страны ужасно, до колик боялось войны, и руководимое страхом сдало всю страну на разграбление Западу. Из этой печальной истории мы вынесли одну простую мысль: хочешь жить достойно — не бойся поставить на кон всё. Они ведь тоже боятся. Больше мы такой ошибки допустить не имели права, ибо это была бы последняя ошибка в истории нашего народа.

— И что, они оставили вас в покое?

— Ещё бы! Ведь они рассчитывали втянуть нас в долгую войну на истощение, а при неудаче горе-руководители собирались быстро эвакуироваться. Вместо этого мы предложили им другую альтернативу — они сгорят в ядерном огне меньше, чем за час, причём руководство в первую очередь. Их это вовсе не устраивало. Так что втянуть нас в крупную войну больше не удавалось. Противостояние было, но уже в других формах. Что же касается достижения бесконфликтного общества внутри страны, то это отдельная и довольно длинная история, поговорим об этом когда-нибудь позже.

— Хорошо, хорошо, но давайте вернёмся к началу разговора. Я уже поняла, что нравственное воспитание имеет первостепенное значение в вашем обществе. Но теперь уже мне не совсем понятно: а зачем в таком случае изучать столько наук? Выходит, они не так уж важны?

— Ты права в том, что касается роли нравственного воспитания. Действительно, наука сама по себе является нравственно нейтральной. Учёный может применить свои знания как для добрых, так и для злых деяний, и примеров тому в прошлом множество. Кто-то из учёных

---

[20] — Трёхзвенный маятник — сложная динамическая система из трёх звеньев, которую можно описать теоретически, но из-за высокой чувствительности к исходным данным её реальное поведение сильно отклоняется от расчётов уже после первых колебаний.

придумал ведь и наладил промышленный выпуск газа Циклон-Б? Другие синтезировали смертельные вирусы, якобы в научных целях, просто ради научного интереса, а потом от них умирали тысячи людей. Но одного нравственного воспитания недостаточно. Толпа невежд, претендующих на обладание высокой нравственностью, может натворить много бед. Например, религиозные фанатики, проповедовавшие любовь к ближнему, жестоко расправились с женщиной-учёной Гипатией Александрийской. Количество ведьм и колдунов, сожжённых неотёсанными олухами, не поддаётся исчислению. Надеюсь, не надо объяснять, что никто из них ни колдуном, ни ведьмой не был? Просто ужас от того, что корова внезапно заболела и стала давать меньше молока, подсказывал очевидное и неправильное решение — сжечь соседку, которая чертовски красива, подозрительно. Или соседа, который как-то недобро смотрит.

— О боги! — вырвалось у Таис.

— Учёные страдали при этом не меньше простолюдинов. Мало ли что этот странный тип в своей лаборатории делает? Наверняка дьявола вызывает. Для безопасности лучше бы, конечно, и его сжечь. Бережёного бог бережёт. Так что невежество крайне опасно как для учёных, так и для всего общества в целом. Правда, частичное, начальное знание опасно не менее невежества.

— Как это? Ведь лучше знать хоть что-нибудь, чем не знать совсем ничего!

— Ты права, дорогая, на первый взгляд так и есть. Правда, позже заметили один странный эффект. Особенно ярко он проявлялся у студентов. Познав азы своей науки, они вдруг ощущали, что знают вообще всё и могут безапелляционно судить обо всех сферах человеческой деятельности. «Да я с самим Эйнштейном на короткой ноге. Кстати, я тут заметил у Альберта пару грубых ошибок, надо будет как-нибудь рассказать всем». При этом их вовсе не смущало, что, когда они после институтов приходят на работу по специальности, им с порога заявляли: «Забудь всё, чему тебя учили в институте, будем переучивать заново». Это воспринималось как должное, но в остальных вопросах они ведь точно-точно не ошибались. Особенно в политике. «Нам не нравится, как устроено государство, давайте его разрушим. Я точно знаю, как надо сделать правильно». Студенческие демонстрации стали прямо визитной карточкой многих бунтов. Такое состояние психологи назвали Пик глупости[21]. Некоторые оставались на этом пике до самой старости, необучаемые. Остальные же, заметив, что их всезнание не даёт нужных результатов, быстро покидали Пик глупости.

— Погодите, это и меня ждёт? Я же учусь.

— Не переживай, — оптимистично успокоил её Марк, — мы его быстро проскочим. Главное, не задерживаться потом в долине отчаяния.

— Где?! — совсем уже испугалась Таис.

— Ну Марк, зачем ты сейчас сказал? — укоризненно заметила Эвелин.

— Ей всё равно рано или поздно нужно знать, — парировал Марк. — Видишь ли, — теперь он обращался к Таис, — мы от тебя ничего не скрываем.

— Спасибо, — как-то не очень уверенно поблагодарила она.

— Уверяю, очень скоро мы выйдем на кривую просветления, а это уже совсем правильный путь.

— Ладно. Но зачем тогда учить вообще все науки? Недавно я делала меч, потом Марк показывал мне, как строились наши храмы. Зачем мне такие разносторонние знания? Не проще ли сосредоточиться на чём-то одном? Достичь успеха в одной области?

— Может, и проще, зато хуже, — возразил Марк.

— Но почему хуже? Ведь не может же один человек уметь всё?

— А откуда ты знаешь? Разве ты уже пробовала?

---

[21] — Здесь описана кривая Даннинга — Крюгера. Пик некомпетентности находится в точке, где знания ещё низкие, но уверенность максимальная, а ошибки наиболее грубые.

— Нет, но…

— В жизни нужно попробовать всё, от астрономии до ядерной физики. Вдруг в тебе дремлет прирождённый космопилот? Сегодня ты знаешь больше, чем любой человек твоей эпохи, а ведь мы ещё только начали.

— Я знаю. Если бы я сейчас вернулась в своё время, я бы очень сильно удивила Аристотеля. Но не вредно ли распылять внимание на несвязанные разнообразные области?

— Не вредно. Заставляя наш мозг решать новые сложные задачи, мы поддерживаем его в тонусе, сохраняя его остроту и пытливость ума, сохраняя его способность отвечать на будущие, ещё неизвестные нам вызовы. Ты сможешь сделать всё, что захочешь, сама.

— Всё сама?

— Ну ладно, попросишь меня, я тебе помогу, — успокоил её Марк.

— Вот спасибо, — то ли с иронией, то ли искренне поблагодарила она, — а что с детьми? Ну с теми, что учатся в школе? Они тоже изучают вот это вот всё? Как я?

— Да, всё то же самое, с самого начала.

— Но почему тогда так долго?

— У вас, и у меня в том числе, у всех вновь возрождённых есть жизненный опыт. У кого-то большой, у других — меньше. Тем не менее, прожив какое-то время, мы обладаем представлением о мире, о людях, о взаимоотношениях. Нас нужно только направить и обучить. Дети — это чистый лист, у них нет ничего вообще. И гораздо больше времени у них занимает не обучение наукам, а наука взаимодействия с другими людьми. С такими же школьниками, как они сами, с учителями, с другими совершенно посторонними взрослыми. А главное — они не прошли через посмертие, — Марк сейчас был очень серьёзен, глядя куда-то вдаль, на опускающийся к горизонту красно-оранжевый шар. — Родившиеся в благополучном обществе, они не знают, что такое горе, смерть, потери. Для них мир безопасен и понятен. Как дать им понять, что мир не всегда такой, что бывают и трагедии? И как при этом не отвратить их от этого мира, помочь полюбить его таким, какой он есть, побудить сделать его лучше? Понимаешь, насколько тяжёлая задача перед нами стоит?

— Да, теперь понимаю.

— Вот потому и так долго, бывает и до двадцати пяти лет, как пойдёт.

— А у меня всего два года. Я боюсь. Признаюсь честно — мне иногда страшно.

— Не бойся, мы же обещали, что будем всегда с тобой.

Эвелин придвинулась, прижавшись плечом к её левому плечу. Справа к ней прижалось плечо Марка. Ощутив тепло своих менторов, она вдруг почувствовала удивительное спокойствие. Не было больше страха. Была уверенность. Уверенность и в своих силах, и в мудрости и умениях её учителей, которые вот они, здесь, и они её не оставят. Ведь они обещали.

Глава 6

Лето уже перевалило через свою середину, и дни начали постепенно уменьшаться. Погода всё так же радовала Таис, не изнуряя жарой, но щедро одаряя своим мягким теплом. Иногда ночью шли продолжительные дожди, охлаждая и напитывая влагой разгорячённую за день землю. Странно, но днём дождей не было. Неужели они научились управлять погодой, чтобы вызывать дождь только тогда, когда это удобно? Таис так и спросила, на что получила простой утвердительный ответ от Марка. Он прозвучал так буднично, как будто это очень просто, и это вызвало даже большее удивление, чем сам факт такого управления.

Эвелин, тем временем, действительно научила её читать так быстро, что она могла осилить за вечер одну небольшую книгу, поэтому Марк принялся очень основательно восполнять её пробелы в истории, начиная с самой ранней, ибо без исторического контекста большинство книг были бы ей непонятны. Но вдруг в одном месте обучение дало сбой.

— Подождите-ка, это что же выходит, с наступлением Средних веков мои Афины пришли в упадок? Сколько же жителей там оставалось?

— Никто точно не знает, — ответил Марк, — не осталось никаких свидетельств. А раз письменных источников об этом нет, можно предположить, что там оставались жить лишь небольшие группы неграмотных крестьян или пастухов, которые не оставили после себя никаких записей.

— А что же сейчас? Как там мой город? — со страхом в голосе спросила Таис.

— Всё в порядке, город теперь на месте. Ещё больше и красивее, чем ты его помнишь. Только он… другой.

— Я хочу увидеть его! Мы же можем?

— Ну, пожалуй, да, — ответила Эвелин, — возможно, с этого и надо было бы начать. Но правда, город сильно изменился. Ты бы не узнала его без предварительной подготовки.

— Давайте не будем зря терять время. Марк, будь любезен, вызови аэротакси или что там полагается.

— Городское аэротакси не подойдёт, я вызову междугородний лайнер. Только предупреждаю сразу, если ты хочешь найти свой бывший маленький уютный домик, то его давно нет.

— Я понимаю. К этому я готова.

— Хорошо, пойдём тогда переоденемся соответствующим образом, — Эвелин потянула её в спальню.

* * *

Не прошло и двадцати минут, как они уже садились в трёхместный дальний лайнер. Таис уже понемногу привыкла к коротким перелётам на городских челноках-такси, однако сейчас они поднимались всё выше и выше, стремительно набирая скорость. Поверхность земли под ними отдалилась настолько, что деталей уже совсем не было видно. Земля проносилась с такой скоростью, что она успевала рассмотреть внизу лишь крупные реки, размытые пятна городов и довольно быстро промелькнувший участок моря.

Примерно через час такого полёта они начали снижаться, постепенно замедляясь, пока наконец не перешли в широкую левую нисходящую спираль. И тут она начала узнавать вначале общие очертания побережья, так, как она их запомнила по картам, потом увидела и саму скалу Акрополя. Да, это был её город. Но он и в самом деле был уже не такой. От россыпи маленьких домиков с узкими кривыми улочками не осталось и следа. Она это понимала и ожидала увидеть дома-башни, но и их тоже не было. Оставляя нетронутым центр с Акрополем и Агорой, в стороны расходились длинные дома, также поднимавшиеся от широкого основания ввысь террасами, но были они значительно ниже привычных уже башен.

— Видишь, — указала на дома Эвелин, — я говорила тебе, в разных местах дома строят по-разному, приспосабливаясь к местным условиям. Здесь вот решили, что доминантой города должен оставаться Акрополь, поэтому дома строятся ниже его уровня.

Да, они тоже выглядели довольно интересно, с такими же широкими зелёными террасами, как и в их доме, в её время столько зелени в Афинах никогда не бывало. Дома, похожие на очень широкие валы, расходились от центра, оставляя между собой пространство для широких дорог. Более узкие поперечные дороги проходили через тоннели прямо в домах. В целом город выглядел не хаотично, как раньше, а хорошо распланированным. Но по мере того, как они снижались и всё больше деталей попадало в поле зрения, всё сильнее росло в её душе непонятное чувство тревоги. Если бы её сейчас спросили, что же вызвало такую настороженность, вряд ли она смогла бы ответить.

Марк направил лайнер на ближайшую к Акрополю посадочную башню. Он, как правило, всегда садился на место пилота, когда они вместе куда-то летели, а Эвелин занимала место рядом с Таис. Спустившись с башни, они оказались наконец на улицах города. Пинии и кипарисы, густо высаженные вдоль дороги, мешали рассмотреть Акрополь издалека. Она вновь удивилась изменениям, ведь в её время такого обилия деревьев в городе не было. Но ещё больше удивило то количество фонтанов, которое они встречали на пути. Определённо, здесь теперь не было никаких проблем с водой. И это было весьма кстати, мелкая взвесь влаги приятно освежала, успокаивая привычную в этом месте и в эту пору жару. Благодаря этому, а ещё тому, что день уже давно перевалил за середину и солнце не висело больше прямо над головой, Таис не ощущала той жары, к которой она приготовилась заранее.

И вот наконец они подошли к Пропилеям, и то, что вызывало её тревогу, обнажилось со всей беспощадной прямотой — величественные и красивые Пропилеи более не блистали ни красотой, ни величественностью. От былого великолепия парадного входа на Акрополь не осталось ни следа.

— О боги! Что же это такое? Что здесь случилось? — невольно вырвалось у неё. Несколько людей с удивлением оглянулись на неё, потом на её менторов.

— Таис, дорогая, — как можно мягче попыталась успокоить её Эвелин, — пойми, пожалуйста: ведь прошло уже больше трёх тысяч лет. Они и не могли бы выглядеть иначе. Время сильнее любого камня. Пойдём дальше?

Они поднимались по истёртым ступеням мимо истрёпанных временем колонн, и это их состояние удручало Таис ещё сильнее. Нет, они не были намеренно разрушены, это она могла бы ещё как-то принять. Большинство колонн структурно были целыми, но сильно повреждённая, обветренная поверхность чётко указывала на причину — да, это время. Ещё большее потрясение ждало её наверху — никакого следа огромной фигуры величественной Афины, издалека притягивавшей взгляды золотым наконечником своего копья. Состояние Парфенона было ещё более удручающим, с разрушенными колоннами и без крыши. Такой же жалкий, полуразвалившийся Эрехтейон. Везде следы разрушений и запустения. Настолько ужасно это место не выглядело, наверное, даже после персидского нашествия. Плачевно — это правильное слово, характеризовавшее общее состояние. Да, ей хотелось плакать, глядя на дорогие её сердцу места. Она молча ходила от одного храма к другому, разглядывая ступени, гладя рукой колонны и силясь вызвать в памяти былую славу этого места, но у неё ничего не получалось.

— Одно время это место было заброшено, — пыталась всё объяснить и немного успокоить Эвелин, — потом некие глупые люди устроили здесь пороховой склад, который взорвался, вызвав такие разрушения. Когда человечество немного поумнело, пытаясь возвратить себе своё древнее наследие, разрушения были уже слишком большими. Только сейчас мы получаем по-настоящему хорошие технологии, чтобы правильно всё восстановить. Как видишь, работа идёт, хоть и медленно, — она указала рукой на некие сложные машины, окружавшие колонны, и людей, которые ими управляли, — проблема в другом. Мы не знаем в точности

всех деталей каждого храма. Делать наугад не хочется. Вот если бы нашёлся человек, который видел всё воочию и мог бы вспомнить каждую деталь…

Действительно, глядя на машины, установленные вокруг колонн, можно было заметить, что в нижней части некоторые колонны были уже полностью восстановлены, отдавая ослепительно чистой белизной свежего мрамора. Только сейчас она заметила, что довольно большая часть людей здесь является вовсе не посетителями, как они, а реставраторами, занятыми каждый на своём объекте. Часть девушек-реставраторов даже была одета в стилизованную одежду, отдалённо напоминавшую древнегреческую. Очень отдалённо, надо признать. Видимо, у них тут так было принято. Впрочем, парни не носили ничего подобного, все были одеты по-современному. Встречные реставраторы вначале с недоумением глядели на маленькую, грустную, красивую незнакомку, затем переглядывались с её кураторами. Марк или Эвелин коротко кивали, после чего люди с видимым почтением расступались перед ними, пропуская Таис в самые дальние и недоступные для посетителей уголки реставрируемых храмов.

— Я что, зашла куда-то не туда? — спросила она вдруг, обнаружив себя в дальнем, закрытом углу Эрехтейона.

— Ну, в общем, да, — мягко ответила Эвелин, — посетителям лучше сюда не заходить, чтобы не мешать работам.

— Почему же вы не сказали? А почему нас не остановили?

— Тебя узнали, — ответил Марк, — ты знаменита. Особенно в этом месте.

— Как они могли меня узнать?

— В том, что мы тебя возродили, нет никакого секрета. Кто хотел, давно об этом узнал. Афиняне уж точно.

— Давайте же выйдем отсюда! Не будем мешать, — люди на выходе снова расступились, приветливо улыбаясь. Таис растерянно кивнула им в ответ.

Наконец они вышли на площадь, к краю скалы, с которой был виден город. Город был красивый, полный жизни и движения. Это резко контрастировало с разрухой на Акрополе. Хотя, надо признать, слова Эвелин и проводимые работы немного её успокоили. Всё же она больше не хотела здесь оставаться из-за общего гнетущего впечатления.

— Ну что, дорогая, полетели домой? — поинтересовалась Эвелин.

— Да, пожалуй. Здесь нечего делать. Хотя, знаете, что. Я бы хотела посетить одно место. Недалеко от лаврионских серебряных копей есть два храма, Посейдона и Афины. Я любила там бывать. Особенно у маленького храма Афины.

Менторы переглянулись.

— Серебряные копи давно истощились, их нет, — ответила Эвелин.

— Кажется, я вспомнил, что это за место, — отозвался Марк, — но я должен сразу предупредить: храма Афины там уже нет.

— Как нет?! Ну а второй-то хоть остался?

— Полетели, — вместо ответа предложил Марк.

Они прошли обратно на лётную башню, и Марк вызвал лайнер. Клонившееся к горизонту солнце светило им в правое плечо, пока они проделывали свой путь вдоль побережья и через несколько минут уже кружились над мысом Сунион, спускаясь на посадку.

Это место изменилось гораздо сильнее. Действительно, от храма Афины не осталось и следа. Пока они шли по дорожке к самому высокому месту на мысе, она пыталась найти в окружающей местности хоть что-нибудь узнаваемое, но тщетно. Не осталось ни стен вокруг храма, ни стои[22] с северной стороны. Храм одиноко стоял на вершине скалы без своего привычного окружения. Да и храмом это уже нельзя было назвать. Сохранились лишь южная колоннада и

[22] — Стоя — длинная колонная галерея для защиты от солнца, часто оборудовалась рядом с храмом или площадью. Стоики — философы, проповедовавшие в тени афинской стои.

только шесть колонн с северной стороны. Надо отдать должное реставраторам — раскиданные ранее куски мрамора были сложены аккуратно вокруг храма и, видимо, ждали своего часа. Но эти горы камня, свидетели разрушений, вовсе не успокаивали её, а навевали ещё большую тоску. И зачем только она сюда прилетела? Стало только хуже.

Таис села на камень спиной к храму: смотреть на остатки былой роскоши не было никаких сил. И в этот момент она уже не выдержала. Слёзы тонкими струйками покатились по щекам, закапали на красивое платье. Сдавливаемые поначалу рыдания становились всё громче и громче. Она и не заметила, как довольно внушительная толпа людей, что только что была рядом с ней, расступилась, разошлась, оставив её одну. Вокруг стало тихо.

Вот только сейчас она поняла нечто, что подспудно копилось в ней, не имея выхода. Она одинока. Она ужасно, смертельно одинока. Все её подруги и друзья остались там, за три тысячи лет. Здесь нет никого, кто её понимает. Здесь нет её детей, а это неправильно. Не может быть так, что мать жива, а дети умерли давным-давно. Так не бывает. Да, здесь есть Эвелин и Марк. Они милые и очень хорошие. Видно, как они стараются, пытаясь всеми силами ей помочь. Но она видит также и огромную пропасть, которая лежит между ними. Они лучше её, они умнее, добрее. Хотя они никогда не показывают этого и всё время стараются держаться с ней так, как будто она им ровня. Но это же не так, она же это видит. Время — вот что их разделяет. Эвелин права — время сильнее любого камня, тем более любого человека. Здесь, в этом месте, это становится слишком явно. Истёртые ветром растрескавшиеся и осыпавшиеся колонны показывают это со всей беспощадной прямотой. Она не из этого мира. Она из мира, где эти колонны были гладкими и ровными, мрамор чистым и сверкающим. Что за насмешка судьбы забросила её сюда? Как ей жить здесь, в чужом для неё мире?

Так думала Таис, глядя на закат. Красно-оранжевое солнце мягко ласкало красивое лицо, пытаясь высушить слёзы, которые лились и лились потоком, не думая прекращаться. Плечи мелко вздрагивали, как будто её колотил озноб, хотя было всё ещё жарко.

— Привет! — внезапно маленькие ладошки хлопнули её по коленям.

Таис растерялась, вытирая слёзы и пытаясь понять, что за непосредственная жизнерадостность ворвалась в её тоскливые думы. Немного протерев глаза, она с изумлением уставилась на маленькую девочку в коротком голубеньком платьице, на вид не больше четырёх лет. Её маленькие ручонки лежали на коленях у Таис, а большие чёрные глаза-бусины смотрели прямо ей в лицо.

— Я Надин, — отрекомендовалось маленькое чудо, — а ты кто?

— Я? А я Таис. Таис из Афин.

— А, соседи, значит. А я из Антальи, тоже на «А». А что ты тут делаешь?

— Сижу, — не зная, как правильно ответить, просто сказала Таис.

— А я сегодня тоже плакала. У меня мой хомячок умер. А папа сказал, что хомячки долго не живут, они не бессмертные, как люди. А ты почему плачешь? У тебя тоже кто-то умер?

— Да, — всё ещё с трудом выдавливая слова, коротко ответила Таис, — я.

Такой ответ явно обескуражил Надин своей неожиданностью. Она некоторое время стояла молча, всё так же держа свои тёплые ладошки на коленях Таис, и внимательно вглядывалась ей в глаза. Таким взглядом, каким могут смотреть только дети, заглядывая прямо в душу. Чёрные глазки-бусинки проникали прямо внутрь, от них ничего не скроешь.

— Нет, ты живая. Я же вижу, — вынесла наконец Надин своё заключение, — а хочешь, я дам тебе моего журавлика? Мне его папа сделал, — она порылась в переднем карманчике и достала оттуда маленького бумажного журавлика, — держи. Папа сказал, что он приносит удачу.

— Что же ты отдаёшь мне свою удачу? — Таис оглянулась вокруг. Её менторы стояли невдалеке, на почтительном расстоянии, чтобы не тревожить её, но и не слишком далеко, если

вдруг понадобятся. Рядом стояли парень с девушкой, видимо, родители Надин, и тоже делали вид, что любуются закатом.

— А мне папа ещё сделает! Он у меня, знаешь какой? Он всё может. Держи!

— Спасибо, — Таис приняла неожиданный подарок.

— Ну ладно, мне пора. Мама сказала, что нам долго домой добираться. Целый час!

Надин обхватила её за шею и чмокнула в носик. Потом махнула на прощание рукой и помчалась к родителям. Внезапное детское тепло вернуло Таис в реальность. Она смотрела вслед удаляющейся девочке, крепко державшей за руки своих родителей, и ругала себя за не к месту проявленную слабость. По какой такой причине она вдруг решила, что одинока? Эта маленькая девочка по сравнению с ней могла бы считаться гораздо более одинокой. У неё нет ещё ничего, кроме родителей. А ведь если хорошо подумать, Таис невероятно богата. У неё есть своя судьба, своя история. Есть люди, которые, оказывается, даже сейчас о ней помнят. У неё есть далёкая, но очень родная правнучка Эвелин. А есть ещё большой и добрый Марк, который, как и папа Надин, умеет всё. А может, даже лучше и больше.

Она тихонько встала с камня и подкралась к своим менторам, засмотревшимся на закатное солнце, схватив их внезапно за руки.

— Ну что, поехали домой, — попыталась она придать весёлости своему голосу. Но следы слёз на улыбающемся лице всё ещё выдавали недавние переживания.

Менторы немедленно оживились, взяли её за руки и направились к выходу.

— Сейчас прилетим, и я устрою великолепный ужин, — предложила Эвелин, — ты какое вино больше любишь, красное или белое?

— Красное.

— Лайнер сейчас прибудет, один час — и мы дома, — Марк уже вызвал самолёт.

— Какие вы у меня славные! — особое ударение Таис сделала на словах «у меня».

— Ты совершенно права, моя дорогая, — немедленно согласилась Эвелин.

— Абсолютно не возражаю, — подтвердил Марк.

Только сейчас нервное напряжение начало его отпускать. Он совершенно не рассчитывал на такую сильную реакцию афинянки, и его с Эвелин предприятие, которое казалось ранее таким ясным и продуманным, теперь выглядело ужасно безответственной авантюрой. О чём они только думали, когда решили выдернуть женщину из такой далёкой эпохи в совершенно неподготовленную для неё среду? Да ещё эти развалины, ах, как некстати. Ну почему так медленно движется дело с реставрацией? Нет, он знал почему. Просто в этот раз против них играла их собственная основательность, когда каждое такое деликатное дело нужно должным образом подготовить, накопить нужные технологии и приёмы, а потом уже можно быстро и закончить. Вот и они с Эвелин, как им казалось, подготовили всё как надо. Но упустили нечто важное, какую-то совсем незначительную деталь, которая в действительности едва всё не испортила. На их счастье, здесь случайно оказалась семья с маленькой девочкой, которая так просто и легко спасла ситуацию. Иначе Марк никогда не смог бы себе простить, если бы с этим прелестным созданием, за которое он несёт полную ответственность, что-нибудь случилось бы.

Они не спеша шли в сторону лётной башни, держась за руки и непринуждённо болтая, и последние лучи заходящего солнца ласково играли на их спинах, провожая в добрый путь и предвещая удачу.

Глава 7

До конца лета оставались считанные дни, впрочем, погода всё так же держалась тёплая и временами даже жаркая, хотя Марк сказал, что это будет недолго, ведь зима придёт всего через три месяца и будет более суровой, чем привыкла Таис. А пока они наслаждались занятиями на свежем воздухе, на террасе и вечерними прогулками по городу. Эвелин теперь делала главный упор в занятиях на новых, секретных техниках управления телом и памятью, хотя позже оказалось, что секретными они были лишь для Таис, для всех остальных все знания были давно открыты. Потом наступала очередь Марка, и они либо шли в учебные классы, либо садились за вычисления в своей гостиной. Но теперь обычно после обеда Марк давал ей больше времени для самостоятельной работы.

— Ты уже знаешь очень много, пора не просто накапливать знания, а пытаться оперировать ими, решать задачи, заставлять твой ум находить лучшие решения из множества возможных.

— Погоди! Мне кажется, хотя я и пытаюсь, многое ещё остаётся мне неясным. Глядя на мир за окном, это становится совсем очевидно: я ведь не понимаю, как функционирует всё это, все эти машины, все роботы…

— Всему своё время, не торопись.

— Так что же я тогда знаю? Выходит, что и ничего.

— Посмотри на эту стопку тетрадей на краю стола. Видишь, как она выросла? Я специально их не убираю и не прячу. Это твой труд. Если тебе кажется, что дела идут медленно, смотри на эту стопку: это не просто исписанная бумага, это теперь всё в твоей голове. Просто нужно это вспомнить и правильно применить. Теперь поднимемся на следующую ступеньку, опираясь на все эти тетради, старайся скомбинировать изученные приёмы для решения вполне практических задач. А потом мы посмотрим, совпадает ли твоё решение с тем, что было в реальности. Так, стоп! Или я тебя неправильно понял? Не пытаешься ли ты сейчас улизнуть от очередного задания? — Марк сурово сдвинул брови. Ну как сурово — как получилось.

— Нет-нет, что ты! И в мыслях не было. Давай своё задание, — Таис приготовилась записывать.

— Тогда вот, слушай. Допустим, мне срочно нужно в Африку, фотографировать диких зверей. Секретное задание одного, скажем так, журнала. Но, как назло, в том месте нет аэропорта, пустыня же. Вернее, саванна. Значит, мне придётся прыгать с парашютом. Требуется рассчитать площадь парашюта, его диаметр и длину строп. Записала?

— Ага.

— Исходные данные — мой вес округлим и примем за сто килограмм. Дальше мне нужно фоторужьё. Охотиться будем… в смысле — фотографировать будем слонов…

— Погоди, каких слонов? Они в Индии живут!

— Ах да, ты ещё не знаешь, в Африке тоже есть слоны, даже крупнее индийских. Поэтому фоторужьё надо побольше, пусть весит три с половиной килограмма. К нему четыре БК… то есть четыре комплекта фотоплёнки. Да, это очень старое ружьё, плёночное. После того как я его сфоткаю, я буду выбираться из района двое суток, предположительно. Значит, мне потребуется вода из расчёта пять литров в сутки, я буду терпеть и пить очень мало, и еда, два сухих пайка. И не забудь вес самой парашютной системы, примем его за 12 килограмм Вроде всё. Я ничего не забыл?

Таис задумалась, глядя в свои записи, потом вопросительно подняла ручку.

— Ах да, ты права. Я не должен сломать свои хилые ножки при приземлении, это будет крайне прискорбно, — Таис с сомнением посмотрела на ноги Марка, который расхаживал по комнате, после посещения его тренировки она сильно сомневалась, можно ли их в принципе

сломать, — так вот, чтобы не поломаться, скорость приземления не должна превышать пять метров в секунду. Плотность воздуха возьми для температуры плюс пятьдесят, там бывает очень жарко. Вот, теперь точно всё. Справишься?

— Я подумаю. Но не обещаю, что быстро.

— Я тебя не подгоняю, — улыбнулся Марк.

Таис взяла свою тетрадь и книгу и удалилась в свою спальню, где тоже был маленький рабочий стол. Наедине ей думалось лучше. Несмотря на это, решение к ней пришло не сразу. Пришлось перебрать не один вариант, после чего обратиться к справочникам. Найденный ответ вроде бы не выходил за рамки разумного, и Таис решила остановиться на нём. Правда, ей не хватало некоторых параметров, поэтому она вычислила несколько вариантов. Всё ещё пребывая в сомнениях, решила она пойти к Марку за уточнением и представить свою работу.

Марк всё так же находился за столом в гостиной, где они обычно занимались, и разговаривал с незнакомой женщиной, сидящей напротив него через стол. Присмотревшись, Таис поняла, что это была голограмма: проектор мог создавать иллюзию в любом месте комнаты.

— А ты был уже в этом году на море? Ты же так любишь море.

— Нет, к сожалению, или к счастью, у нас с Эвой сейчас много работы.

— О, а как у Евы, всё в порядке?

— Не называй её так, пожалуйста, ты же знаешь, Эвелин этого не любит.

— Ой, ну ладно, ладно…

Таис уже собиралась выйти, чтобы не мешать разговору, но тут Марк её заметил.

— О, Таис, ты как раз кстати! Подойди, я тебя представлю.

Таис прошла в комнату и села рядом.

— Ой, какая хорошенькая! — женщина напротив всплеснула руками и расплылась в очень радушной улыбке, заставив Таис улыбнуться в ответ.

— Ну мама! Где твои манеры?

Ах, так это мама Марка? Таис вначале удивилась, так как девушка перед ней была на вид едва ли не моложе самого Марка. Впрочем, удивление быстро прошло, ведь теперь так и должно быть.

— Ну извини, извини. Что ты постоянно критикуешь мать? Таис, милочка, как тебе здесь? Нравится? Марк не обижает? А то ведь только скажи, я его мигом приструню!

— Мама!

— Ой, забыла представиться, меня зовут Лариса. Я мама этого молодого человека.

— Очень приятно, я Таис из Афин.

— Я знаю, знаю! Марк о тебе так восторженно рассказывал.

— Ну мама!

— Ну ладно, ладно, что ты начинаешь?

— Расскажи лучше, чем вы там занимаетесь?

— Ой, да рассказывать особо нечего. Мы с Тони собрали очень неплохой урожай арбузов, а сейчас вот посадили персики, только надо ускорить рост. А так всё по-прежнему.

Из-за её спины внезапно возник молодой мужчина, невысокого роста, но довольно крепкий. Таис вначале не поняла, как он нарисовался, а потом сообразила, что он на той стороне связи вошёл в зону захвата проектора.

— Простите, что отвлекаю, Марк, привет! Вынужден забрать у вас Ларису. Пойдём, — теперь он обратился к ней, — пойдём, там нужно твоё присутствие.

— Что-то серьёзное?

— Не особо, но лучше, чтобы ты сама посмотрела.

— Что ж, тогда до следующего раза! Марк, будь хорошим мальчиком, не обижай мне Таис.

Голограмма растаяла, и они остались одни в комнате.

— Какая она весёлая!

— Прости, если она наговорила лишнего. Она всегда такая непосредственная. Нам с Эвелин пришлось знатно потрудиться, когда её возродили. Она постоянно отвлекалась, восторгаясь внешним миром.

— О, не стоит извиняться, у тебя хорошая мать. А что это она говорила про арбузы и персики, как про достижение? Они занимаются сельским хозяйством?

— Да. В Антарктиде.

— Где?!

— Непосредственно рядом с Южным полюсом.

— Там же лёд сплошной и холодно! Какие арбузы?

— Ну не на льду же выращивают. На базе, вернее, в городе, в оранжерее.

— Разве нельзя доставлять туда арбузы из тёплых мест?

— Можно, и доставляют. Так даже проще. Но во всех таких неуютных и сложных местах обязательно что-нибудь выращивается в качестве эксперимента и накопления опыта. Мы ведь не всегда будем жить только в благоприятных для растений условиях. Представь, если придётся открыть колонию на поверхности спутника Сатурна. На самом деле уже открыли. Не возить же туда арбузы с Земли? Зато вот уже есть готовое решение, бери и пользуйся. Это лишь вопрос наличия достаточной энергии.

— А этот молодой человек, Тони, это твой отец?

— Нет. Это избранник мамы. Они уже здесь познакомились. Отца у меня нет.

— Так не бывает.

— Бывает. Вот у меня, например. Ладно, ладно, какой-то биологический отец у меня, конечно, был. Просто я его не знаю и никогда не видел. Он бросил маму, как только узнал, что она забеременела. Заявил что-то типа: «Прости, но я недостаточно хорош для тебя. Я одинокий волк! Ты заслуживаешь большего». Или что-нибудь наподобие этой чепухи и скрылся в неизвестности. Ты знаешь, в чём-то он даже прав — такого, как он, мама точно не заслужила, уж лучше самой, чем с таким вот…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.